

ISSN 2686-7494

Два века

РУССКОЙ
ИЛИССИИ

ISSN 2686-7494

ISSN 2686-7494

Два века **Two centuries**
русской классики **of the Russian classics**
[Dva veka russkoi klassiki]

Научный журнал Academic Journal
Выходит с 2019 года Is published since 2019

2020 Том 2 № 2 2020 Volume 2 No. 2

Учредитель и издатель: Founder and publisher:
Институт A. M. Gorky
мировой литературы Institute
им. А.М. Горького of World Literature
Российской of the Russian
академии наук Academy of Science

Два века
РУССКОЙ
КЛАССИКИ

Редакционная коллегия журнала «Два века русской классики»

Главный редактор

Щербакова Марина Ивановна (Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва)

Заместитель главного редактора

Виноградов Игорь Алексеевич (Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва)

Ответственный секретарь

Андреева Валерия Геннадьевна (Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва)

Редакционная коллегия

Гулин Александр Вадимович (Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва), Гуминский Виктор Мирославович (Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва), Ивинский Александр Дмитриевич (Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва), Троицкий Всеволод Юрьевич (Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва), Воропаев Владимир Алексеевич (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва), Генералова Наталья Петровна (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, г. Санкт-Петербург), Захаров Владимир Николаевич (Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Российский фонд фундаментальных исследований, г. Москва), Коровин Владимир Леонидович (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва) Лебедев Юрий Владимирович (Костромской государственный университет, г. Кострома), Михайлова Наталья Ивановна (Государственный музей А. С. Пушкина, г. Москва), Мосалева Галина Владимировна (Удмуртский государственный университет, г. Ижевск), Николаева Евгения Васильевна (Московский педагогический государственный университет, г. Москва), Николаева Светлана Юрьевна (Тверской государственный университет, г. Тверь), Федоров Алексей Владимирович (издательство «Русское слово», г. Москва), Чернышева Елена Геннадьевна (Московский педагогический государственный университет, г. Москва)

Иностранные члены редакционной коллегии

Авидзба Василий Шамониевич (научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия», г. Сухум, Абхазия), Амберг Лоренцо (дипломат и посол Швейцарии, г. Женева, Швейцария), Боханд Мохаммад Латиф (посол Афганистана в России, г. Кабул, Афганистан), Гини Джузеппе (Университет им. Карло Бо, г. Урбино, Италия), Донсков Андрей Александрович (Славянская исследовательская группа при университете Оттавы, г. Оттава, Канада), Кавацца Антонелла (Университет им. Карло Бо, г. Урбино, Италия), Луцевич Людмила Федоровна (Варшавский университет, г. Варшава, Польша), Михед Павел Владимирович (Институт литературы им. Т. Шевченко Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина), Олджай Тюркан (Стамбульский университет, г. Стамбул, Турция), Пиотровска Иоанна (Варшавский университет, г. Варшава, Польша), Саверченко Иван Васильевич («Институт литературоведения им. Янки Купалы» Национальной академии Наук Беларуси, г. Минск, Беларусь), Терзич Славенко (посол Сербии, г. Белград, Сербия)

The editorial board of the journal «Two centuries of the Russian classics»

Editor-in-Chief

Shcherbakova Marina Ivanovna (A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, Moscow)

Deputy Editor-in-Chief

Vinogradov Igor Alekseevich (A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, Moscow)

Managing Editor

Andreeva Valeria Gennadyevna (A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, Moscow)

Editorial board

Gulin Alexander Vadimovich (A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, Moscow), Guminsky Victor Miroslovovich (A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, Moscow), Ivinsky Alexander Dmitrievich (A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, Moscow), Troitsky Vsevolod Yuryevich (A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, Moscow), Voropayev Vladimir Alekseyevich (Lomonosov Moscow State University, Moscow), Generalova Natalya Petrovna (Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg), Zakharov Vladimir Nikolaevich (Petrozavodsk state university, Petrozavodsk, Russian Federal Property Fund, Moscow), Korovin Vladimir Leonidovich (Lomonosov Moscow State University, Moscow), Lebedev Yuriy Vladimirovich (Kostroma State University, Kostroma), Mikhaylova Natalya Ivanovna (State Museum of A. S. Pushkin, Moscow), Mosaleva Galina Vladimirovna (Udmurt State University, Izhevsk), Nikolaeva Evgenia Vasilyevna (Moscow Pedagogical State University, Moscow), Nikolaeva Svetlana Yurevna (Tver State University, Tver), Fedorov Alexey Vladimirovich (Russian Word publishing house, Moscow), Chernysheva Elena Gennadyevna (Moscow Pedagogical State University, Moscow)

Foreign members of the editorial board

Avidzba Vasily Shamoniyevech (Abkhazian Encyclopedia research center, Sukhum, Abkhazia), Amberg Lorenzo (Diplomat and ambassador of Switzerland, Geneva, Switzerland), Bokhand Mohammad Latif (Ambassador of Afghanistan in Russia, Kabul, Afghanistan), Genya Giuseppe (University of Carlo Bo, Urbino, Italy), Donskov Andrey Aleksandrovich (Slavic research group at the university of Ottawa, Ottawa, Canada), Kavazza Antonella (University of Carlo Bo, Urbino, Italy), Lutsevich Lyudmila Fiodorovna (Warsaw university, Warsaw, Poland), Mikhed Pavel Vladimirovich (Institute of literature of T. Shevchenko of National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine), Oldzhay Tyurkan (Istanbul university, Istanbul, Turkey), Piotrovsk Ioann (Warsaw university, Warsaw, Poland), Saverchenko Ivan Vasilyevich ("Institute of Literary Criticism of Janka Kupala" of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), Terzich of Slavenko (Ambassador of Serbia, Belgrade, Serbia)

Содержание

- 6 Поздравление Ю. В. Лебедева

Русская литература XVIII и XIX столетий

- 8 **Лебедев Ю. В.** Идеал народной монархии в русской литературе второй половины XIX — начала XX вв.
- 28 **Смирнова М. А.** Записи в купеческих приходно-расходных книгах: к вопросу о развитии автобиографического жанра в рукописной культуре XVIII — начала XIX вв.
- 46 **Луцевич Л. Ф.** «Признания мои не имеют никакой нравственной цели» («Моя исповедь» Н. М. Карамзина)
- 66 **Виноградов И. А.** Н. В. Гоголь и законы Российской Империи: к единству наследия писателя
- 134 **Лобкова Н. А.** Из истории публикаций воспоминаний П. В. Анненкова об И. С. Тургеневе в «Вестнике Европы»
- 184 **Генералова Н. П.** На какую картину Рафаэля молился в детстве А. А. Фет (Из комментариев к «Ранним годам моей жизни»)
- 192 **Андреева В. Г.** Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л. Н. Толстого
- 228 **Ильинская Т. Б.** Художественная тональность путевых заметок Н. С. Лескова «Монашеские острова на Ладожском озере»: от комического к религиозному

Научная жизнь

- 244 **Щербакова М. И.** О коллективном труде Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН «Святитель Феофан, Затворник Вышенский. Исследования и материалы»

Contents

- 6 Congratulation to Yu. V. Lebedev

Russian literature XVIII and XIX centuries

- 8 **Lebedev Yu. V.** The ideal of the popular monarchy in Russian literature of the second half of the 19th — the early 20th centuries
- 28 **Smirnova M. A.** Records in merchants' commercial books: evolution of the autobiographical genre in the manuscript culture in the 18th — the early 19th century
- 46 **Lutsevich L. F.** "My confessions have no moral purpose" ("My Confession" by Nikolay Karamzin)
- 66 **Vinogradov I. A.** Nikolai Gogol and the laws of the Russian Empire: on the unity of the writer's heritage
- 134 **Lobkova N. A.** From the history of the memoir publications of Pavel Annenkov about Ivan Turgenev in "Vestnik Evropy" (Herald of Europe)
- 184 **Generalova N. P.** What Raphael's painting Afanasy Fet prayed in his childhood with (From commentary on "The Early Years of My Life")
- 192 **Andreeva V. G.** The image of the earth as one of the epic foundations of the artistic worlds of Leo Tolstoy's novels
- 228 **Ilinskaya T. B.** Religious and comic in Nikolai Leskov (Travel notes "Monastic Islands on Lake Ladoga")

Scientific Life

- 244 **Shcherbakova M. I.** On the collective work of the Russian Department classical literature of Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences "Saint Theophanes the Recluse of Vysha. Research and materials"

Редакция журнала «Два века русской классики» сердечно поздравляет с 80-летием **Юрия Владимировича Лебедева** — доктора филологических наук, профессора Костромского государственного университета, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, большого ученого, известного не только в России, но и за рубежом, автора самой востребованной, патриотической линии учебников по русской литературе для школ и вузов, руководителя и основателя научной школы и направления в литературоведении, связанного с изучением духовно-нравственных основ русской литературы XIX века, замечательного человека, всю жизнь служащего науке, отдавшего много времени и сил высшему образованию, воспитавшего целую плеяду учеников.

Для Юрия Владимировича первостепенными всегда были и остаются вечные ценности, жизнь души, те православные заветы, которыми испокон веков жила Россия. И это видно по его научным трудам, по его собственному пути и отношению к людям и делу. Несмотря на обилие забот, Юрий Владимирович всегда находил время для самых близких, для семьи: он отец двух сыновей и дедушка нескольких внуков.

От всей души желаем Юрию Владимировичу крепкого здоровья, долгих лет жизни, радости, любви, вдохновения, удачи, новых научных статей и трудов, которые вновь откроют читателям красоту и мудрое устройство Божьего мира!

© 2020. Ю. В. Лебедев
Костромской государственный университет
г. Кострома, Россия

Идеал народной монархии в русской литературе второй половины XIX — начала XX вв.

В статье раскрывается русское народное представление о самодержавном правлении, наделенном от Бога диктатурой православной совести, поднимающей государя над всеми сословиями и всеми партиями поврежденного грехопадением общества. Доказывается, что особую роль идеала «народной монархии» в исторических судьбах России осознавали консерваторы в лице М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева, славянофилы в лице А. С. Хомякова, И. В. Киреевского и К. С. Аксакова, радикальные демократы в лице В. Г. Белинского и А. И. Герцена. К идеалам «народной монархии» была причастна и русская литература: А. Н. Островский в исторической хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», Н. А. Некрасов в поэмах «Несчастные», «Тишина» и «Притча». Укорененность монархического инстинкта в русском национальном сознании начала XX в. показал Б. Н. Ширяев в художественно-документальном повествовании о судьбе мужицкого царя Петра в старообрядческом селе Урень Варнавинского уезда Костромской губернии.

Ключевые слова: народная монархия, диктатура совести, консерваторы, славянофилы, западники, мужицкий царь.

Информация об авторе: Лебедев Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Костромской государственный университет, ул. Дзержинского, д. 17, 156005, г. Кострома, Россия

E-mail: y.v.lebedev@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 03.04.2020

Дата публикации статьи: 17.06.2020

Для цитирования: Лебедев Ю. В. Идеал народной монархии в русской литературе второй половины XIX — начала XX вв. // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 8–27. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-08-27

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Yuriy V. Lebedev
Kostroma State University
Kostroma, Russia

The ideal of the popular monarchy in Russian literature of the second half of the 19th — the early 20th centuries

The article reveals the Russian popular idea of autocratic rule endowed with God by the dictatorship of the Orthodox conscience, raising the sovereign over all classes and all parties damaged by the fall of society. It is proved that the conservatives in the person of Mikhail Katkov and Konstantin Pobedonostsev, the Slavophiles in the persons of Aleksey Khomyakov, Ivan Kireyevsky and Konstantin Aksakov were aware of the special role of the ideal of “people’s monarchy” in the historical fate of Russia, the radical democrats represented by Vissarion Belinsky and Alexander Herzen. Russian literature was also involved in the ideals of the “people’s monarchy”: Alexander Ostrovsky in the historical chronicle “Kozma Zakharyich Minin-Sukhoruk”, Nikolay Nekrasov in the poems “The Unfortunate”, “Silence” and “Parable”. The rootedness of the monarchy instinct in the Russian national consciousness of the early 20th century is shown by Boris Shiryayev in the artistic and documentary narrative about the fate of the peasant tsar Peter in Uren, at that time an Old Believer village of Varnavino district of Kostroma Province.

Keywords: popular monarchy, dictatorship of conscience, conservatives, Slavophiles, Westernisers, peasant tsar.

Information about the author: Yuriy V. Lebedev, DSc in Philology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Kostroma State University, Dzerzhinsky st. 17, 156005, Kostroma, Russia

E-mail: y.v.lebedev@yandex.ru

Received: April 03, 2020

Published: June 17, 2020

For citation: Lebedev Yu. V. The ideal of the popular monarchy in Russian literature of the second half of the 19th — the early 20th centuries // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 2, pp. 8–27. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-08-27

«Банальная интеллигентская терминология определяет “самодержавие” или как “абсолютизм”, или как “тиранию”, — писал И. Л. Солоневич. — По существу же, “самодержавие” не может быть определено терминологически, оно должно быть описано *исторически*: русское самодержавие есть совершенно *индивидуальное* явление, явление исключительно и типично *русское*: «диктатура совести», как несколько афористически определил его Вл. Соловьев. Это — не диктатура аристократии, подаваемая под вывеской “просвещенного абсолютизма”, это не диктатура капитала, сервируемая под соусом “демократии”, не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, — это “диктатура совести”, в данном случае *православной* совести. Русское самодержавие было организовано русской низовой массой, оно всегда опиралось на Церковь, оно концентрировало в себе и религиозную совесть народа, и его политическую организацию» [Солоневич: 56].

I

После февральской катастрофы 1881 г., когда народовольцы убили царя-освободителя Александра II, М. Н. Катков выступил со статьей «Единственный царский путь» на страницах газеты «Московские ведомости». В этой статье, адресованной Александру III, Катков четко сформулировал идеал «народной монархии»:

«Предлагают много планов... Но есть один царский путь.

Это — не путь либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса. Это и не путь золотой середины между двумя крайностями. С высоты царского трона открывается стомиллионное царство. Благо этих ста миллионов и есть тот идеал и вместе тот компас, которым определяется и управляется истинный царский путь.

В прежние века имели в виду интересы отдельных сословий. Но это не царский путь. Трон затем возвышен, чтобы пред ним уравнивалось различие сословий, цехов, разрядов и классов. Бароны и простолюдины, богатые и бедные при всем различии между собой равны пред Царем. Единая власть и никакой иной власти в стране, и стомиллионный, только ей покорный народ, вот истинное царство» [Катков: 86–87].

К идеалу «народной монархии» задолго до Каткова подходили в своем творчестве славянофилы. Самобытность русского исторического развития А. С. Хомяков, И. В. Киреевский и К. С. Аксаков видели в том, что наша государственность складывалась более органично и естественно, чем у народов Запада. Государства западноевропейские возникали в результате завоевания воинственными германскими племенами коренного населения и насильственной его ассимиляции. Для покорения поработанных народов завоевателям приходила на помощь регламентирующая жизнь юридическая власть.

В России не было геноцида завоеванных племен даже в эпоху монголо-татарского ига. Поэтому гражданские права и обязанности, общественные, личные и семейные отношения не нуждались у нас в неременном юридическом оформлении. «Святость предания» всегда предпочиталась на Руси законодательным формальностям, нормы обычного права были у нас жизнеспособнее, чем на Западе. Поэтому в русском национальном характере начало «мира», соборного единения преобладало над началом эгоистического обособления.

Петровская реформа, подчинившая церковь государству, заменившая патриаршество Святейшим Синодом, нарушила «симфонические» отношения между духовной и светской властью, ослабила благодатное влияние церкви на все сферы русской жизни. А насильственно «европеизированная» высшая прослойка нашего общества порвала связь с народом, с национальной культурой, а порой и с православной духовностью.

В европеизации России славянофилы видели угрозу самой сущности национального бытия. Поэтому они критически относились к петровским реформам, к правительственной бюрократии. Здесь славянофилы развивали взгляды Н. М. Карамзина. В записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» Карамзин утверждал: «Петр объявил себя главою церкви, уничтожив патриаршество, как опасное для самодержавия неограниченного. <...> Со

времен Петровых упало духовенство в России. Первосвятители наши уже только были угодниками царей и на кафедрах языком библейским произносили им слова похвальные. Для похвал мы имеем стихотворцев и придворных — главная обязанность духовенства есть учить народ добродетели, а чтобы сии наставления были тем действительнее, надобно уважать оное. <...> Умный монарх в делах государственной пользы всегда найдет способ согласить волю митрополита, или патриарха, с волею верховною; но лучше, если сие согласие имеет вид свободы и внутреннего убеждения, а не всеподданнической покорности» [Карамзин: 36].

Под влиянием Карамзина находился и А. С. Пушкин. Вольность у него сочетается со святостью, никогда не переходя в своеволие. Над свободой у Пушкина распростер свои крылья Закон. Обращаясь к земным владыкам всех времен и народов, Пушкин говорит:

Владыки! вам венец и трон
Дает закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон [Пушкин I: 322].

Речь идет именно о вечном Законе, не людьми изобретенном и не ими над собою установленном. Он может иметь разные формы своего проявления и воздействия на людей, но суть Закона вечна и неизменна. Вольность без святости и Закона вырождается в тиранию и своеволие.

Вслед за Карамзиным славянофилы так же решительно возражали против искусственного насаждения в России парламентской демократии. Они считали глубоко национальной монархическую государственность, но полагали, что Петр Великий допустил существенное ее искажение. Поэтому славянофилы хотели реформировать самодержавие в духе идеалов православной «соборности».

Самодержавие должно обновиться, встав на путь содружества с Церковью и «Землею». В своих решениях оно обязано опираться на мнение народное, периодически созывая Земский собор. Государь призван выслушивать мнение всех сословий общества, но принимать окончательное решение единолично, в согласии с христианским духом добра и правды. Не демократия с ее голосованием и механической победой большинства над меньшинством, а согласие, приводящее к еди-

нодушному, «соборному» подчинению державной воле, которая должна быть свободна от сословной, партийной ограниченности и служить общенациональным интересам.

Такой взгляд на природу царской власти был близок народному пониманию. Стомиллионный русский народ выразил его в следующих пословицах: «Бог на небе, Царь на земле»; «Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится»; «Светится одно солнце на небе, а Царь русский на земле»; «Нельзя быть земле русской без Государя»; «Без Царя — земля вдова»; «Народ — тело, Царь — голова»; «Государь — батька, земля — матка»; «Душой Божьи, телом Государевы»; «Богат Бог милостию, Государь жалостию»; «Царь от Бога пристав»; «Сердце Царево в руке Божией» [Даль: 189–191].

В исторической хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» А. Н. Островский показал, что в смутные для России времена, когда престол царский перешел в руки католиков-поляков, народ не бунтовал, не впадал в «вечевое бешенство». Напротив, он, опираясь на свои национальные святыни, на вековечный идеал «народной монархии», восстанавливал поправленную государственность. Не социальный протест, а жгучая обида за оскверненные религиозные святыни увлекает новгородского купца Минина на патриотический подвиг: «Друзья и братья! Русь святая гибнет! / Друзья и братья! Православной вере, / В которой мы родились и крестились, / Конечная погибель предстоит» [Островский б: 80]. В годы смуты не верхи общества, не бояре, не представители обанкротившейся государственной власти, а именно *верующий народ* становится творческой силой истории, защищающей национальные духовно-нравственные и государственные устои.

Создавая свою историческую хроникку, Островский не угодил в ней господствующим настроениям эпохи. «Неуспех «Минина, — писал он, — я предвидел и не боялся этого: теперь овладело всеми *вечевое бешенство*, и в Минине хотят видеть демагога¹. Этого ничего не было, и лгать я не согласен. Подняло Россию в то время не земство, а боязнь костела, и Минин видел в земстве не цель, а средство. Он собирал деньги на великое дело, как собирают их на церковное строение. Если Минин — демагог, так демагог и Михаил Романов, который после обращался к земщине за теми же нуждами и в тех же самых словах.

¹ Вождя, возглавившего бунтующий народ. — Ю. Л.

Нашим критикам подавай бунтующую земщину; да что же делать, коли негде взять? Теоретикам можно раздувать идейки и врать: у них нет конкретной проверки; а художникам нельзя: перед ними — образы» [Островский 11: 165].

II

Потенциальную возможность царской власти подняться над словесной ограниченностью парламентаризма ради общенационального интереса так или иначе признавали вслед за славянофилами и западники. Только в полемике со славянофилами они видели историческую реализацию «народной монархии» в деятельности Петра I. Вспомним, как оценивал его В. Г. Белинский: «Петр сделал именно то, для чего послал его, что поручил ему Бог, — ему, своему посланнику и помазаннику свыше; он угадал волю духа времени, — и не свою, а волю пославшего его выполнил он, — потому-то он и великий человек. Только маленькие-великие люди таращатся выполнить свою случайную волю: воля великих людей всегда совпадет с волею Божию, которою и сильны они, которою и удаются им дела их» [Белинский 2: 156].

Белинский считал Петра I творцом всего, что есть, было и будет в России великого и значительного: «Хотя Петр Великий ничего не писал и не издавал, подобно Екатерине II, но тем не менее он так же творец русской литературы, как и творец русской цивилизации, русского просвещения, русского величия и славы, словом — творец новой России. Написать историю русской литературы, не сказав ни слова о Петре Великом, — это все равно, что написать о происхождении мира, не сказав ни слова о Творце мира» [Белинский 5: 82].

В отличие от Белинского Н. А. Добролюбов не питал никаких иллюзий на этот счет. Уже в 1858 г. он решительно высказался против идеализации личности Петра I. В статье «Первые годы царствования Петра Великого» он заметил: «До сих пор нам обыкновенно рисовали Петра риторическими красками, заимствованными из похвального слова ему, сочиненного Ломоносовым. Петр представлялся нам в сверхъестественном, невозможном величии какого-то полубога, а не великого человека...» [Добролюбов 3: 79]. Он опубликовал эту статью в шестом, седьмом и восьмом номерах «Современника» за 1858 г.

А во втором номере за этот же год была напечатана поэма Н. А. Некрасова «Несчастные», где Петр I предстал перед читателями «в величии полубога»:

Встает во мраке подземелья
 Пред нами чудный лик Петра,
 И как монашеская келья
 Тиха преступников нора.
 Сносней наутро труд несносный,
 Таскаешь горы на плечах,
 Чтоб трудолюбец венценосный
 Сказал спасибо в небесах... [Некрасов 4: 44–45].

Полемическое острие статьи Добролюбова двусторонне. Полемика не сводится к критике концепций петровского царствования в официальной историографии. Добролюбов спорит также с преувеличенной оценкой личности Петра I в демократическом кругу Белинского и Герцена, к которому примыкает Некрасов.

По словам А. И. Герцена, Петр I заслуживает особенной благодарности за тот «толчок, который дал всей стране, за движение, которое он сообщил нации и которое с тех пор не замедлялось. Петр I понял скрытую силу своего народа, так же как и препятствие, мешавшее развитию этой силы; с энергией революционера и упрямством самодержца он решил окончательно порвать с прошедшим...» [Герцен 6: 207].

Заметим, что высокая оценка деятельности Петра русскими западниками невольно приводила их к одобрению петровского «самовластья». В стихотворении «14 декабря 1825 года» Ф. И. Тютчев неспроста назвал декабристов «жертвами мысли *безрассудной*», ибо их освободительный порыв не опирался на глубокое знание духовных устоев России:

Вас развратило Самовластье,
 И меч его вас поразил.

Главный объект критики Тютчева в этих стихах — «самовластье». Самодержавие и самовластье — явления диаметрально противоположные. Самодержавие — монархическое правление, основанное на

«симфонии» между властью светской и властью духовной. Воля самодержца — «святая воля», если она согласована с высшим Божественным Законом. Отрицание этой «симфонии» со стороны государства или со стороны общественного движения ведет к нарушению органического развития национальной жизни, которое сопровождается политическими катаклизмами.

Отдельный человек или группа лиц не должны противопоставлять свою волю исторически сложившемуся направлению народной жизни. Тютчев вдохновляется мыслью о религиозном значении нации, ее традиционного своеобразия и ее особых исторических задач. Нельзя механически переносить западноевропейское политическое и социальное устройство на русскую почву, не считаясь с высокой ценностью коллективного народного сознания, «духа народа» как мистического целого. Обращаясь к декабристам, он говорит:

Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память для потомства,
Как труп в земле, схоронена [Тютчев: 58].

Тютчев отождествляет здесь политику Александра I с действиями декабристов, которые являются «детьми» его государственного самовластья. Тютчев полагает, что без серьезного национального самопознания любое политическое деяние, от кого бы оно ни исходило — от государственной власти или от оппозиционного общественного движения, — обернется на практике насилием над жизнью, *самовластьем*, деспотизмом.

Герцен в отличие от славянофилов и Тютчева идеализирует именно эти, самовластные деяния: «Петр I был один, декабристы — горстка людей. Влияние отдельных личностей не так ничтожно, как склонны думать; личность — живая сила, могучий бродильный фермент, — даже смерть не всегда прекращает его действие. Разве не видели мы неоднократно, как слово, сказанное кстати, заставляло опускаться чашу народных весов, как оно вызывало или прекращало революции?» [Герцен 7: 243–244]. «Чрезвычайные противуречия нашей несложившейся жизни, шаткость всех юридических и государственных понятий делает, с одной стороны, возможным самый безграничный деспотизм,

крепостное состояние, военные поселения, с другой — обусловливает легкость переворотов Петра I, Александра II. Человек, живущий en garni¹, гораздо легче переезжает, нежели тот, кто обзавелся домом» [Герцен 5: 13]. Герцену кажется, что, «имея власть в руках и опираясь, с одной стороны, на народ, с другой — на всех мыслящих и образованных людей в России, нынешнее правительство могло бы сделать чудеса, без малейшей опасности для себя. Такого положения, как Александр II, не имеет ни один монарх в Европе, — но кому много дается, с того много и спросится!..» [Герцен 13: 29].

Такого же мнения о Петре I придерживался и Некрасов. Его герой, народный заступник в поэме «Несчастные», преклоняется перед царем-реформатором,

Кому в царях никто не равен,
Кто до скончанья мира славен
И свят: Великого Петра
Он звал отцом России новой,
Он видел след руки Петровой
В основе каждого добра [Некрасов 4: 44]

Некрасов склонен был видеть в Александре II преемника Петра I. Он питал надежды, что

В права вступает просвещение
Уходит мрак... кругом светлей,
И быстро царство молодое
Шагает по пути добра,
Как в дни Великого Петра... [Некрасов 4: 325]

В то же время в оценке Петра Некрасов оставался на позициях, существенно отличающихся от его соратников, революционеров-демократов «Современника». В «Заметках при чтении “Биографических сведений” о Некрасове...» Н. Г. Чернышевский вспоминал: «В тот день, когда было обнародовано решение дела, я вхожу утром в спальную Некрасова. <...> Он лежит на подушке головой, забыв о чае, который стоит на столике подле него. Руки лежат вдоль тела. В правой руке тот

¹ В меблированных комнатах (*франц.*)

печатный лист, на котором обнародовано решение крестьянского дела. На лице выражение печали. Глаза потуплены в грудь. При моем входе он встрепенулся, поднялся на постели, стискивая лист, бывший у него в руке, и с волнением проговорил: “Так вот что такое эта “воля”. Вот что такое она!” — Он продолжал говорить в таком тоне минуты две. Когда он остановился перевести дух, я сказал: “А вы чего же ждали? Давно, было ясно, что будет именно это”. — “Нет, этого я не ожидал”» [Чернышевский I: 746].

Манифест не случайно поразил Некрасова («Нет, этого я не ожидал») и вызвал у него чувство горького разочарования. За этим стояла вера поэта в творческую инициативу Александра II. Потрясение, пережитое Некрасовым в год опубликования Манифеста, было настолько глубоким, что девять лет спустя, в 1870 г., он еще раз вернулся к поэтическому изображению этих событий в поэме «Притча».

Смысл «Притчи» прозрачен. В начале своего царствования Александр II казался поэту «бодрым и смелым» царем, бескорыстно любившим «народ и страну», задумавшим «славное дело»:

И сделался царь молчалив, нелюдим,
Надолго отрекся от света
И начал над планом великим своим
Работать в тиши кабинета.
И Бог помогал ему — план поражал
Изыществом, стройной красою,
И царь приближенным его показал
И был возвеличен хвалою [Некрасов 3: 66].

На призыв царя откликнулись народные заступники, лучшие люди России:

На каждую отрасль обширных работ
Нашлись способные люди
И двинулись дружной семьею в поход
С запасом рабочих орудий.
Давно они были согласны вполне
С царем, устройтеlem края,
Что новый палладиум нужен стране,

Что старый — руина гнилая.
И шли они с гордо поднятым челом,
Исполнены честного жара:
Их мускулы были развиты трудом
И лица черны от загара.
И вера сияла в очах их; горя
Ко славе отчизны любовью,
Они вдохновенному плану царя
Готовились жертвовать кровью!
Рабочие люди в столицу пришли,
Котомки свои развязали,
Иные у старого храма легли,
Иные присели — и ждали... [Некрасов 3: 67].

Обратим внимание, что явившиеся в столицу строители нового «храма» напоминают мужиков-правдоискателей из «Размышлений у парадного подъезда» («Развязали кошли пилигримы»). Некрасов не отделяет судьбу «народных заступников» от судеб многострадального русского крестьянства.

А далее происходит уже знакомая нам по некоторым стихам Некрасова 1850-х гг. история: приближенные к царю вельможи, люди либеральных убеждений, внушили ему недоверие к демократическим силам России:

А это пришьельцы... Суровость их лиц
Пророчит недоброе что-то,
Их надо подальше держать от столиц,
У них на уме не работа! [Некрасов 3: 68].

Обманутый царь передал строительство «нового храма» в руки своекорыстных, вельмож:

И вышел указ... И за дело тогда
Взялись празднoлюбцы и воры...
А люди, стoравшие жаждой труда
И рвеньем, сдвигающим горы,
Связали котомки свои — и пошли,

Стыдом неудачи палимы,
И скорбь вавилонскую в сердце несли,
Ни с чем уходя, пилигримы... [Некрасов 3: 68].

Так трагически сошлись, по мнению Некрасова, пути мужиков-правдоискателей («И пошли они, солнцем палимы») с тернистыми путями народных заступников. А царь остается в финале «Притчи» страдательным лицом:

Над чем, напрягая взыскательный ум,
Он плакал, ликуя душою?
Нет! Это не плод его царственных дум!..
Царь грустно поник головою. <...>
И тотчас же им разойтись приказал,
А сам, перед капищем сидя,
О плане великом своем тосковал,
Его воплощенья не видя... [Некрасов 3: 70–71].

Царь наказан за легковёрность, но Некрасов не исключает той мысли, что, будь на его месте более умный, одаренный и боговдохновенный преемник, судьба России могла бы сложиться иначе.

Таким образом, в «Заметках при чтении “Биографических сведений” о Некрасове...» Чернышевский показал существенное отличие своего взгляда на реформы «сверху» от мнений Некрасова. Питавший монархические иллюзии, национальный поэт глубоко переживал, когда эти иллюзии разрушала суровая действительность.

III

Реформы Петра Великого расшатали устои Православной Церкви. Лишенная своего владыки, униженная Церковь была вынуждена признать, что место патриарха в ней занял монарх. Впервые в нашей истории ему были воздвигнуты памятники. Над Петербургом вознесся не Бог, а «кумир на бронзовом коне». Но тут же возникла неразрешимая проблема, связанная с тем, что русский народ не признал царя святым, а заодно усомнился в авторитете не только царя, но и церкви. Митро-

полит Вениамин (Федченков) писал: «Вдумаешься — и жутко становится... А еще многие думают, что до революции все было будто бы прекрасно... Нет и нет! Столбы уже подгнили. Крыша еще держалась, а фундамент зашатался. И никакие подпорки не могли исправить нашего дома» [Митрополит Вениамин: 36].

Значительная часть русского крестьянства в эпоху царствования Романовской династии порвала с Русской Православной Церковью и ушла в раскол. А после революции в некоторой части раскольнических кругов появилась вера в большевистскую власть. Николай Клюев посвятил В. И. Ленину специальный цикл, который открывали такие восторженные стихи:

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах».
Мужицкая ныне земля,
И церковь — не наймит казенный,
Народный испод шевеля,
Несется глагол краснозвонный... [Клюев: 39]

О глубокой укорененности монархического инстинкта в русском национальном сознании свидетельствует удивительная история, случившаяся в начале 1920-х гг. в старообрядческом селе Урень Варнавинского уезда Костромской губернии. Рассказал о ней Б. Н. Ширяев в третьей части книги «Неугасимая лампада» — «Летопись мужицкого царства» [Ширяев: 138–232].

В первые годы советской власти уренские мужики решили на сходке создать народное самоуправление. Рассудили, что ничего тут нет противозаконного: есть же приказ товарища Ленина утверждать на местах народную власть. Значит, и жители Урени «свою власть сотворить в полном праве».

И пришло им в голову избрать царем своего односельчанина Петра Алексеевича. «Был он мужик небогатый, но все же в достатке: двор справный, изба чистая о пяти стен, скотинка удоиная, огород и все, что по крестьянству требуется. Но не за достаток почитали в Уренях Петра Алексеевича, а за правильность. Помрет ли кто, а сыны миром

поделить достояние не могут — зовут Петра Алексеевича: “Раздели по-Божески”. Баловство ли какое произойдет, так допреж того, как на сходе разбирать, идут к Петру Алексеевичу: “Так и так, мол, вот что случилось... Что будем с охальником делать?” Сам покойный старшина Мелетий, прежде чем свое слово последнее сказать, всегда Петра Алексеевича спрашивал, и как тот скажет, так тому и быть» [Ширяев: 172].

«Росту он был преогромного, аккурат сажень без вершка, и силы непомерной. На медведя всегда один ходил и ружья с собой не брал, а по древности — нож-полосач и рогатину. Когда в младости на призыв ставился, так господин воинский начальник, глядя на него, инда заплакал: “Стоять бы тебе, — говорит, — Алексеев за императорским тронем в золотой броне да в славном кавалергардском мундире...”» [Ширяев: 173].

Долго обдумывали мужики свой замысел: «Царь есть помазанник Божий, откуда же сие Уреням? Однако же цари российские из Ипатьева монастыря вышли, и хоромы их там доселе нерушимы стоят, монахи по ним богомольцев водят. И царя в те поры на Руси не было, а вступил он на царство по народному избранию, утвержденному праведным патриархом. До окаянного Никона дело было». Успокоились, собрали сходку, объявили: «“Своего царя избираем, а кого хотите звать на царство — того кричите!” И крикнул весь народ одним голосом: “Хотим государя Петра Алексеевича, кроме его никого!”» [Ширяев: 183].

«В моленной помазали соборно при малом народе, в церкви же на молебствие окромя старцев все Урени сошлись. Правда, больше вокруг храма стояли. Благолепно все было. Сам Петр слезно молился, не вставая с колен, и мужики стояли истово. Все разумели: “Дело великое!”» [Ширяев: 185].

Но как только установился санний путь, покрылись толстым слоем льда непроходимые уренские болота, — нагрянула в село вооруженная советская власть, арестовала Петра и всех его сообщников, увезла в Кострому на суд. Суд был скорый, и выпало на долю Петра Алексеевича десять лет каторжных работ на Соловках.

Но и здесь уренский мужик не потерял своего царственного достоинства. Враз укоротил он бесчинства лагерной шпаны. «И не физическая сила уренского богатыря играла в этом главную роль, но

подсознательно понятая шпаной мощь его духовного превосходства» [Ширяев: 226].

Узнало об этом и лагерное начальство. «Комендант Соловков Ногтев вызвал Петра Алексеевича к себе в кабинет, внимательно осмотрел его мутными, пьяными глазами, обошел кругом, как около жеребца на базаре, и, сплюнув сквозь зубы, раздумчиво произнес: “Да... кабы такой сидел вместо Николки, пожалуй, и революции бы не было... Иди!”» [Ширяев: 226].

Подкосила последнего мужицкого царя в 1926 г. на Соловках страшная эпидемия тифа: «Утром на работе, как всегда неторопливо и размеренно, выполнил он обычный урок, но, войдя в ворота кремля, не завернул в свой корпус, а, пройдя шумный в эту пору дня двор, стукнул дверь в шестую роту, где концентрировалось православное и католическое духовенство.

— К отцу Сергею...

Самый старый из всех ссыльных священников отец Сергей Садовский приоткрыл дверь кельи.

— Ко мне? Чем могу... — и удивленно огладил свою седую бороду, разглядев выцветшими глазами знакомую всем фигуру посетителя.

— Исповедуйте, батюшка, и допустите к причастию...

— Да ведь ты... вы как будто старой веры придерживаетесь?

— У Господа все веры равны. Помирать буду.

— Впустите, — приоткрыл дверь священник, и лишь спустя долгий час вышел из кельи уренский царь Петр, дав там ответ Богу в своих великих и малых мужицких грехах и приняв из круглой некрашеной мужицкой ложки сок клюквы и тяжкий арестантский хлеб, претворенные Таинством подвига и страдания в Тело и Кровь Искупителя» [Ширяев: 229].

«Петра Алексеевича никто не провожал в его последнем земном пути. Ухаживавшая за обреченными и вскоре умершая сама баронесса Фредерикс рассказывала потом, что, раздевшись и улегшись на покрытый соломою пол барака, Петр Алексеевич перекрестился и вытянулся во весь свой огромный рост, словно готовясь к давно желанному отдыху.

В лазарете он не сказал ни слова. Молчал и в беспомощности. Агонии никто не видал, и смерть его была замечена лишь на утреннем обходе.

Старая фрейлина трех венчаных русских цариц закрыла глаза невенчанному последнему на Руси царю, несшему на своих мужицких плечах осколок великого бремени подвига державного служения» [Ширяев: 230].

* * *

Так в начале XX в. пришли к глубокому кризису государственные устои русского царства. Марксистская идеология пришла на смену тысячелетней Православной вере. Однако шли годы, и эти устои расшатывались, истончались. На опасность нашего буржуазного перерождения еще в 1937 г. указал русский философ Н. А. Бердяев. «Ненависть русских коммунистов к христианству, — писал он, — заключает в себе противоречие, которого не в состоянии заметить те, чье сознание подавлено коммунистической доктриной. Лучший тип коммуниста, т. е. человека, целиком захваченного служением идее, способного на огромные жертвы и на бескорыстный энтузиазм, возможен только вследствие христианского воспитания человеческих душ, вследствие переработки натурального человека христианским духом. Результаты этого христианского влияния на человеческие души, чисто незримого и надземного, остаются и тогда, когда в своем сознании люди отказались от христианства и даже стали его врагами. Если допустить, что антирелигиозная пропаганда окончательно истребит следы христианства в душах русских людей, если она уничтожит всякое религиозное чувство, то осуществление коммунизма делается невозможным, ибо никто не пожелает нести жертвы, никто не будет уже понимать жизни как служение сверхличной цели, и окончательно победит тип шкурника, думающего только о своих интересах. Этот последний тип и сейчас уже играет не малую роль и от него идет процесс обуржуазивания» [Бердяев: 138–139].

«Ахиллесовой пятой» марксистской идеологии было отрицание бессмертия человеческой души. Она упорно утверждала жизненную философию, согласно которой человек не обладает вечным духом, а наделяется природой лишь временным сознанием. При отрицании бессмертия вместо обещанного коммунизмом развития высоких духовных качеств в советских людях все более и более утверждались эгоистические, грубо материальные страсти. Советский человек свертывал свои духовные крылья и привязывался к плоти

земного бытия. Социалистическая система в своей поздней фазе со всей очевидностью загнивала. Это осознавали все здравомыслящие люди.

Вспомним пророческие слова Достоевского, который в «Записной тетради 1875–1876 гг.» предсказал: «Я убежден, что судьей Европы будет Россия, она придет к нам с коммунизмом, рассудить ее. *И Россия решит все вовсе не в пользу одной стороны. Ни одна сторона не останется довольна решением.* Все — в будущем столетии» (Курсив мой. — Ю. Л.) [Достоевский 24: 147].

Список литературы

- Белинский В. Г.* Собрание сочинений: в 9 т. / редкол. и вступ. статья Н. К. Гей и др. М.: Худ. лит., 1976–1982.
- Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
- Герцен А. И.* Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1966.
- Даль В.* Пословицы русского народа: в 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1984. 383 с.
- Добролюбов Н. А.* Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. Б. И. Бурсова и др. М.; Л.: Гослитиздат, 1961–1964.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Карамзин М. Н.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.
- Катков М. Н.* Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.
- Клюев Н.* Сочинения URL: http://rulibs.com/ru_zar/poetry/klyuev/3/j0.html. (дата обращения: 02.04.2020).
- Митрополит Вениамин (Федченков).* О вере, неверии и сомнении. М.: Русло, 1992. 224 с.
- Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.
- Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. Г. И. Владыкина и др. М.: Искусство, 1973–1980.
- Порох И. В.* Герцен и Чернышевский. Саратов: Саратовское кн. изд-во. 1963. 212 с.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977–1979.
- Солоневич И.* Народная монархия. М.: Феникс, 1991. 512 с.
- Тютчев Ф. И.* Лирика. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1966. 312 с.
- Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: в 15-ти тт. / под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, П. И. Лебедева-Полянского и др. М.: Гослитиздат, 1939–1953.
- Ширяев Б.* Неугасимая лампада. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2003. 432 с.

References

- Belinskii V. G. *Sobranie sochinenii: v 9 t. / redkol. i vstup. stat'ia N. K. Gei i dr.* [Collected works: in 9 vols., ed. and entry. article by N. K. Gey et al.]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1976–1982. (In Russ.)
- Berdiaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka Publ., 1990, 224 p. (In Russ.)
- Gertsen A. I. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t.* [Collected works: in 30 vols.]. Moscow. Izd-vo Akad. Nauk Publ., 1954–1966. (In Russ.)
- Dal' V. *Poslovitsy russkogo naroda: v 2 t. T. 1* [Proverbs of the Russian people in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Khud. lit. Publ., 1984, 383 p. (In Russ.)
- Dobroliubov N. A. *Sobranie sochinenii: v 9 t. / pod obshch. red. B. I. Bursova i dr.* [Collected works: in 9 vols.]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1961–1964. (In Russ.)
- Dostoevskii F. M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Full collected works: in 30 vols.]. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
- Karamzin M. N. *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniiakh* [A note on ancient and new Russia in its political and civil relations]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 127 p. (In Russ.)
- Katkov M. N. *Ideologiya okhranitel'stva* [The ideology of security]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2009, 800 p. (In Russ.)
- Kliuev N. *Sochineniia* [Works] URL: http://rulibs.com/ru_zar/poetry/klyuev/3/j0.html. (access date: 02.04.2020). (In Russ.)
- Mitropolit Veniamin (Fedchenkov). *O vere, neverii i somnienii* [About faith, unbelief and doubt]. Moscow, Ruslo Publ., 1992, 224 p. (In Russ.)
- Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 t.* [Full collected works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1981–2000. (In Russ.)
- Ostrovskii A. N. *Poln. sobr. soch.: v 12 t. / pod obshch. red. G. I. Vladykina i dr.* [Full collected works: in 12 vols. ed. by G. I. Vladykin et al.]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1973–1980. (In Russ.)
- Porokh I. V. *Gertsen i Chernyshevskii* [Herzen and Chernyshevsky]. Saratov: Saratovskoe kn. izd-vo Publ., 1963, 212 p. (In Russ.)
- Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Full collected works: in 10 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)
- Solonevich I. *Narodnaia monarkhiia* [People's monarchy]. Moscow Feniks Publ., 1991, 512 p. (In Russ.)
- Tiutchev F. I. *Lirika. V 2 t. T. 2.* [Lyrics in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 312 p. (In Russ.)
- Chernyshevskii N. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 15-ti tt. / pod obshch. red. V. Ia. Kirpotina, B. P. Koz'mina, P. I. Lebedeva-Polianskogo i dr.* [Complete works: in 15 vols., ed. by V. Ya. Kirpotin, B. P. Kozmin, P. I. Lebedev-Polyansky, etc.]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1939–1953. (In Russ.)
- Shiriaev B. *Neugasimaia lampada* [Unquenchable lamp]. Moscow: Izd. Sretenskogo monastiria Publ., 2003, 432 p. (In Russ.)

© 2020. М. А. Смирнова
Российская национальная библиотека
г. Санкт-Петербург, Россия

Записи в купеческих приходно-расходных книгах: к вопросу о развитии автобиографического жанра в рукописной культуре XVIII — начала XIX вв.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-39-70005*

Статья посвящена одной из разновидностей ранних памятников автобиографического жанра — приходно-расходным книгам, содержащим в своем составе автобиографические заметки. В период Раннего нового времени в России отмечено активное развитие рукописной книжности, что в свою очередь обусловило возникновение и дальнейшее развитие светских жанров: мемуаров, автобиографических записей и дневников. В XVII в. зачатки светских жанров могли возникнуть только в среде немногочисленно интеллектуальной и правящей элиты Русского государства. В XVIII столетии наблюдается дальнейшая демократизация рукописной культуры. Ранние произведения автобиографического жанра, созданные в городской среде, зачастую представляли собой не отдельные сочинения, а небольшие по объёму тексты, находящиеся в составе других памятников (к примеру, фамильных летописцев и хронографов) или записи на полях и чистых листах рукописей. Примерами таких памятников являются купеческие хозяйственные книги XVIII — начала XIX вв. — «Книга записи капитала» О. Д. Белянкина и записная книжка Колеговых. В статье рассмотрены общие и отличные черты автобиографических записей в тексте обоих памятников: время их появления, содержание и формуляр, сюжетное разнообразие. Анализ изучаемых купеческих приходно-расходных книг позволяет понять, как в рамках традиционной русской рукописной книги зародился и развивался автобиографический жанр — явление литературы нового времени.

Ключевые слова: автобиографический жанр, рукописная культура, купечество, приходно-расходные книги, записные книжки, купеческие хозяйственные книги.

Информация об авторе: Смирнова Мария Александровна, ORCID 0000-0001-9756-2699, кандидат исторических наук, Российская национальная библиотека, ул. Садовая, д. 18, 191069, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: smirnmarg@gmail.com

Дата поступления: 28.04.2020

Дата публикации: 17.06.2020

Для цитирования: Смирнова М. А. Записи в купеческих приходно-расходных книгах: к вопросу о развитии автобиографического жанра в рукописной культуре XVIII — начала XIX в. // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 28–45. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-28-45

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Maria A. Smirnova
National Library of Russia
St.-Petersburg, Russia

Records in merchants' commercial books: evolution of the autobiographical genre in the manuscript culture in the 18th — the early 19th century

*The reported study was funded by RFBR according to the research
project No. 20-39-70005*

The article focuses on one of the types of early monuments of the autobiographical genre — commercial books containing autobiographical notes. The Early modern period saw gradual evolution of manuscript book writing in Russia, which in turn led to the emergence and further evolution of secular genres — memoirs, autobiographical notes and diaries. In the 17th century, the origins of secular genres could arise only among the few intellectual and ruling elites of the Russian state, while the 18th century saw the further democratisation of manuscript culture. The earliest works of the autobiographical genre, created by the representatives of the Third Estate, often included small texts that were parts of other monuments (for example, family chroniclers and chronographs) or notes in manuscripts' margins and blank sheets rather than separate books. Examples of such monuments include the merchant's commercial books of the 18th — the early 19th centuries: the book of the fund register of Osip Belyankin and the memorandum book of the Kolegovs. The article discusses the general and distinctive features of autobiographical records in the text of both monuments — the time of their appearance, content and form, plot diversity. An analysis of these merchant commercial books allows one to understand how an autobiographical genre — a phenomenon of modern literature — originated and developed, in the framework of a traditional Russian manuscript book.

Keywords: autobiographical genre, manuscript culture, merchants, commercial books, memorandum books, merchants' business books.

Information about the author: Maria A. Smirnova, ORCID 0000-0001-9756-2699, candidate of historical sciences, National Library of Russia, Sadovaya 18, 191069, St. Petersburg, Russia

E-mail: smirnmar@gmail.com

Received: April 28, 2020

Published: June 17, 2020

For citation: Smirnova M. A. Records in merchants' commercial books: evolution of the autobiographical genre in the manuscript culture in the 18th — the early 19th century. Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 2, pp. 28–45. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-28-45

В XVIII столетии в разных областях русской культуры происходят значительные изменения. Характерной чертой этого времени стало постепенное развитие рукописной книжности как в более традиционных для русской культуры направлениях, так и в рамках новых жанров и европейских веяний. Во второй половине XVII–XVIII вв. возросло количество памятников светской литературы, возникли и развивались новые жанры, все более распространялась печатная книга, сначала в Москве, а затем и в Петербурге появились европейские памятники. Русская литература чутко реагировала на изменение самосознания человека Раннего нового времени: к рукописной традиции все более приобщались неаристократические слои общества, а репертуар книжной тематики расширялся за счет светских текстов. Поздняя рукописная книга не была статичной, она «постоянно развивалась в зависимости от конкретной исторической обстановки и от того социального круга заказчиков и читателей, которых обслуживала» [Мыльников: 32].

Автобиографический жанр возник в литературе Московской Руси и изначально существовал только в среде немногочисленной интеллектуальной и правящей элиты Русского государства. Со временем количество памятников мемуарной литературы, круг их авторов и жанровое разнообразие существенно возросло. В XVIII — начале XIX вв. к рукописной традиции все более приобщались городские сословия — купцы и мещане. Для них обращение к автобиографическому жанру было вызвано, с одной стороны, подражанием дворянской культуре и образу жизни, а с другой — внутренней потребностью к саморефлексии. Рукописное наследие и круг чтения простого обывателя XVIII в. часто остаются за пределами научного интереса исследователей. Однако анализ сохранившихся памятников, созданных в городских кругах, позволяет предположить, что именно в письменной традиции горожан остались и продолжали развиваться типичные для русской книжности формы и жанры. Уникальность таких автобиографических памятни-

ков заключается в том, что они не испытали на себе серьезного европейского влияния, явились продолжением развития рукописной традиции XVII в.

Одна из особенностей автобиографических произведений, созданных не представителями правящей и интеллектуальной элиты XVIII в., заключается в сложности поиска и определения их жанровой принадлежности. Зачастую исследователь имеет дело с заметками — фрагментарными приписками на полях и пустых листах рукописных и печатных книг. Выявление таких записей осложнено тем, что они часто находятся в составе других памятников и не отражены ни в заглавиях, ни в архивных описаниях. Важно отделять автобиографические записи от владельческих приписок, часто встречающихся на русских рукописях и печатных изданиях и в более ранние периоды. Заметки, в которых отражены события из жизни их авторов, устойчиво появляются в книгах со второй половины XVII в. и встречаются на листах самых разных рукописей и печатных книг: синодиках и святцах, лечебниках, родословцах, авторских сборниках и др. [Бударагин: 321–325; Аксенов: 298–300; Ипполитова: 189–216; Поляков: 296–309].

Данная статья посвящена одной из разновидностей ранних памятников мемуарного жанра — автобиографическим заметкам в составе приходно-расходных книг. Исследователь английской культуры А. Смит указывает на то, что финансовые документы были одной из самых распространенных разновидностей рукописной книги Раннего нового времени, содержащей автобиографические записи [Smyth: 57].

В конце XVIII — начале XIX вв. русское купечество активно приобщалось к навыкам ведения разнообразной финансовой документации. В городской среде возростала грамотность, высшая прослойка торгового сословия была привлечена к городскому самоуправлению, где знакомилась с многочисленными видами делопроизводственных документов. В век Просвещения с его идеалами «совершенного купца» активно распространялось коммерческое образование, а издания, посвященные коммерции, содержали сведения о бухгалтерии, торговых книгах и принципах их ведения [Козлова: 40–41]. Приходно-расходные книги XVIII — начала XIX вв. — достаточно распространенный вид документов, однако малоизученный по причине низкой сохранности купеческих архивов [Морозов: 153]. Традиционно значительный интерес исследователей прикован не к личным при-

ходно-расходным записям, а к книгам государственных учреждений и монастырей¹. Автобиографические заметки, выходящие за рамки записей доходов и расходов, отмечались исследователями в последние десятилетия в связи с характеристикой уникальных купеческих семейных архивов. В. Б. Перхавко и Б. Н. Морозов обратили внимание на записные книжки новгородских купцов Кошкиных рубежа XVII–XVIII вв. и тетрадь калязинских купцов Овчинниковых 1790-х гг. [Перхавко: 17, 310; Морозов: 160]. Е. В. Комлевой был проанализирован комплекс хозяйственных документов из архива сибирских купцов Ларионовых 1780–1830-х гг., сохранившийся в Государственном архиве Красноярского края [Комлева: 41–57]. Е. В. Комлева отметила сложную структуру записей в «журналах наблюдений», которые она отнесла к хозяйственным документам: «Заносившиеся в них пометки не всегда касались хозяйства, иногда это могли быть просто какие-то поразившие автора события» [Комлева: 50]. Выводы о сходстве этих заметок с дневниковыми основаны не только на их содержании, но и на структуре, поскольку автором указывался месяц и дата записи [Комлева: 51].

Дальнейшая эволюция автобиографического жанра в городской среде привела к появлению мемуаров и дневников классической формы. Большинство из известных ныне памятников купеческой мемуаристики было создано во второй четверти — середине XIX в. Часть из них была введена в научный оборот относительно недавно².

Проблемы изучения автобиографических записей в составе хозяйственных документов XVIII — начала XIX вв. могут быть детально рассмотрены на основе анализа двух памятников: записной книжки купцов Колеговых³ и «Книги записи капитала, прибыли, расходов и количества денег» петербургского коммерсанта О. Д. Белянкина⁴. Эти рукописи были взяты для сравнительного исследования не случайно, они

¹ Следует отметить предпринятое в начале XX в. Тверской ученой архивной комиссией изучение и фрагментарную публикацию записей бежецкого городского старосты с расходами за 1798 г. [Постников].

² Помимо публикации отдельных памятников необходимо отметить сборники: [Дневники тверских купцов], [Купеческие дневники] и др.

³ ОР РНБ. О. XVII. 84

⁴ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 218. К. 1273. Ед. хр. 18.

представляют собой одни из наиболее ранних известных примеров личных записей в приходно-расходных книгах. Памятники не опубликованы и не изучены: «Книга» Белянкина лишь несколько раз попадала в поле зрения историков купеческого сословия [Брянцев: 9; Смирнова: 83, 122, 146], а записная книжка Колеговых не введена в научный оборот. На примере анализа данных памятников можно рассмотреть общие черты и тенденции в зарождении автобиографического жанра в купеческой рукописной культуре.

«Книга» Осипа Белянкина находится в собрании Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ) в переплетенном томе под заглавием «Книга записи капитала, прибыли, расходов и количества денег в долгах санктпетербургского купца 1-й гильдии Осипа Белянкина совместно с его товарищем Григорием Алексеевичем Рябовым». Рукопись поступила в библиотеку в 1965 г. и хранится в составе фонда 218 — «Собрание Отдела рукописей».

Памятник представляет собой автограф — книгу в 78 листов форматом в лист (30,8 x 19,3 см), переплет картонный в темно-зеленой коже с золотым тиснением по краям. На верхней крышке переплета вытеснены литеры «С. К. О. Б.», что может быть расшифровано как «санкт-петербургский купец Осип Белянкин». Книга написана на бумаге с филигранью «Pro Patria», датированной 1788 г. [Клепиков: 82, № 1052 (1788)], записи начинаются с 1791 г. Наблюдаемые различия в чернилах и манере письма свидетельствуют о том, что «Книга» заполнялась не одномоментно, а время от времени.

Осип Дмитриевич Белянкин состоял в 1-й гильдии петербургского купечества и вел заграничную морскую торговлю. Даты его жизни установить не удастся, однако известно, что во время Отечественной войны 1812 г. он принимал участие в сборе денег от купеческого общества [Акты: 278–279, 284 и др.] О его большом денежном состоянии и активном участии в заграничной торговле свидетельствуют ведомости о составе петербургских купцов и их торговых оборотах. В 1787 г. Белянкин произвел торговлю на 134513,5 руб., что составило примерно 1,1% суммы товарооборота всех российских купцов в Петербургском порту за этот год [Внешняя торговля: 109]. Согласно ведомости об экспорте и импорте товаров за 1792 г., Белянкин привез товара на 241600,4 руб. (приблизительно 1,9% от общего привоза) [Внешняя тор-

говля: 143]. Купец неоднократно занимал различные должности в органах городского самоуправления¹.

Коммерческое дело О. Д. Белянкина и Г. А. Рябова было организовано в форме товарищества — оно было основано в 1791 г. для торговли сукном в лавках. В «Книге» расписаны принципы разделения капиталов и распределения доходов, заверенные подписями обоих компаньонов. Партнер Белянкина Григорий Алексеевич Рябов (1747(?)–1812) с 1780-х гг. был записан в столичное гильдейское купечество². Он скончался в 1812 г. и похоронен на старообрядческом кладбище на Малой Охте [Саитов: 649]. По-видимому, Рябовы находились с Белянкиными в свойстве. Им принадлежал участок и дом на Большой Конюшенной улице³.

«Книга» содержит в себе два пласта записей, сделанных О. Д. Белянкиным собственноручно. Во-первых, в ней присутствуют данные о приходе и расходе по месяцам. Расчет капитала и раздел прибыли заносились ежегодно на Пасху. Для каждого года в табличной форме дан перечень доходных статей, движимого и недвижимого имущества. Эти записи велись в 1791–1809 гг. и расположены на первых 39 листах рукописи.

Во-вторых, в особый раздел выделены заметки о семейных событиях — рождениях, сговорах, браках, смертях членов семьи, росписи приданого дочери Прасковьи Осиповны, материалы по генеалогии рода Белянкиных. В этой же части содержатся разрозненные записи о денежном курсе в Голландии и убытках русским купцам от него, о датах смертей российских императоров и прочие заметки за 1794–1807 гг. Эти записи расположены в конце рукописи, на листах 63 об. — 78 об. Между двумя блоками более 20 чистых листов. Книга была перепле-

¹ Приговоры Петербургской купеческой управы за 1790 год // Центральный городской архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 221. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 31 об. — 32 об.

² См.: Егоров А. Протест публичного нотариуса Алексея Егорова по векселю, данному кн. Александром Николаевичем Львовым на 300 рублей, взятых у Санкт-Петербургского купца Григория Алексеевича Рябова. 1783 г. // НИОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). Оп. 1. К. 10879. Ед. хр. 51.

³ В 1839 г. на его месте был возведен дом И. В. Кошанского (А. М. Сомова) (Большая Конюшенная ул., д. 15, лит. А). Сведения о покупке дома в 1785 г. за 6000 руб. см.: НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1273. Ед. хр. 18. Л. 75 об.

тена еще до внесения в нее записей. Таким образом, хозяйственные расчеты велись с начала книги, а дневниковые заметки — с ее конца. В этом разделении просматривается замысел автора по дифференцированию заметок по тематическому принципу.

Остановимся подробнее на характеристике второй, автобиографической части памятника. Сначала расположены записи о семейных событиях — браках и смертях — зачастую они внесены в обратной хронологии или с ее нарушением¹. По-видимому, разным темам были отведены отдельные листы с конца книги. По мере их заполнения записи делались в обратном порядке нумерации листов. Устоявшегося формуляра записок нет, но во всех случаях указана дата венчания, происхождение жениха или невесты, возраст молодоженов и размер приданого. Запись от 28 января 1806 г. начинается со слов: «Брак был сыну нашему Михаилу Осипову с любезною нашей невестушкою Варварой Васильевной»². Сведения о кончине членов семьи также разнообразны по форме и содержат различные дополнительные подробности: указана дата смерти, возраст умершего и место его похорон. «Вечная память, а нам, оставшимся на земле, доброе здравие, тишина и милость божия», — заключает Белянкин после сообщения о кончине свата Егора Прокофьевича³.

После раздела с записями о семейных событиях следуют заметки о службе автора. Белянкин описал свое участие в выборах в Ратгауз («мы с Рябовым оба в кандидатах»⁴), процедуру представления кандидатов и голосования, вступление в должность бургомистра. Подробно отмечено о встрече Павла I в 1800 г. в Гатчине с петербургскими купцами, где обсуждался вопрос о введении в состав коммерц-коллегии 13 членов от купечества. За 1798 г. содержится запись о представлении императору городского головы Н. П. Резвого и выборных должностей от купечества, где «все были в мундирах и при чинах»⁵. По вступлении в должность автор отметил: «На другой день в присутствии подписывал журналы новым штилем»⁶.

¹ Там же. Л. 63 об. — 69.

² Там же. Л. 63 об.

³ Там же. Л. 66.

⁴ Там же. Л. 70 об.

⁵ Там же. Л. 69 об. — 71.

⁶ Там же. Л. 70.

Третий раздел содержит подробные записи о брачных сговорах¹. Важно заметить, что заметки не ограничиваются сухим перечислением фактов: описаны эмоции и впечатления автора, изредка даны оценки поступкам других. Так, в записи от 3 мая 1797 г. читаем о смотринах свояченицы: «Причем вышло неудобство от Катерины Григорьевны. Первое, что ей невеста не кажется, да еще можно посмотреть в другом месте. А паче гневалась на то, чего ради прежде ей не объявили. Выходит разногласица: жених ослабеваает, приходит в уныние, не знает, что и делать»². Сама свадьба была весела, «были две музыки, одна духовая в саду, а другая — инструментальная и в комнатах»³.

Здесь же записаны курьезные происшествия и случаи, взволновавшие автора. Большую ценность имеют непосредственные описания чувств Белянкина. Сюжетом одной из заметок от 9 ноября 1795 г. стало описание сна. Белянкин восклицал: «Отчего у меня так во сне дрожало сердце, что оно со мною не бывало, и проснувшись, часа три не спал»⁴. 24 ноября того же года автор поехал к молодой семье своего сына и дочери Г. А. Рябова «покушать и повеселиться, в окно был брошен щебень и чрез два стекла чувствительно ушиб именинницу дорогу»⁵. Когда к матери автора приехали гости, произошел конфликт между ними и Белянкиным, «причем оба Дмитрия желали меня бить, и Д. Никонов желал в окошко выкинуть»⁶.

Записи вексельного курса за 1794–1795 гг. составляют содержание четвертого раздела рукописи⁷. Им предшествует предупреждение о военных действиях наполеоновской армии в Европе. Наконец, завершается дневник краткой хронологией основных семейных событий: перечнем рождений и смертей членов семьи, покупкой совместного с Г. А. Рябовым дома и кончины Екатерины II⁸.

Второй из рассматриваемых памятников, «Записная книжка» купцов Колеговых, сохранился в Основном собрании рукописной книги

¹ Там же. Л. 71 об. — 74.

² Там же. 71 об.

³ Там же. Л. 72.

⁴ Там же. Л. 73.

⁵ Там же. Л. 74.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 74 об. — 75.

⁸ Там же. Л. 75 об. — 78 об.

Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ) и представляет собой небольшую переплетенную книжицу в восьмерку (19,5 x 8 см)¹. Кодикологические наблюдения над рукописью указывают на то, что «Записная книжка» Колеговых выполнена на листах с филигранью «Seven Provinces». Вследствие формата рукописи (8) большая часть водяного знака обрезана, что не позволяет точнее определить знак. Бумага иностранного производства с филигранью «Seven Provinces» была распространена в конце XVII — начала XVIII вв. [Клепиков: 78–94, № 941, 943, 961, 1054, 1072, 1145, 1151, 1164, 1177, 1248, 1288, 1302, 1390 (1691–1722)]. По-видимому, данные листы были сброшюрованы еще до написания текста в 1710-е гг., а затем, предположительно в XIX в., тетрадь была приклеена к картонному переплету. На его поздний характер указывают значительное загрязнение и плохая сохранность первого и последнего листов, которые какое-то время служили обложкой. Рукопись содержит следы залития, многие листы надорваны и некоторые записи не поддаются прочтению.

Памятник имеет авторский заголовок: «Памяник Петра Колегова с братом ево Кондратием Колеговым».

Фамилия Колеговых происходит из Коми края. Историк коми Л. Н. Жеребцов отмечает: «В XVII–XVIII вв. крестьяне Колеговы проживали в Кибре, Ибу и Визияге, где имелась к тому же дер. Колегова гора» [Жеребцов: 25]. С 1780 г. Усть-Сысольск указом Екатерины II получил статус города, к нему были приписаны «М. Л. Малыгин, М. Е. Суханов, Т. С. Комлин, М. А. Сидоров и А. М. Мартынов, позднее бывшие яренские купцы П. П. Суханов и В. К. Колегов» [Город Сыктывкар: 150]. Все они были зачислены в низшую, третью купеческую гильдию. По всей видимости, записная книжка принадлежала именно этим усть-сысольским купцам Колеговым.

Коммерческое дело рода было связано с торговлей пушниной: ее сбором у коренного населения Сибири, отправкой на Макарьевскую ярмарку и в Архангельск. Причем несколько представителей семьи в молодом возрасте занимались контролем сбора пушнины «на местах» в Сибири, такие поездки во второй половине XVIII — начале XIX вв. занимали от 6 до 16 лет. Вплоть до 1820-х гг. Колеговы поставляли крупные партии пушнины в Архангельск на экспорт [Рогачев: 64].

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). О. XVII. 84.

Записи велись несколькими поколениями семьи в период с 1719 по 1841 гг., в рукописи насчитывается более 10 почерков. Так же, как и в «Книге записи капитала» Осипа Белянкина, в рукописи можно выделить несколько тематических блоков.

Прежде всего, это приходно-расходные записи. Они начинаются с первого листа книжки и ведутся с 1720-х гг. Все хозяйственные заметки перечеркнуты крест-накрест или по границе текста по мере утраты ими актуальности. Они расположены с соблюдением хронологии и выполнены разными почерками. Расчеты обстоятельно фиксировались до 1740-х гг., денежные записи второй половины XVIII в. вносились реже, а в XIX в. не встречаются вовсе.

Второй блок записей — автобиографические. Они появляются с 1780-х гг. и были вписаны на свободные места книжки, зачастую между приходно-расходными заметками первой половины XVIII в. В тех случаях, когда автобиографические заметки превосходили по объёму свободное поле листа, автором делалось примечание о продолжении записи на одном из листов в конце книги.

Первыми владельцами книги были братья Петр Яковлевич и Кондратий Яковлевич Колеговы, ими «Памяник» велся до 1740-х гг. Далее книга перешла к сыну или сыновьям Кондратия Яковлевича — Ивану или Василию, а затем к внуку Василию Васильевичу Колегову. Именно при нем в 1780-е гг. появляются семейно-автобиографические записи. Они начинаются с сообщения о смерти деда: «Дедушко Кондратей Яковлевич замучен от разбойников в 739 году майа на 23 число, а преставился после разбойников на 25 число того же майя. А тезоименствование было марта 10 числа»¹. Заметки о рождениях, смертях и свадьбах вносились вплоть до 1840-х гг., включали всех близких родственников и были сделаны по единообразному формуляру. Примером типичной записи о рождении может служить следующая: «Марья Васильева дочь Колегова родилась генваря на 22-е число перед заутреней, а именины ея 26-го числа генваря»².

Василий Васильевич Колегов первым из владельцев рукописи начал подписывать собственные записи. Помимо семейных событий, он описал «открытие» Усть-Сысольска: «1780-го года 10-го сентября открытие го[р]ода Устьсысольска было. А открывал Семен Евсигнеевич г-н

¹ Там же. Л. 25 об. — 26.

² Там же. Л. 28 об.

Жеребцов, устюжской прокурор. А купцы имянные, которыя в городе Яренске были посадцкими, перешли в Устьсысольск во время ревизии 1782 году»¹. Им же внесена приписка о строительстве дома в 1785 г.: «На Усть-Сысолье в Покровской улице дом построен мною, Василием Васильевым Колеговым, в 23 квартале под номером 415/416. А жить перешли в новой дом 1793 ноября на 3-е число на Егорьев день. У попа Ивана и у Григория Савина того ж лета с моим домом строены вместе в суседях»².

Большое внимание купец уделял церковным событиям: «1796-го года преставился преосвященный епископ Иринея вологоцкой, на ево место на стол того же году Арсений епископ <...> Вологоцкой преосвященный Арсений преставился 1802-го году июля. Вновь на место его прибыл преосвященный Антоний епископ»³. Автор дневника сделал запись о привезенном из Архангельска колоколе: «1804-го года июля 10-го числа из Архангельска привезен на судне колокол, вылитой из старой колокольной меди. На котором колоколе вылито изображение образ в Египте святыя Троицы. Того же числа был с судна перевезен и на столбы поднят. На столбах был до 17-го числа июля же. В оное число зачали поднимать после обедни, и был поднят до первых слухов от земли без [нрзб.] на 8 сажень вышины. Нечаянно и от неосторожной снасть порвалась и упал с оной высоты на землю. А ничем не поврежден был, цел и невредим сохранился»⁴.

В 1810-е гг. книжка переходит к сыну Василия Васильевича — Павлу Васильевичу Колегову. Он сохранил отцовские принципы ведения записей, подписывал их, однако его заметки о семейных событиях более пространны. В тетради появляются ретроспективные записи: о посещении Усть-Сысольска чиновниками из Великого Устюга, о наделении статусом города, об указе об учреждении 3-й купеческой гильдии и другие. Впервые в памятнике встречается описание путешествия автора с семьей «для богомоления и посмотреть городов»⁵.

Произошедшие изменения в тематике заметок были не случайны. Павел Васильевич был человеком иного поколения и, отчасти, иного

¹ Там же. Л. 20.

² Там же. Л. 25.

³ Там же. Л. 31.

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ Там же. Л. 47.

мировоззрения. Достаточно взглянуть на его почерк, заметно отличающийся от архаичной скорописной манеры письма отца и деда. К тому же известно, что в 1820–1822 гг. и в 1832–1834 гг. он занимал должность городского головы Усть-Сысольска и неизбежно был вовлечен как в важнейшие события в жизни города, так и в культуру официальной делопроизводственной документации [Рогачев: 34].

Колеговы были в родстве с богатейшими купеческими фамилиями Усть-Сысольска — Варенцовыми и Сухановыми. П. В. Колегов был приказчиком у Сухановых, а впоследствии стал их компаньоном и родственником. Следующим владельцем книги после Павла Васильевича Колегова стал его племянник Алексей Суханов. Фамилия Сухановых была связана с историей Усть-Сысольского погоста с начала XVII в. и справедливо считалась самым богатым и известным купеческим родом города [Рогачев: 9–10].

Сравнительный анализ «Книги» О. Д. Белянкина и записной книжки Колеговых позволяет сделать ряд предположений. Оба памятника представляют собой примеры автобиографических записей в составе приходно-расходных книг. В обоих случаях время возникновения таких заметок очень близко — 1780–1790-е гг. В историографии отмечается тенденция возникновения мемуарного жанра в купеческой среде в конце XVIII — начале XIX вв., когда «русское купечество, общаясь к книжной культуре, заводит библиотеки, само обращается к литературному творчеству, чаще всего проявляющемуся в написании мемуаров и ведении дневников» [Брянцев: 145]. Записная книжка Колеговых является уникальным примером «журнала», записи в котором велись несколькими поколениями членов семьи. Форма книжки для записей была достаточно традиционной. По мнению Б. Н. Морозова, «сам тип записной книжки — небольших тетрадей, предназначенных специально для памятных записей, мог быть перенят с иностранных образцов» и был распространен в рукописной культуре Европы XVII в. [Морозов: 160].

Важно проанализировать, как на страницах этих приходно-расходных книг появились личные записи, и что побудило авторов вносить их не однократно, а систематически. По-видимому, запись дат рождений и смертей первоначально имела практическое значение — их было необходимо знать для церковного поминовения. В данном аспекте эти памятники близки к синодикам, а точнее к их разновидности — по-

мянникам. Однако со временем лаконичные перечни событий начинают пополняться неформальными, личными подробностями: о том, как скончался родственник, какого он был нрава и благочестия, а также особо примечательные факты его биографии (к примеру, в записях Колеговых особо отмечается долгое пребывание члена семьи в Сибири). Эти моменты указывают на желание авторов сохранить память о своих предках и о своем роде на фоне исторического процесса, а данные записные книжки начинают играть роль семейного летописца. В случае с Колеговыми этот процесс особенно очевиден. По справедливому наблюдению Г. В. Аксеновой, «русская книгописная культура XIX в. теснейшим образом связана с явлениями конца XVIII в., который ознаменовался ростом интереса различных слоев населения к древнейшей истории Русского государства, к истории Православной Церкви и к истории русской культуры» [Аксенова: 37]. По своему назначению автобиографические заметки Колеговых и Белянкина можно отнести к выделяемым А. С. Мыльниковым среди книг поздней рукописной традиции домашним и семейным альбомам [Мыльников: 32]. Анализ изучаемых купеческих приходно-расходных книг позволяет понять, как в рамках традиционной русской рукописной книги зародился и развивался автобиографический жанр — явление литературы нового времени.

Каковы перспективы дальнейшего исследования подобных памятников? Такие записи крайне редко попадают в сферу интересов исследователей — они мало информативны, содержат отрывочные сведения о жизни простых людей, неинтересны для издания, поскольку имеют немного общего с классическим жанром мемуарной литературы. Разрозненные приписки зачастую трудно выделить из общего текста, прочесть и атрибутировать. Тем не менее, такие автобиографические записи ценны не сами по себе, а в контексте всего памятника и в сравнении с подобными заметками авторов различных эпох, социальных групп, рода занятий, уровня образования. Необходимо поставить вопрос о том, что в этих записях традиционно и связано с устойчивой традицией, формуляром, устоявшейся фразеологией, а что было написано под непосредственными впечатлениями автора. Не до конца разрешенной остается проблема определения границ жанров ранней мемуарной литературы. Дальнейшее исследование требует поиска рукописных памятников, содержащих в своем составе автобиографические записи,

сопоставления их сюжетов, формы и времени появления. Составление корпуса таких записей позволит получить всестороннее представление о возникновении и эволюции жанра мемуарной литературы и автобиографических записей в русской рукописной культуре второй половины XVII — начала XIX вв.

Список литературы

Аксенов А. И. Купеческие мемуары из собраний ОР РГБ: (Археографические заметки) // Российская реальность конца XVI — первой половины XIX в.: Экономика. Общественный строй. Культура. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2007. С. 290–302.

Аксенова Г. В. Книжные собрания и русская рукописная книга XIX — начала XX вв.: теоретико-методологические и прикладные проблемы источниковедческого и историографического анализа: автореф. дисс. ... докт. истор. наук. М., 2011. 54 с.

Акты и документы, относящиеся к истории СПб. городского управления и города Санкт-Петербурга в эпоху Отечественной войны / под ред. К. А. Военского. СПб.: Городская дума, 1914. Т. 1. 573 с.

Брянцев М. В. Культура русского купечества: (воспитание и образование). Брянск: Курсив, 1999. 201 с.

Бударагин В. П. Биография петербургского купца Ф. К. Долгого в старообрядческом синодике конца XVIII — начала XIX веков // In memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб.: Atheneum, Феникс, 1997. С. 321–325.

Внешняя торговля России через Петербургский порт во второй половине XVIII — начале XIX вв.: Ведомости о составе купцов и их торговых оборотах. М.: Институт истории СССР, 1981. 174 с.

Город Сыктывкар: Энциклопедия. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2010. 408 с.

Дневники тверских купцов / сост. И. Е. Барклай. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. 92 с.

Жеребцов Л. Н. Расселение коми в XV–XIX вв. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1972. 62 с.

Ипполитова А. Б. Безымянный владелец лечебника XVIII в.: портрет в маргиналиях // Славянская традиционная культура и современный мир. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. Вып. 11. С. 189–216.

Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные надписи на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1959. 306 с.

Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е — начало 60-х гг. М.: Археографический центр, 1999. 381 с.

Комлева Е. В. Хозяйственная документация сибирских купцов в конце XVIII — первой половине XIX в. // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 41–57.

Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX в. / сост. А. В. Семенова, А. И. Аксенов, Н. В. Середа. М.: РОССПЭН, 2007. 467 с.

Морозов Б. Н. Из истории частных архивов купцов и горожан XVII в. // Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича: псковский архив английского купца 1680-х гг. / публ. подг. П. С. Стефанович и Б. Н. Морозов. М.: Индрик, 2009. С. 153–164.

Мильников А. С. Вопросы изучения поздней рукописной книги (проблематика и задачи) // Рукописная и печатная книга. М.: Наука, 1975. С. 19–36.

Перхавко В. Б. История русского купечества. М.: Вече, 2008. 509 с.

Поляков И. А. Род князей Ромодановских в XVII в. и их книжное собрание: дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 2020. 527 с.

Постников И. Н. Записки бежецкого городского старосты: Черты городского общественного быта конца XVIII столетия. Тверь: Тверская ученая архивная комиссия, 1914. 19 с.

Рогачёв М. Б. Столица Зырянского края: Очерки истории Усть-Сысольска конца XVII I– начала XX вв. Сыктывкар: Б. и., 2010. 246 с."

Саитов В. И. Петербургский некрополь. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1912. Т. 3: (М-Р). 649 с.

Смирнова М. А. Мемуары и дневники петербургских купцов конца XVIII — начала XX вв. как исторический источник: дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 2011. 301 с.

Smyth A. *Autobiography in Early Modern England*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 222 с.

References

Aksenov A. I. *Kupecheskiye memuary iz sobraniy OR RGB: (Arkheograficheskiye zametki)* [Merchants' memoirs from the collections of the RSL RS: (Archeographic notes)]. *Rossiyskaya real'nost' kontsa XVI — pervoy poloviny XIX v.: Ekonomika. Obshchestvennyy stroy. Kul'tura* [Russian reality of the late XVI - first half of the XIX century: Economics. Social order. Culture]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr Instituta rossiyskoy istorii RAN Publ, 2007, pp. 290–302. (In Russ.)

Aksenova G. V. *Knizhnyye sobraniya i russkaya rukopisnaya kniga XIX– nachala XX vv.: teoretiko-metodologicheskiye i prikladnyye problemy istochnikovedcheskogo i istoriograficheskogo analiza: avtoref. dis. ... dokt. istor. nauk* [Book collections and Russian manuscript books of the XIXth–early XXth centuries: theoretical, methodological and applied problems of source study and historiographic analysis: DSc summary], Moscow, 2011, 54 p. (In Russ.)

Akty i dokumenty, otnosyashchiesya k istorii SPb. gorodskogo upravleniya i goroda S.-Peterburga v epokhu Otechestvennoy voyny [Acts and documents related to the history of St. Petersburg city administration and the city of St. Petersburg in the era of War 1812], ed. by K. A. Voyensky, St. Petersburg, City Duma, 1914, vol. 1, 573 p. (In Russ.)

Bryantsev M. V. *Kul'tura russkogo kupechestva: (vospitaniye i obrazovaniye)* [Culture of the Russian merchants: (upbringing and education)], Bryansk, Kursiv Publ., 1999, 201 p. (In Russ.)

Budaragin V. P. *Biografiya peterburgskogo kuptsa F. K. Dolgogo v staroobryadcheskom sinodike kontsa XVIII — nachala XIX vekov* [Biography of the St. Petersburg merchant F. K. Dolgoy in the Old Believer synodics of the late XVIII– early XIX centuries]. In *memoriam: Sb. pamyati Ya. S. Lur'ye* [In memoriam: Miscellanea in memory of J. S. Lurie], St. Petersburg, Atheneum, Feniks Publ., 1997, pp. 321–325. (In Russ.)

Vneshnyaya trgovlya Rossii cherez Peterburgskiy port vo vtoroy polovine XVIII — nachale XIX v.: Vedomosti o sostave kuptsov i ikh trgovykh oborotakh [Foreign trade of Russia through the port of St. Petersburg in the second half of the XVIIIth — early XIXth centuries: Documents on the merchants and their trade turnover], Moscow, Institute of history of USSR, 1981, 174 p. (In Russ.)

Gorod Syktyvkar: Entsiklopediya [Syktyvkar City: Encyclopedia]. Syktyvkar, Komi Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Science Publ., 2010, 408 p. (In Russ.)

Zherebtsov L. N. *Rasseleniye komi v XV–XIX vv.* [The resettlement of the Komi in the XV–XIX centuries], Syktyvkar, Komi Book Publ., 1972. 62 p. (In Russ.)

Dnevnik tverskikh kuptsov [Diaries of the Tver merchants], ed. by I. Ye. Barklay. Tver, Tver State University Publ., 2002, 92 p. (In Russ.)

Ippolitova A. B. *Bezmyannyy vladelets lechebnika XVIII v.: portret v marginaliyakh* [The unknown owner of the XVIIIth century medical book: portrait in marginals]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Slavic traditional culture and the modern world], Moscow, State Republic center of the Russian folklore Publ., 2008, vol. 11, pp. 189–216. (In Russ.)

Klepikov S. A. *Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII–XX vv.* [Watermarks and stamps on paper of Russian and foreign production of the XVII–XX centuries], Moscow, USSR Book Chamber Publ., 1959, 306 p. (In Russ.)

Kozlova N. V. *Rossiyskiy absolyutizm i kupechestvo v XVIII v.: 20-ye — nachalo 60-kh godov* [Russian absolutism and merchants in the XVIII century: 20s — early 60s]. Moscow, Archeographichesky Centr Publ., 1999, 381 p. (In Russ.)

Komleva Ye. V. *Khozyaystvennaya dokumentatsiya sibirskikh kuptsov v kontse XVIII — pervoy polovine XIX v.* [Household documentation of Siberian merchants in the late XVIII — the first half of the XIX century]. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya* [Siberian historical research], 2016, № 2, pp. 41–57. (In Russ.)

Kupecheskiye dnevnik i memuary kontsa XVIII — pervoy poloviny XIX veka [Merchant diaries and memoirs of the late XVIII — first half of the XIX century], ed. by A. V. Semenova, A. I. Aksenov, N. V. Sereda. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, 467 p. (In Russ.)

Morozov B. N. *Iz istorii chastnykh arkhivov kuptsov i gorozhan XVII v.* [About the history of private archives of merchants and citizens of the XVIII century]. *Roman Vilimovich v gostyakh u Petra Ignat'yevicha: pskovskiy arkhiv angliyskogo kuptsa 1680-kh godov* [Roman Vilimovich visiting Peter Ignatievich: Pskov archive of the English merchant of the 1680s], ed. by P. S. Stefanovich and B. N. Morozov, Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 153–164. (In Russ.)

Mylnikov A. S. *Voprosy izucheniya pozdney rukopisnoy knigi (problematika i zadachi)* [Questions of the study of the late manuscript book (problems and tasks)]. *Rukopisnaya i pechatnaya kniga* [Handwritten and printed book], Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 19–36. (In Russ.)

Perkhavko V. B. *Istoriya russkogo kupechestva* [History of the Russian merchants]. Moscow, Veche Publ., 2008, 509 p. (In Russ.)

Polyakov I. A. *Rod knyazey Romodanovskikh v XVII v. i ikh knizhnoye sobraniye*: diss. ... kand. istor. nauk [Family of the Princes Romodanovsky in the XVIIth century and their book collection: PhD thesis], St. Petersburg, 2020, 527 p. (In Russ.)

Postnikov I. N. *Zapiski bezhetskogo gorodovogo starosty: Cherty gorodskogo obshchestvennogo byta kontsa XVIII stoletiya* [Notes of Bezhersk town administrative: Features of urban public life at the end of the XVIII th century]. Tver', Tver Research Provincial Archival Commission Publ., 1914, 19 p. (In Russ.)

Rogachov M. B. *Stolitsa Zyryanskogo kraja: Ocherki istorii Ust'-Sysl'ska kontsa XVIII — nachala XX vekov* [The capital of the Zyryansky Krai: Essays on the history of Ust-Sysolsk at the end of the XVIIIth — early XXth centuries]. Syktyvkar, 2010, 246 p. (In Russ.)

Saitov V. I. *Peterburgskiy nekropol'* [Petersburg necropolis]. St. Petersburg, M. M. Stasulevich's Publ., 1912, vol. 3: (M-R), 649 p. (In Russ.)

Smirnova M. A. *Memuary i dnevniki peterburgskikh kuptsov kontsa XVIII — nachala XX vv. kak istoricheskiy istochnik*: diss. ... kand. istor. Nauk [Memoirs and diaries of Petersburg merchants of the late XVIII — early XX centuries as a historical source: PhD thesis]. St. Petersburg, 2011, 301 p. (In Russ.)

© 2020. Л. Ф. Луцевич
Варшавский университет
г. Варшава, Польша

**«Признания мои не имеют никакой нравственной цели»
(«Моя исповедь» Н. М. Карамзина)**

В центре внимания автора статьи находится жанровое своеобразие произведения Н. М. Карамзина «Моя исповедь» (1802). Включив в название определение «исповедь», писатель акцентировал форму личного признания; используя подзаголовок «Письмо к издателю журнала», подчеркнул намеренную общедоступность текста. Пародийно подражая Руссо, Карамзин ведет повествование от 1-го лица некоего безнравственного эгоцентрика, позиционирующего себя «совершенно особенным человеком», который, пренебрегая моралью, цинично выдвинул на первый план безудержное своеволие. Герой, как вытекает из его исповеди, на протяжении жизни нарушал христианские заповеди, никогда ни в чем не раскаивался; его исповедальные признания не имеют «никакой нравственной цели»; они лишь средство циничного самоутверждения собственной необыкновенности. Единственное, что ему удалось создать, как вытекает из «исповеди» — это сотворить кумира из себя самого, стать неким идолом, который постоянно изыскивает поводы, чтобы потешить низменное самолюбие, тщеславие, гордыню. В образе самовлюбленного эгоиста Карамзин, пожалуй, впервые воплотил в художественном тексте исповедальность как ничем не ограниченную бесстыдную откровенность.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, «Моя исповедь», жанр, эгоцентризм, исповедальность, откровенность, цинизм.

Информация об авторе: Луцевич Людмила Фёдоровна, ORCID 0000-0002-6340-2598, доктор филологических наук, профессор, Варшавский университет, ул. Краковские предместья, 26/28, 00-927, Варшава, Польша

E-mail: l.lutevici@uw.edu.pl

Дата поступления: 22.04.2020

Дата публикации: 17.06.2020

Для цитирования: Луцевич Л. Ф. «Признания мои не имеют никакой нравственной цели» («Моя исповедь» Н. М. Карамзина) // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 46–65. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-46-65

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2020. **Lyudmila F. Lutsevich**
University of Warsaw
Warsaw, Poland

“My confessions have no moral purpose” (“My Confession” by Nikolay Karamzin)

The author of the article focuses on the genre originality of the work “My Confession” by Nikolay Karamzin (1802). Having included the definition of “confession” in the title, the writer emphasised the form of personal recognition; using the subtitle “A letter to an editor of a journal”, he emphasised the intentional public availability of the text. Nikolay Karamzin, mockingly imitating Jean-Jacques Rousseau, narrates in the first person as some immoral egocentric who positions itself as a “completely special person” who, neglecting morality, cynically highlighted uncontrolled self-will. The hero, as follows from his confession, would violate Christian commandments throughout his life, has never repented for anything; his confessional confessions have “no moral purpose”; they are only a device of cynical self-assertion of own amazingness. The only thing he managed to create, as follows from the “confession”, was to create an idol from himself, to become a kind of idol who constantly seeks excuses to amuse base pride, vanity, selfishness. In the image of a narcissistic egoist, Nikolay Karamzin, perhaps for the first time, has embodied confession in a literary text as unlimited shameless frankness.

Keywords: Nikolay Karamzin, “My Confession”, genre, egocentric, confession, frankness, cynicism.

Information about the author: Lyudmila F. Lutsevich, ORCID 0000-0002-6340-2598, DSc in Philology, Professor, University of Warsaw, ul. Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927, Warszawa, Polska

E-mail: l.lutevici@uw.edu.pl

Received: April 22, 2020

Published: June 17, 2020

For citation: Lutsevich L. F. “My confessions have no moral purpose” (“My Confession” by Nikolay Karamzin) // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 2, pp. 46–65. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-46-65

<...> самое гнусное, самое ужасное чудовище: эгоизм... Вот истинный враг общества и всех его учреждений! Он беспрестанно старается разрушить то добро, которого могли бы ожидать люди от единодушия в своих благодетельных намерениях [Б. а.: 24].

<...> в противность всем исповедникам, наперед сказываю, что признания мои не имеют никакой нравственной цели [Карамзин: 729].

<...> я доволен своим положением и, видя во всем действие необходимой судьбы, ни одной минуты в жизни моей не омрачил горестным раскаянием [Карамзин, 1964: 739].

В самом начале XIX столетия Н. М. Карамзин (1766–1826) публикует, по существу, первую русскую *повесть* «Моя исповедь» (1802), в названии которой содержится ее жанровое определение¹. В ней, на наш взгляд, получило выражение проницательное предвидение Карамзиным такой значимой тенденции, как исповедальность, существенно повлиявшей на развитие всей русской литературы XIX в. Именно в исповедальном слове актуализируются наиболее существенные вопросы бытия: это вопросы жизни и смерти, судьбы, свободы, необходимости, добра и зла, любви и творчества, др.² Проблематика исповедального слова, как

¹ XVIII в. знает две автобиографические исповеди: «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (1790–1792) Дениса Фонвизина, «Чистосердечная исповедь» (1774) императрицы Екатерины II. См. об этом подробнее [Луцевич 2019: 20–43].

² Рассматривая процесс становления и развития идеи исповеди в русском и европейском духовном опыте, М. С. Уваров, подчеркивает: «Тема исповеди относится к одной из самых потаенных областей человеческой культуры», она выражает «узловые моменты становления европейской культуры <...> становится уникальной формой человеческого самовыражения». См. подробнее: [Уваров: 5, 9].

правило, ничем не ограничена, как и сам человек с его мыслями, чувствами и устремлениями; следовательно, *исповедь* можно трактовать достаточно широко — «как Текст жизни» [Уваров: 37–38].

В популярных толковых словарях слово *исповедь* чаще всего определяется как «тайнство покаянья; устное признание грехов своих перед духовником. Искреннее и полное сознание, объяснение убеждений своих, помыслов и дел» [Даль: 54]; «откровенное признание», «покаяние в грехах» [Ожегов: 234]; «раскрытие верующим своих грехов» [Советский: 509]. В специальных литературоведческих словарях *исповедь в литературе* трактуется как «произведение, в котором повествование ведется от первого лица, причем рассказчик (сам автор или его герой) выпускает читателя в самые сокровенные глубины собственной духовной жизни, стремясь понять “конечные истины” о себе, своем поколении» [Ваховская: 320]; как откровенное признание героя-рассказчика в совершении безнравственных поступков, обращенное к читателям» [Волкова: 85]; кроме того, указывается на программную откровенность автобиографической исповеди, на стремление нарратора аналитически представить собственный внутренний мир [Głowiński: 581]; отмечается появление в эпоху романтизма жанра исповеди лирической (наряду с автобиографической) [Krassowski: 239]; констатируется связь исповеди как «разновидности лирич<еского> самовыражения» со своим первоначальным значением христианского таинства [Дьяченко: 228]¹ и соответственно «требование» от человека «полной искренности, стремления избавиться от грехов, раскаяния», а также наличие «дидактического оттенка» и возможность выступать в качестве «средства морального самоутверждения личности» [Песков, Турбин: 201]. В новейшем культурологическом словаре *исповедь* — это «жанр конфессионального общения (в нем воплощается одно из таинств христианства), обязательный для верующего христианина, который, по крайней мере дважды в год, должен *исповедоваться* перед причастием. По природе своей это жанр инфор-

¹ См. подробнее: «Исповедь. Так называемая видимая, обрядовая часть таинства покаяния, состоящая в том, что христианин перед своим духовником, как уполномоченным свидетелем Сына Божия, единого имеющего власть отпущать грехи, с сердечным сокрушением и решимостью впредь исправиться, рассказывает свои согрешения и содеянные неправды. Самая полная откровенность, искреннейшее сокрушение о содеянных прегрешениях с решимостью исправиться и надежда на Иисуса Христа — необходимые качества исповеди» [Дьяченко: 228].

мативный, специфику его составляет характер диктумного содержания: это события и факты, принадлежащие личной сфере автора (диктум автобиографичен). В то же время в нем сильно перформативное начало: он представляет собой *акт покаяния*, а в качестве его эффекта следует отпущение грехов (ответный перлокутив, авторство которого принадлежит духовнику, исповеднику)» [Шмелева: 229–230].

Современные исследователи, в поле зрения которых оказалась «Моя исповедь» (1802), как правило, указывают на художественные перспективы, намеченные этим текстом. Согласно наблюдениям А. Н. Кудреватых, «Карамзину удалось обозначить пути, которыми далее пойдут писатели XIX века, начиная с Лермонтова», показавшего «внутренний мир героя и глазами сторонних наблюдателей <...> и <...> изнутри» [Кудреватых 2015: 105]. В «Моей исповеди» исследовательница видит «первые зачатки той рефлексии, самоанализа, которые позже так блестяще будут представлены в гениальном романе Лермонтова», попытку «художественного осмысления сферы бессознательного» [Кудреватых 2015: 157], первый опыт создания рефлексирующего героя [Кудреватых 2016: 24–29]. Л. И. Сигида считает, что «Моя исповедь» содержала «генетическое ядро будущих героев русской литературы XIX в., в которых будут исследованы причины формирования безнравственности героя. Карамзин, осваивая, по сути, неизвестный русской литературе тип сознания, впервые попытался художественно исследовать сущность и причины появления беспринципного и безнравственного характера» [Сигида, 2004: 338]. В. И. Глухов обнаруживает в повести «основы нового стиля русской романной прозы» [Глухов: 50], сформировавшиеся впоследствии в творчестве Ф. М. Достоевского. Т. А. Алпатова выявляет «механизмы» иронического повествования и соотносит с «Моей исповедью» общие перспективы формирования и развития русской классической литературы [Алпатова 2012: 443]. Даже эти кратко представленные черты и свойства текста свидетельствуют и о его новаторском характере и о существенной весомости в дальнейшем развитии русской литературы, поэтому имеет смысл немного задержаться на первой русской художественной исповеди.

Дав повести название «Моя исповедь»¹, автор таким образом непосредственно акцентирует форму личного *откровенного признания*,

¹ См. подробнее о повести: [Канунова: 286–290; Лотман, 1992: 40–99; Кочеткова, 1984: 71–99; Gorbatov; Кочеткова, 1994: 250–251; Кудреватых, 2015: 99–115; Гончарова, 2018: 37–56].

а включив показательный подзаголовок «Письмо к издателю журнала», подчеркивает намеренную *открытость*, публичность текста. Эти свойства распространились в европейской литературе нового времени благодаря той исповедальности, откровенности и даже намеренной эпатажности в изображении внутренней жизни личности, которые пронизывают прозу Ж.-Ж. Руссо. В русском литературоведении неоднократно высказывалась мысль о глубоком интересе Карамзина к творчеству Руссо¹, наиболее ярко выразившемуся в «Письмах русского путешественника» [Алпатов 2013: 9–21]. Там Карамзин признает Руссо величайшим из писателей восемнадцатого века, пишет о восторге, который он испытал от одного лишь созерцания тех «прекрасных мест, в которых бессмертный Руссо поселил <...> романтических любовников» «Новой Элоизы» [Карамзин 1987: 149], вспоминает о «неописуемом удовольствии», с которым он читал «Confession», где «так живо изображается душа и сердце Руссо» [Карамзин 1987: 152]. Правда, это восторженное отношение к Руссо через некоторое время несколько поугасло, а затем и переменилось. Мало кто из исследователей обращал внимание на изменение карамзинских оценок французского автора. И только Ю. М. Лотман, изучая эволюцию мировоззрения Карамзина, констатирует появление критических ноток в адрес знаменитого просветителя еще в начале 1790-х гг. Ученый на материале журнальной публицистики проследил возросшую динамику карамзинского критицизма в новом столетии, когда русский писатель все чаще и резче полемизирует на страницах своих периодических изданий с идеями «женевского гражданина». Уже на страницах «Аглаи» в 1793 г., как показывает ученый, Карамзин начинает отгораживаться «от демократических воззрений Руссо» [Лотман 2006: 760], а в «Вестнике Европы» в начале XIX в. и вовсе «соскальзывает» на позиции философского идеализма с его культом авторской личности. В результате скрупулезного самопознания писатель приходит к пессимистическому выводу о том, что человеческой натурой управляет эгоизм, являющийся истинным врагом общества. Само же общество мыслится теперь Карамзиным, — поясняет Ю. М. Лотман, — «как сумма беспорядочно борющихся эгоистов. Человек “считает себя единственным и отдельным от других существом”», он готов «пожертвовать целым миром удовлетворению

¹ См. подробнее: [Златопольская, 2005: 7–54; Зорин, 1996: 56–63; Краснощекова: 3–21; Живов: 114–140; Прокудин: 213–231].

своей любимой склонности”» [Лотман 2006: 773]. Вопреки Руссо, видевшему добро в природе человека, а зло — в социальной несправедливости, Карамзин делает акцент на присущих человеку от рождения злых наклонностях, природа которых определена однозначно — эгоизм¹. В русле аналогичных размышлений, как кажется, создавалась и «Моя исповедь». Ю. М. Лотман прав, когда пишет, что в основе этой повести лежит «идея врожденно злой природы человека» [Лотман 2006: 774]. Стоит упомянуть и о наблюдении О. М. Гончаровой, которая вслед за А. Зориным [Зорин 2001: 167–168] обратила внимание на то, что в начале XIX в. развернулись дискуссии о характере и содержании русской культуры, ее корнях, оригинальности, подражательности, проблемах исторического развития, национального своеобразия. В контексте этих обсуждений всплыла негативная оценка Руссо по поводу русских, которые, якобы «никогда не станут истинно цивилизованными»². В 1802 г. Карамзин, возможно, реагируя и на этот провокационный пассаж, публикует статью «О любви к отечеству и народной гордости»³, где «оспорены тезисы Руссо» [Гончарова 2019: 134]. Можно предположить, что актуализация на тот момент негативной оценки Руссо дополнительно спровоцировала «новый взгляд» Карамзина на «душу и сердце» французского писателя, выразившиеся в его знамени-

¹ См.: «Для Руссо добродетель гражданина имеет источник в доброте естественного человека. Для Карамзина же, в противоположность Руссо, человек зол» [Златопольская: 18].

² См. подробнее далее: «Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было еще приучать к трудностям этого. Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских. Он помешал своим подданным стать когда-нибудь тем, чем они могли бы стать, убедив их, что они были тем, чем они не являются. Так наставник-француз воспитывает своего питомца, чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством» [Руссо 1998: 235].

³ Впервые опубликовано: «Вестник Европы». 1802. № 4. Ч. I. С. 56–69.

той «Исповеди», и инспирировала создание сатирической повести¹, в центре которой находится окарикатуренная фигура безнравственного эгоцентрика.

Пародийно подражая Руссо, автор ведет повествование от 1-го лица некоего графа NN, перешагнувшего 40-летний жизненный рубеж и позиционирующего себя «совершенно особенным человеком» [Карамзин 1964: 730]. В свое время французский писатель провозгласил: *Exister, pour nous — c'est sentir!* (Существовать для нас — чувствовать!) и написал «Исповедь» (1766–1769), шокирующую современников своей откровенностью. В мире тогда впервые прозвучал призыв стать личностью. Развитие идеи свободной личности (если свобода понимается как отказ от всего традиционного в том числе и от моральных христианских ценностей) достигло крайности. Казалось, что каждый человек может иметь свою систему ценностей, более того, он сам решает, нужны ли ему духовные, культурные и вообще какие-либо ценности. Один из героев Руссо заявляет: «Мне нужно только посоветоваться с самим собою о том, что я хочу делать: все, что я чувствую как добро, есть добро, все, что я чувствую как зло, есть зло...» [Руссо 1912: 280]. На первый план выдвигается самоценность внутренних процессов и оценок. Эта же субъективистская установка определяет слова и действия героя Карамзина: «Я намерен говорить о себе: вздумал и пишу — свою исповедь, не думая, приятна ли будет она для читателей» [Карамзин 1964: 729]. Клаус Штедтке утверждает, что «Мою исповедь» «можно считать метатекстом, в котором обнажается прием литературного самоизображения и обесцениваются все благородные мотивы авторского самописания» [Штедтке: 143–151].

Гипертрофированно разросшееся «эго», культивирующее цинизм как в убеждениях, так и в поступках, определяет содержание «Моей исповеди» графа NN. При этом свою беззастенчивую откровенность герой обосновывает модной тенденцией, распространившейся в мире и в литературе: «Нынешний век можно назвать веком *откровенности* в физическом и нравственном смысле. <...> Мы хотим жить, действовать и мыслить в прозрачном стекле. <...> Ныне всякий сочинитель романа спешит как можно скорее свой образ мыслей о важных и неважных предметах сообщить. Сверх того, сколько выходит книг под титулом «Мои опыты», «Тайный журнал моего сердца»! Что за перо,

¹ Впервые опубликовано: «Вестник Европы». 1802. № 6. Ч. II. С. 147–167.

то и за искреннее признание. Как скоро нет в человеке старомодного варварского стыда, то всего легче быть автором исповеди. Тут не надобно ломать головы; надобно только вспомнить проказы свои, и книга готова» [Карамзин 1964: 729]. Из «Моей исповеди» очевидно, что граф NN — герой нового времени, не имеет «старомодного варварского стыда», этические мотивы и оценки как бы намеренно удалены из его самосознания. Он — эгоист по природе и по воспитанию («избалованный родителями барчук» [Купреянова: 73], «жертва родительского равнодушия» [Орлов: 226]), может действовать, руководствуясь лишь собственными интересами, безудержно стремясь к наслаждению и славе. «Моя исповедь», считает Ф. З. Канунова, «единственная сатирическая повесть Карамзина, направленная против безответственного дворянского воспитания, в результате которого попираются элементарные нравственные нормы» [Канунова: 287].

Герой повести, достигнув 16 лет, отправился в сопровождении гофмейстера-наставника, «модного» женева Менделя, в Германию для получения образования. Гофмейстер (нем. Hofmeister — воспитатель, домашний учитель в богатых семьях), уяснив свойства характера и положение своего подопечного, а также собственные «выгоды», обращаясь к юному графу, изначально предельно ясно обозначил позиции сторон: «Мы едем в Лейпцигский университет; родители твои, следуя обыкновению, желают, чтобы ты украсил разум свой знаниями, и поручили тебя моему смотрению; будь спокоен! Я родился в республике и ненавижу тиранство! Надеюсь только, что моя снисходительность заслужит со временем твою признательность» [Карамзин 1964: 730–731]. Как видно, так называемый «наставник-воспитатель», прикрываясь цветистыми фразами, озабочен лишь своим гонораром. Именно его безнравственный цинизм обусловил и определил соответствующее поведение воспитанника.

«Приехав в Лейпциг, — отмечает повествователь, — мы спешили познакомиться со всеми славными профессорами — и нимфами. Гофмейстер мой имел великое уважение к первым и маленькую слабость к последним. Я взял его себе за образец — и мы одним давали обеды, другим — ужины. Часы лекций казались мне минутой, оттого что я любил дремать под кафедрою докторов, и не мог их послушаться, оттого что никогда не слушал. Между тем господин Мендель всякую неделю уведомлял моих родителей о великих успе-

хах дражайшего сына их и целые страницы наполнял именами наук, которым меня учили» [Карамзин 1964: 731]. Наставник становится в некотором роде поведенческой моделью, «образцом» для воспитанника, обладающего врожденной готовностью к роли лицемера. Ложь, цинизм, злонамеренность, прикрытые внешним усердием и притворным чистосердечием воспитателя, не просто усвоены, но и возведены в жизненный принцип молодым графом. О том, что ученик сравнивался в «мастерстве» с учителем свидетельствует такой «горестный» эпизод: когда г-н Мендель вздумал «приласкаться» к пассивности воспитанника, тот попросту столкнул наставника с лестницы, заставив «считать головою ступени» [Карамзин 1964: 732]. При этом Мендель счел графа просто «шалуном», а граф его — «недостойным имени гофмейстера» [Карамзин 1964: 732]. Заграничные путешествия, забавы, шалости, неконтролируемые причудливые поступки, экстравагантные выходки — все в совокупности сделало свое дело: юноша превратил эксцентричность поведения в стиль своей жизни. Вернувшись на Родину, он «зная выгоды человека, образованного в чужих землях, <...> спешил поразить умы соотечественников разными странностями [Батманова: 54–57] и с удовольствием видел себя «истинным законодателем столицы» [Карамзин 1964: 732–733]. Автохарактеристики графа: «славный ветреник», «шалун», «модный прелестник», «почтенный мот» «повеса», указывают на его основное «поле деятельности», где «главный предмет» — женщины. Опыт «философической» трактовки «нового слова» — *влюбленность*, привела графа к шутивому умозаключению: «с нею (влюбленностью — Л. Л.) молодые люди наипрекраснейшим образом занимают пустоту жизни» [Карамзин 1964: 733]. Он в совершенстве овладел «влюбленностью» — искусством нравиться, притворяться, обманывать простодушных, глупых, легковверных женщин и мастерски интриговать; он намеренно провоцирует унижительные, оскорбительные ситуации, которым нет оправдания. Его любовные увлечения остаются бесконечными попытками заполнить пустоту жизни. В результате граф перессорил многих приятельниц между собою, развел нескольких жен с мужьями, откровенно презирая их чувства и заботясь только о том, чтобы все его «соблазнительные истории» становились как можно быстрее достоянием публики, эпатировали окружающих и, таким образом, прославляли его эксцентричность. При этом герой

признается: «В голове моей не было никакой ясной идеи, а в сердце — никакого сильного чувства, кроме скуки. Весь свет казался мне беспорядочною игрою китайских теней, все правила — уздою слабых умов, все должности — несносным принуждением» [Карамзин 1964: 732]. Это признание героя Карамзина указывает на его отличие от исповедального героя Руссо. Французский писатель отверг рациональность и выдвинул на первый план чувство, чувствительность, сострадание. Карамзинский повествователь — человек «с холодной душой», без ясной идеи, без сильного чувства — апатичный, равнодушный, бесстрастный. Он именуется философом только потому, что «сносил все равнодушно» и «твердил любимое слово свое: “Китайские тени! Китайские тени!”» [Карамзин 1964: 736]. Для него окружающий мир подобен китайскому театру теней — своего рода игра, где он управляет судьбами людей, не вникая в их чувства, мысли, страдания. Придумывая для своих протагонистов сюжетные хитросплетения, изощренные, зачастую неожиданные ходы, он провоцирует всевозможные казусы, неприятности и беды. Предательство, подлость, беспринципность ради достижения личных, по сути своей совершенно эфемерных, целей никогда не останавливают его. Жена графа — Эмилия, которую он довел до трагической кончины, по его словам, «при смерти своей говорила мне такие вещи, от которых волосы мои стали бы дыбом, если бы, к несчастью, была во мне хотя искра совести; но я слушал холодно и заснул спокойно» [Карамзин 1964: 738–739]. В данной ситуации, как и в любых иных, герою важен только он сам, его мысли и желания; окружающие люди интересуют его или как возможность для доминирования, или как средство для выражения самовлюбленности. Безучастно и невозмутимо озирая свою жизнь, граф не отрекается от былого: «Если бы я мог вернуть прошедшее, то думаю, что повторил бы снова все дела свои: захотел бы опять укусить ногу папе, распутствовать в Париже, пить в Лондоне, играть любовные комедии на театре и в свете, промотать имение и увезти жену свою от второго мужа» [Карамзин 1964: 738]. Все повествование графа — глумливое, ироническое — намеренно демонстрирует полное пренебрежение к существующим ценностям (семья, дружба, уважение, любовь, сострадание) и презрение к существующим нормам поведения. Ни сожалений по поводу своих бесчестных поступков, ни чувства вины за последствия граф не ис-

пытывает: «ни одной минуты в жизни <...> не омрачил горестным раскаянием» [Карамзин 1964: 739].

Вместе с тем герой, как следует из заключительного фрагмента исповеди, прекрасно различает добро и зло. Он способен вполне трезво рассмотреть и оценить пройденный им жизненный путь глазами «другого», причем с гражданской позиции: «Правда, что некоторые люди смотрят на меня с презрением и говорят, что я остыл род свой, что знатная фамилия есть обязанность быть полезным человеком в государстве и добродетельным гражданином в отечестве» [Карамзин 1964: 738]. Карамзин, как считает Л. И. Сигида, таким образом «устанавливает причинные связи между общественной средой (светом) и человеком» [Сигида 1992: 173]. Изначально заявленный цинизм — принцип, с которым герой-повествователь не желает расставаться, проявляется в намеренном принижении и упрощении интерпретации собственных мотивов и норм поведения. Он видит, что «<...> многие из наших любезных соотечественников стараются подражать мне, живут без цели, женятся без любви, разводятся для забавы и разоряются для ужинов!» [Карамзин 1964: 739]. В данном контексте граф выступает уже не как «особенная» личность, а скорее, как одна из многих — типическая, обычная, обыденная. Да и жизненное положение его к моменту написания исповеди незавидное: потеряв семью, состояние, имя, он превратился в ростовщика. Но и в такой ситуации герой романтизирует себя, акцентируя свое «эго»: «Нет, нет! Я совершил свое предопределение и, подобно страннику, который, стоя на высоте, с удовольствием обнимает взором пройденные им места, радостно вспоминаю, что было со мною, и говорю себе: так я жил!» [Карамзин 1964: 738]. Концовка как бы выводит героя на уровень фаталистического мирозерцания с его всеобщей предопределенностью и невозможностью усилием воли что-то изменить в своей судьбе, но идея предопределения никак не связана с доктриной спасения.

Граф, как вытекает из его исповеди, нарушил многие христианские заповеди: он не почитал своих родителей, довел до смерти сначала мать, затем и жену, в угоду своим прихотям пустил по ветру собственное состояние и с удовольствием разорял других, постоянно лгал, прелюбодействовал, домогался чужих жен, и т. п. Его исповедальные признания «не имеют никакой нравственной цели», он не способен ни к «горестному раскаянию», ни тем более к преображению себя и вос-

становлению в себе человека духовного. Свою жизнь он посвятил разрушению. Единственное, что ему удалось создать, как то следует из его «исповеди» — это сотворить себе кумира из себя самого, стать неким идолом, который постоянно изыскивает самые низменные поводы, чтобы потешить самолюбие, тщеславие, гордыню. Т. А. Алпатова справедливо заметила: «слово карамзинского героя-повествователя становится своеобразной псевдоисповедью <...> существование его бессмысленно, он обретает в самом себе лишь своеволие и весь поглощён эмпирикой собственной жизни» [Алпатова 2012: 444]. Позиция самого Карамзина, по мнению О. М. Гончаровой, заключается в «аннигилировании мелочно-бытовых излишаний героя, не соответствующих истинному бытию и осуществлению подлинной человеческой личности» [Гончарова 2018: 51–52]. Думается, в замысле своем карамзинская «исповедь», действительно, изначально «призвана была дискредитировать руссоистское понимание внутренней ценности человеческого я. Провокативная откровенность Руссо, становясь главной интенцией героя повести, размывает границы правды и лжи, подлинной человечности и эгоистической претенциозности» [Гончарова 2019: 146].

* * *

Можно предположить, что содержание этой повести обусловлено в определенной степени и биографическим контекстом. В 1802 г. писатель пережил невосполнимую потерю: 4 апреля от послеродовой горячки умерла его жена — Елизавета Ивановна Протасова, с которой он был счастлив; любил ее, по признанию, «во сто раз более самого себя» [Погодин: 383]. Мучительным страданиям не было предела. Карамзин чувствовал себя, по признанию, «как сумасшедший», а между тем он должен был много работать: писать, переводить, подбирать материалы для нового журнала «Вестник Европы». Со стороны казалось, что в «трудах не приметно было влияние его горести» [Погодин: 383]. И только в письмах к брату писатель раскрывал истинное состояние своей души: «Уже более трех недель я тоскую и плачу <...> Остается в горести ожидать смерти, в надежде, что она соединит два сердца, которые обожали друг друга» [Погодин: 385]. Биографический контекст (мучительная болезнь любимой женщины, ее преждевременная смерть, состояние безысходного горя и отчаяния), обострив художническую восприимчивость писателя, составил поразительный контраст содержанию повести.

Карамзинская «Моя исповедь», несомненно, по-своему повлияла на становление и развитие русской исповеди. В XIX в. русские авторы — независимо от социальных, политических, философских, этических, эстетических и прочих установок; сентименталисты, романтики, реалисты, — обращаются к исповеди как в художественном, так и документально-автобиографическом творчестве¹. Ф. М. Достоевский констатирует: «Все осматриваются и обмеривают друг друга любопытными взглядами. Наступает какая-то всеобщая исповедь. Люди рассказываются, выписываются, анализируют самих же себя перед светом, часто с болью и муками. Тысячи новых точек зрения открываются уже таким людям, которые никогда и не подозревали иметь на что-нибудь свою точку зрения» [Достоевский: 24]. Исповедальность, как зафиксировал писатель, становится одной из важнейших тенденцией литературы XIX в. На первый план выдвинулись потребности личности в глубоком самопознании, желание «открыться» миру во всей своей человеческой «целокупности» и утвердить таким образом право на свое мнение через рефлекссию, анализ и самооценку.

Список литературы

Алпатова Т. А. Проза Н. М. Карамзина: поэтика повествования. М.: МГОУ, 2012. 560 с.

Алпатова Т. А. Ж.-Ж. Руссо и руссоизм в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica 6. Łódź: UŁ, 2013. С. 9–21.

[Б. а.] Об учтивости и хорошем тоне: (Из фран. жур.) / [Пер. Н. М. Карамзина] // Вестник Европы. 1803. Ч. 9. № 9. С. 24–30.

Батманова К. И. «Странный человек» в повести Н. М. Карамзина «Моя исповедь» // Litteraterra. Материалы IV Международной конференции молодых ученых / ред. И. А. Семухина. Екатеринбург: Изд. Уральск. гос. пед. ун-та, 2015. С. 54–57.

Ваховская А. М. Исповедь // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. С. 320–321.

Волкова Т. Н. Исповедь // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / гл. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд. Кулагиной Intrada, 2008. С. 85–86.

Глухов В. И. «Моя исповедь» Карамзина в творческом сознании Достоевского // Карамзинский сборник. Национальные традиции и европеизм в русской культуре / отв. ред. С. М. Шаврыгин. Ульяновск: УлГПУ, 1999. С. 50–62.

¹ См. об этом подробнее: [Луцевич, 2012а.: 858–864; Луцевич, 2012b.: 19–30; Луцевич, 2018а: 157–167; Луцевич 2018b: 113–114].

Гончарова О. М. Философские и литературные контексты повести Н. М. Карамзина «Моя исповедь» // Культура и текст. 2018. № 2(33). С. 37–56.

Гончарова О. М. Карамзин и Руссо (о повести «Моя исповедь») // Slavica Tergestina. 2019 (II). Vol. 23. С. 130–150.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1979. Т. 2. 779 с.

Достоевский Ф. М. Петербургская летопись // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1988. Т. 2. 592 с.

Дьяченко Г. М. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М.: Изд. Московского Патриархата, 1993. 1120 с.

Живов В. М. Чувствительный национализм. Карамзин, Растопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 114–140.

Златопольская А. А. Идеи «женевского гражданина» и Россия. Полтора века воздействия и осмысления (1752–1917) // Ж.-Ж. Руссо. Pro et contra. Идеи Ж.-Ж. Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей / сост. А. А. Златопольская. СПб: Изд. РХГА, 2005. С. 7–54.

Зорин А. Л. Ж.-Ж. Руссо и национальная утопия «старших» архаистов // Новое литературное обозрение. 1996. № 20. С. 56–63.

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.

Канунова Ф. З. Эволюция сентиментализма Карамзина («Моя исповедь») // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию члена корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. М.; Л.: Наука, 1966. С. 286–290.

Карамзин Н. М. Моя исповедь. Письмо к издателю журнала // Карамзин Н. М. Избр. соч.: в 2 т. / подг. текста и примеч. П. Н. Беркова. М.; Л.: Худ. лит., 1964. Т. 1. С. 729–739.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 717 с.

Кочеткова Н. Д. «Исповедь» в русской литературе конца XVIII века // На путях к романтизму: сб. науч. трудов / отв. ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Наука, 1984. С. 71–99.

Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания) / отв. ред. А. М. Панченко. СПб.: Наука, 1994. 280 с.

Краснощечкова Е. А. Bildungroman на русской почве («Рыцарь нашего времени» Н. М. Карамзина) // Русская литература. 2002. № 1. С. 3–21.

Кудреватых А. Н. Эволюция психологизма в прозе Н. М. Карамзина: учебное пособие для студентов Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2015. 164 с.

Кудреватых А. Н. Рефлексирующий герой в «Моей Исповеди» Н. М. Карамзина // Литература как форма социальной и индивидуальной рефлексии: материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции словесников «Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе — Лейдермановские чтения». Екатеринбург, 1–2 апреля 2016 г. Екатеринбург: УрГПУ, 2016. С. 24–29.

Купреянова Е. Н. Русский роман первой половины XIX в. От sentimentalной повести к роману // История русского романа: в 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. I. С. 66–85.

Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века // Лотман Ю. М. Избр. ст.: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. II. С. 40–99.

Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789—1803) // Н. М. Карамзин: pro et contra / сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. СПб.: Изд.: РХГА, 2006. С. 749–787.

Луцевич Л. Ф. Разновидности русской писательской исповеди // Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet / Red. nauk. L. Szpilewicz. Warszawa: IR UW, 2012a. S. 858–864.

Луцевич Л. Ф. Писательская исповедь: к вопросу о типологии // Autobiografie pisarzy rosyjskich. Studia Rossica XXI / Red. nauk. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz. Warszawa: IR UW, 2012b. S. 19–30.

Луцевич Л. Ф. Русская авторская исповедь XIX в., w: Z Polskich Studiów Slawistycznych, seria 13, t. 1, Literaturoznawstwo. Kulturoznawstwo. Folklorystyka, Prace na XVI Międzynarodowy Kongres Slawistów w Belgradzie 2018 / Red. B. Zieliński. Poznań: Polska Akad. Nauk, 2018a. S. 157–167.

Луцевич Л. Ф. Исповедь как литературный жанр в России XIX века, в: XVI Međunarodni kongres slavista (Beograd 20–27 VIII 2018). Teze i Rezimeji u dva toma, t. 2: Književnost, kultura, folklor. Pitannya slavistike / Red. B. Suvajđić, Beograd 2018 b. С. 113–114.

Луцевич Л. Ф. Чистосердечные признания XVIII века // Текст и традиция: Альманах 7 / ред. Е. Водолазкин. СПб.: ИРЛИ РАН, Росток, 2019. С. 20–43.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. / ред. Н. Ю. Шведова. М.: Советская энциклопедия, 1972. 846 с.

Песков А. М., Турбин В. Н. Исповедь // Лермонтовская энциклопедия; гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энцикл., 1981. С. 201.

Орлов П. А. Русский сентиментализм. М.: Изд. МГУ, 1977. 270 с.

Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: в 2 ч. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1866. Ч. 1. 399 с.

Прокудин Б. А. И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой как продолжатели социально-политических идей Ж.-Ж. Руссо // Политическая наука. 2017. № 1 (21). С. 213–231.

Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / пер. с франц. М. А. Энгельгардта. СПб.: Тип. «Север», 1912. 489 с.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. А. Д. Хаютин. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 416 с.

Сигида Л. И. Эволюция жанра повести Н. М. Карамзина: дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 247 с.

Сигида Л. И. Об истоках разочарования и скепсиса героев Карамзина // XVIII век: искусство жить и жизнь искусства: [сб. науч. работ] / отв. ред. Н. Т. Пахарьян. М.: Экон-информ, 2004. С. 327–344.

Советский энциклопедический словарь / ул. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1987. 1600 с.

Уваров М. С. Архитектоника исповедального слова. СПб.: Алетейя, 1998. 245 с.

Шмелева Т. В. Исповедь // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / год ред. Л. Ю. Иванова и др. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 229–230.

Шмедтке К. Субъективность как фикция. Проблема авторского дискурса в “Письмах русского путешественника” Н. М. Карамзина // Логос. 2001. № 3. С. 143–151.

Głowiński M. Wyznania // Słownik terminów literackich / Red. J. Sławiński, M. Głowiński, T. Kostkiewiczowa. Wrocław: Ossolineum, 1988. S. 581.

Gorbatov I. Formation du Concept de Sentimentalisme Dans la Littérature Russe: l'Influence de J.J. Rousseau Sur l'oeuvre de N.M. Karamzine. New York, Bern, Frankfurt/M., Paris, 1991. 264 p.

Krassowski M. Wyznanie // Leksykon terminów literackich / Oprac. M. Krassowski. Warszawa: Twój Styl, 1996. S. 239.

References

Alpatova T. A. *Proza N. M. Karamzina: poetika povestvovanija* [Prose N. M. Karamzin: narrative poetics]. Moscow, MGOU Publ., 2012, 560 p. (In Russ.)

Alpatova T. A. *Zh.-Zh. Russo i russoizm v "Pis'mah russkogo puteshestvennika" H. M. Karamzina* [J.-J. Russo and Russoism in the “Letters of a Russian Traveler” by H. M. Karamzin]. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica 6. Łódź, UŁ, 2013, pp. 9–21. (In Russ.)

[B. a.] *Ob uchtivosti i horoshem tone: (Iz fran. zhur.), transl. by N. M. Karamzin*. [About courtesy and good manners] *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1803, vol. 9, № 9, pp. 24–30. (In Russ.)

Batmanova K. I. “*Strannyj chelovek*” v povesti N.M. Karamzina “*Moja ispoved*” [“A Strange Man” in the novel by N.M. Karamzin’s “My Confession”]. Litteraterra. Materialy IV Mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh, red. I. A. Semuhina. Ekaterinburg, Ural'sk. gos. ped. un-t Publ., 2015, pp. 54–57. (In Russ.)

Vahovskaja A. M. *Ispoved'* [Confession]. *Literaturnaja enciklopedija terminov i ponjatij* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts], gl. red. A. N. Nikoljukin. Moscow, Intelvak Publ., 2001, pp. 320–321. (In Russ.)

Volkova T. N. *Ispoved'* [Confession]. *Poetika: Slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij* [Poetics: Dictionary of relevant terms and concepts], gl. red. N. D. Tamarchenko. Moscow, Kulaginoy Intrada Publ., 2008, pp. 85–86. (In Russ.)

Gluhov V. I. “*Moja ispoved*” Karamzina v tvorcheskom soznanii Dostoevskogo [“My Confession” Karamzin in the creative mind of Dostoevsky]. *Karamzinskij sbornik. Nacional'nye tradicii i evropeizm v russkoj kul'ture* [Karamzinsky collection. National traditions and Europeanism in Russian culture], otv. red. S. M. Shavrygin. Ul'janovsk, UIGPU Publ., 1999, pp. 50–62. (In Russ.)

Goncharova O. M. *Filosofskie i literaturnye konteksty povesti N. M. Karamzina “Moja ispoved”* [Philosophical and literary contexts of the story N. M. Karamzin’s “My Confession”]. *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 2018, № 2 (33), pp. 37–56. (In Russ.)

Goncharova O. M. *Karamzin i Russo (o povesti “Moja ispoved”)* [Karamzin and Russo (about the story “My Confession”)]. *Slavica Tergestina*. Vol. 23, 2019 (II), pp. 130–150. (In Russ.)

Daľ V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v IV t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in IV vols.] Moscow, Rus. Jazyk Publ., 1979, T. II, 779 p. (In Russ.)

Dostoevskij F. M. *Peterburgskaja letopis'* [Petersburg annals]. Dostoevskij F. M. *Sobr. coh.: v 15 t.* [Collected works in 15 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, Vol. 2, 592 p. (In Russ.)

D'jachenko G. M. *Polnyj cerkovno-slavjanskij slovar' (s vneseniem v nego vazhnejših drevnerusskih slov i vyrazhenij)* [Complete Church Slavonic Dictionary (with the introduction of the most important Old Russian words and expressions)]. Moscow, Mosk. Patriarh. Publ., 1993, 1120 p. (In Russ.)

Zhivov V. M. *Chuvstvitel'nyj nacionalizm. Karamzin, Rastopchin, nacional'nyj suverenitet i poiski nacional'noj identičnosti* [Sensitive nationalism. Karamzin, Rastopchin, national sovereignty and the search for national identity]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 2008, № 91, pp. 114–140. (In Russ.)

Zlatopol'skaja A. A. *Idei "zhenevskogo grazhdanina" i Rossija. Poltora veka vozdejstvija i osmyslenija (1752–1917)* [Ideas of the "Geneva Citizen" and Russia. A century and a half of exposure and reflection (1752–1917)]. *Zh.-Zh. Russo. Pro et contra. Idei Zh.-Zh. Russo v vosprijatii i ocenke russkih myslitelej i issledovatelej* [J.-J. Russo. Pro et contra. Ideas J.-J. Russo in the perception and appreciation of Russian thinkers and researchers], sost. A. A. Zlatopol'skaja. SPb., RHGA Publ, 2005, pp. 7–54. (In Russ.)

Zorin A. L. *Zh.-Zh. Russo i nacional'naja utopija "starših" arhaistov* [Russo and the national utopia of the "senior" archaists]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1996, № 20, pp. 56–63. (In Russ.)

Zorin A. L. *Kormija dvuglavogo orla... Russkaja literatura i gosudarstvennaja ideologija v poslednej treti XVIII — pervoj treti XIX veka* [Feeding the double-headed eagle ... Russian literature and state ideology in the last third of the XVIII — the first third of the XIX century]. Moscow, NLO Publ., 2001, 416 p. (In Russ.)

Kanunova F. Z. *Evoljucija sentimentalizma Karamzina ("Moja ispoved'")* [The evolution of sentimentalism of Karamzin ("My Confession")]. *Roľ i značenie literatury XVIII veka v istorii russkoj kul'tury*. [The role and significance of 18th century literature in the history of Russian culture], k 70-letiju členu korrespondenta AN SSSR P. N. Berkova. [XVIII vek. Sb. 7]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 286–290. (In Russ.)

Karamzin N. M. *Moja ispoved'. Piš'mo k izdatelju zhurnala* [My confession. Letter to the magazine publisher]. *Karamzin N. M. Izbr. coh.: v 2 t.* [Selected works in 2 vols.], podg. teksta i primech. P. N. Berkova. Moscow; Leningrad, Khud. lit. Publ., 1964, Vol. 1, pp. 729–739. (In Russ.)

Karamzin N. M. *Piš'ma russkogo puteshestvennika* [Letters from a Russian traveler], izd. podgot. Ju. M. Lotman, N. A. Marchenko, B. A. Uspenskij. Leningrad, Nauka Publ., 1987, 717 p. (In Russ.)

Kochetkova N. D. *"Ispoved'" v russkoj literature konca XVIII veka* ["Confession" in Russian literature of the end of the XVIII century]. *Na putjah k romantizmu* [On the paths to romanticism], sb. nauch. Trudov, otv. red. F. Ja. Prijma. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 71–99. (In Russ.)

Kochetkova N. D. *Literatura russkogo sentimentalizma (Estetičeskie i hudožestvennyje iskanija)* [Literature of Russian sentimentalism (Aesthetic and artistic searches)], otv. red. A. M. Panchenko. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, 280 p. (In Russ.)

Krasnoshheikova E. A. *Bildungroman na russkoj pochve* ("Rycar' nashego vremeni" N. M. Karamzina) [Bildungroman on Russian soil ("Knight of our time" N. M. Karamzin)]. Russkaja literature [Russian literature], 2002, № 1, pp. 3–21. (In Russ.)

Kudrevatyh A. N. Evoljucija psihologizma v proze N. M. Karamzina [The evolution of psychologism in the prose of N. M. Karamzin], uchebnoe posobie dlja studentov Instituta filologii, kul'turologii i mezhkul'turnoj kommunikacii. Jekaterinburg, UrGPU Publ., 2015, 164 p. (In Russ.)

Kudrevatyh A. N. *Refleksirujushhij geroj v "Moej Ispovedi" N. M. Karamzina* [The reflecting hero in My Confession N. M. Karamzin]. *Literatura kak forma social'noj i individual'noj refleksii* [Literature as a form of social and individual reflection], materialy HHH Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii slovesnikov "Aktual'nye problemy izučeniya i prepodavanija literatury v vuze i shkole - Lejdermanovskie čtenija". Ekaterinburg: UrGPU Publ., 2016, pp. 24–29. (In Russ.)

Kuprejanova E. N. *Russkij roman pervoj poloviny XIX v. Ot sentimental'noj povesti k romanu* [Russian novel of the first half of the XIX century. From a sentimental novel to a novel]. *Istorija russkogo romana: v 2 t.* [History of the Russian novel: in 2 volumes] Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1962, Vol. 1, pp. 66–85. (In Russ.)

Lotman Ju. M. *Russo i russkaja kul'tura XVIII — nachala XIX veka* [Russo and Russian culture of the 18th — early 19th centuries]. Lotman Ju. M. Izbr. st.: v 3 t. [Selected articles in 3 vols]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, Vol. 2, pp. 40–99. (In Russ.)

Lotman Ju. M. *Evoljucija mirovozzrenija Karamzina (1789—1803)* [The evolution of the worldview of Karamzin (1789–1803)]. *N. M. Karamzin: pro et contra* [N. M. Karamzin: pro et contra], sost., vstup. st. L. A. Sapchenko. St. Petersburg, RHGA Publ., 2006, pp. 749–787. (In Russ.)

Lucevich L. F. *Raznovidnosti russkoj pisatel'skoj ispovedi* [Varieties of Russian Writing Confession]. Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet, red. L. Szypielewicz. Warszawa, IR UW Publ., 2012a, pp. 858–864. (In Russ.)

Lucevich L. F. *Pisatel'skaja ispoved': k voprosu o tipologii* [Writing Confession: On the Question of Typology]. Autobiografie pisarzy rosyjskich. *Studia Rossica XXI*, red. nauk. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz. Warszawa: IR UW Publ., 2012b, pp. 19–30. (In Russ.)

Lucevich L. F. *Russkaja avtorskaja ispoved' XIX v.* [Russian author's confession of the XIX century]. *Z Polskich Studiów Slawistycznych, seria 13, t. 1. Literaturoznawstwo. Kulturoznawstwo. Folklorystyka, prace na XVI Międzynarodowy Kongres Slawistów w Belgradzie 2018*, red. B. Zieliński. Poznań, Polska Akad. Nauk Publ., 2018a, pp. 157–167. (In Russ.)

Lucevich L. F. *Ispoved' kak literaturnyj zhanr v Rossii XIX veka* [Confession as a literary genre in Russia of the 19th century]. XVI Međunarodni kongres slavista (Beograd 20-27 VIII 2018). *Teze i Rezime i u dva toma, t. 2: Kn'izhevnost, kultura, folklor. Pitan'ja slavistike*, red. B. Suvajdžić, Beograd, 2018b., pp. 113–114. (In Russ.)

Lucevich L. F. *Chistoserdechnye priznanija XVIII veka* [Sincere Confessions of the 18th Century]. *Tekst i tradicija* [Text and Tradition], al'manah 7, red. E. Vodolazkin. St. Petersburg, IRLI RAN Publ., 2019, pp. 20–43. (In Russ.)

Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language], red. N. Ju. Shvedova. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1972, 846 p. (In Russ.)

Orlov P. A. *Russkij sentimentalism* [Russian sentimentalism]. Moscow, MGU Publ., 1977, 270 p. (In Russ.)

Peskov A. M., Turbin V. N. *Ispoved'* [Confession]. *Lermontovskaja enciklopedija* [Lermontov Encyclopedia], gl. red. V. A. Manujlov. Moscow, Sov. encikl. Publ., 1981, pp. 201. (In Russ.)

Pogodin M. P. *Nikolaj Mihajlovich Karamzin, po ego sochinenijam, pis'mam i otzyvam sovremennikov: v 2 ch.* [Nikolai Mikhailovich Karamzin, in his writings, letters and reviews of his contemporaries: in 2 parts]. Moscow, tip. A. I. Mamontova, 1866, P. 1, 399 p. (In Russ.)

Prokudin B. A. I. S. *Turgenev i L. N. Tolstoj kak prodolzhateli social'no-politicheskikh idej Zh.-Zh.* Russo [I. S. Turgenev and L. N. Tolstoy as continuers of socio-political ideas J.-J. Russo]. *Politicheskaja Nauka* [Political Science], 2017, № 1(21), pp. 213–231. (In Russ.)

Russo Zh.-Zh. *Emil', ili O vospitanii* [Emil, or On Education], per. s franc. M. A. Engel'gardta. St. Petersburg, Sever Publ., 1912, 489 p. (In Russ.)

Russo Zh.-Zh. *Ob obshhestvennom dogovore. Traktaty* [On the social contract. Treatises]. Moscow, KANON-press Publ., Kuchkovo pole Publ., 1998, 416 p. (In Russ.)

Sigida L. I. *Evoljucija zhanra povesti N. M. Karamzina* [The evolution of the novel genre N. M. Karamzin], dis... kand. filol. nauk. Moscow, 1992, 247 p. (In Russ.)

Sigida L. I. *Ob istokah razocharovanija i skepsisa geroev Karamzina* [On the origins of frustration and skepticism of the heroes of Karamzin]. *XVIII vek: iskusstvo zhit' i zhizn' iskusstva* [XVIII century: The art of living and the life of art.]. Moscow, Ekon-inform Publ., 2004, pp. 327–344. (In Russ.)

Sovetskij enciklopedicheskij slovar' [Soviet Encyclopedic Dictionary] ed by A. M. Prohorov. Moscow, Sovetsk. encikl. Publ., 1987, 1600 p. (In Russ.)

Uvarov M. S. *Arhitektonika ispovedal'nogo slova* [Architectonics of confessional word]. St. Petersburg, Aletejja Publ, 1998, 245 p. (In Russ.)

Shmeleva T. V. *Ispoved'* [Confession]. *Kul'tura russoj rechi. Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik* [Culture of Russian Speech. Encyclopedic Dictionary], ed by L. Ju. Ivanova and ect. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2003, pp. 229–230. (In Russ.)

Shtedtke K. *Subjektivnost' kak fikcija. Problema avtorskogo diskursa v "Pis'mah russkogo putesthestvennika" N. M. Karamzina* [Subjectivity as a fiction. The problem of copyright discourse in "Letters of a Russian Traveler" by N. M. Karamzin]. *Logos*, 2001 (29), № 3, pp. 143–151. (In Russ.)

Głowiński M. *Wyznania. Słownik terminów literackich*, red. J. Sławiński, M. Głowiński, T. Kostkiewiczowa [Confessions. Dictionary of Literary Terms, ed by J. Sławiński, M. Głowiński, T. Kostkiewiczowa]. Wrocław, Ossolineum, 1988, 581 p. (In Pol.)

Gorbatov I. *Formation du Concept de Sentimentalisme Dans la Littérature Russe: l'Influence de J.J. Rousseau Sur l'oeuvre de N.M. Karamzine* [Formation of the Concept of Sentimentalism In Russian Literature: The Influence of J. J. Rousseau On the Work of N. M. Karamzine]. New York, Bern, Frankfurt/M., Paris, 1991, 264 p. (In French)

Krassowski M. *Wyznanie. Leksykon terminów literackich* [Confession. Lexicon of literary terms, ed]. Warszawa, Twój Styl, 1996, 239 p. (In Pol.)

© 2020. **И. А. Виноградов**
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Н. В. Гоголь и законы Российской Империи: к единству наследия писателя

Впервые анализируется единое для всех жанров и периодов творчества Гоголя направление его деятельности как писателя-сатирика — следование в критическом осмыслении действительности действующим законам Российской Империи и установлениям Церкви, определяющим в православной державе правительственные постановления. Подчеркивается, что зародившееся в школьные годы стремление Гоголя посвятить себя юстиции он пронес через всю жизнь. Свое творчество, а также наследие Гомера, Державина, Фонвизина, Грибоедова писатель рассматривал как воспитательные, «законодательные» для современников; каждое без исключения произведение создавал, по его собственным признаниям, в качестве поддержки «правдивых законов» государства и Церкви. В работе последовательно прослеживаются реминисценции с «Полным собранием законов Российской Империи» первого гоголевского цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», сборника «Миргород», «петербургских» повестей, «Ревизора», «Мертвых душ», комедии «Игроки» и др. Из правительственных указов, нашедших отражение в произведениях Гоголя, — законы о суевериях, о пьянстве, о винных откупах и корчемстве, постановления о недоимках, указы о «ревизии душ» и «ревизии дел», запретительные указы о взятках, ростовщичестве, роскоши, контрабанде, о распутстве, карточной игре и пр.

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, общественная идеология, закон, законодательство, законность, духовное наследие.

Информация об авторе: Виноградов Игорь Алексеевич, ORCID 0000-0002-9151-4554, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, 25 а, 121069 г. Москва, Россия

E-mail: info@imli.ru

Дата поступления: 12.03.2020

Дата публикации: 17.06.2020

Для цитирования: Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и законы Российской Империи: к единству наследия писателя // Два века русской классики. Т. 2. № 2. С. 66–133. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-66-133

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Igor' A. Vinogradov
A. M. Gorky institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Nikolai Gogol and the laws of the Russian Empire: on the unity of the writer's heritage

The direction of Nikolai Gogol's activity as a satire writer, which is one for all genres and periods of his creative work, — to follow, in a critical reflection of reality, the contemporary laws of the Russian Empire and the principles of the Church, government decisions that play the key role in an Orthodox power, — is analysed for the first time. It is stressed that Nikolai Gogol's desire to devote himself to justice, which was born in school years, he had carried through all his life. The writer considered to be upbringing, "legislative" one for contemporaries, his own creative work as well as the legacy of Homer, Gavrila Derzhavin, Denis Fonvizin, Alexander Griboyedov; he created every work without exception, according to his own confessions, as a support for the "truthful laws" of the state and the Church. Reminiscences with the "Full Collection of Laws of the Russian Empire" of the first cycle "Evenings on a Farm Near Dikanka" collection "Mirgorod", "St. Petersburg" stories, "The Government Inspector", "Dead Souls", comedy "The Gamblers" and other works by Nikolai Gogol are consistently traced in our work. Government decrees reflected in the works of Nikolai Gogol, include laws on superstition, on drinking, on wine kickbacks and on corchemism, orders on underperformance, decrees on "audit of souls" and "audit of cases", restraining decrees on bribes, usury, luxury, smuggling, debauchery, card game and all things.

Keywords: Nikolai Gogol, biography, creative work, social ideology, law, legislation, legality, spiritual heritage.

Information about the author: Igor' A. Vinogradov, ORCID 0000-0002-9151-4554, Doctor of Philology, Chief Investigator, A. M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia

E-mail: info@imli.ru

Received: March 12, 2020

Published: June 17, 2020

For citation: Vinogradov I. A. Nikolai Gogol and the laws of the Russian Empire: on the unity of the writer's heritage. Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 2, pp. 66–133. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-66-133

В 1827 г. Гоголь, будучи на последнем курсе Нежинской гимназии, писал родным: «Во сне и на яву мне грезится Петербург, с ним вместе и служба государству» [Гоголь 2009–2010. 10: 50]; «Я перебирал в уме все состояния, все должности в государстве и остановился на одном. На юстиции» [Гоголь 2009–2010. 10: 74].

Мысль о «службе государству» с пристальным вниманием к сфере юстиции Гоголь пронес через всю жизнь. Известные признания писателя на этот счет, часть которых будет приведена ниже, не являются плодом позднейших домыслов художника, стремления придать своим прежним сочинениям новую идеологическую основу; они в полной мере отвечают действительному смыслу ранних произведений Гоголя.

Ни в критике, ни в исследовательской литературе до сих пор не обращалось внимания на то, какое исключительное значение для становления Гоголя имел выход в свет знаменитого «Полного собрания законов Российской Империи». Роль в общественной жизни всей России этой обширной, занявшей более пятидесяти лет работы по кодификации законов, осуществлявшейся в XIX в. по инициативе Императора Николая I, переоценить трудно. «Работа по кодификации законов всеми воспринималась положительно» [Гузаиров: 55]. Но для Гоголя, еще со школьной скамьи решившего посвятить себя юстиции, ставившего целью воспитание современников, появление этого капитального труда приобрело особое значение: оно стало во многом определяющим для его творчества.

Первые пятьдесят три тома «Полного собрания законов Российской Империи» вышли в свет в 1830 г. — в один год сразу целое многотомное издание. С 1831 по 1852 г., т. е. до конца жизни Гоголя, было напечатано еще более пятидесяти томов, обнявших более чем двухсотлетний период российского законодательства. Подразумевая это издание, в котором были собраны российские законы начиная с середины XVII в., Гоголь в одном из «Четырех писем к разным лицам по

поводу «Мертвых душ» писал: «Вот уже почти полтора ста лет протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза... <...> ... Правительство во все время действовало без устани. Свидетельством тому *целые томы* постановлений, узаконений...» [Гоголь 2009–2010. 6: 78] (курсив здесь и далее мой. — И. В.). По смыслу эти строки почти совпадают со словами Императора Александра I из Манифеста об учреждении Государственного Совета 1810 г.: «Усилия, кои со времен Петра Великого употребляемы были к дополнению и пояснению Гражданского нашего Права, доказывают, что тогда уже чувствовали всю важность и настоятельную нужду его исправления»¹.

В одной из университетских лекций по истории Средних веков 1834 г. Гоголь подчеркивал чрезвычайную роль в мировой истории явления, аналогичного изданию «Полного собрания законов Российской Империи». Говоря об образовании в VI в. трех важнейших составляющих древнего римского права — Дигест, Кодекса и Институций, Гоголь обращал внимание на такое же, как в деятельности императора Николая I, предприятие св. правоверного императора Юстиниана — «императора-законодателя», как определял его Гоголь: «Вступивши на престол, он велел собрать воедино все законы и постановления прежних августов. Квестор Трибониан с помощью других юрисконсультов составил в продолжение нескольких лет: кодекс, собрание постановлений всех императоров (528 <г.>), институции, сокращение римских законов для преподавания в школах (533), пандекты или дигесты (50 кн<иг>), вмещавшие все прежние собрания законов...» [Гоголь 2009–2010. 8: 169]².

Гоголевская аналогия с «Полным собранием законов Российской Империи» — «повелением Государя Императора Николая Павловича составленным» (ПСЗРИ I. Т. 1: Титульный лист) — очевидна. В статье «История средних времен» Гоголь также замечал: «Российская Держава <...> особенно <...> сделалась славной при Владимире Св<ятом>, который ввел Христианскую Веру и Науки, а сын его Ярослав смягчил

¹ 24.064. — 1810. Генваря 1. Образование Государственного Совета // Полн. собр. законов Российской Империи. Собрание первое. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 31: 1810–1811. С. 4 (Далее ссылки на это издание даются в тексте с использованием сокращения ПСЗРИ 1).

² «Век Юстиниана Великого, столь важный для Гражданского Законодательства, не менее важным был и для Церковного» [Розенкамф: 33].

грубые народные нравы законами, которые потом еще распространены и изъяснены были Изяславом Ярославовичем» [Гоголь 2009–2010. 8: 111]. (Среди выписок Гоголя по русской истории, сделанных в первой половине 1830-х гг., — «Правда Ярославля», «Правда Изяслава» [Гоголь 2009–2010. 8: 37–40]).

Продолжая свои размышления о законодательной деятельности правительства, Гоголь в упомянутом письме о «Мертвых душах» заключал: «А как было на это все ответствовано снизу? Дело ведь в примененье... <...> Указ, как бы он обдуман и определен ни был, есть не более как бланковый лист, если не будет снизу такого же чистого желанья применить его к делу... <...> Без того все обратится во зло. Доказательство тому все наши тонкие плуты и взяточники, которые умеют обойти всякий указ...» [Гоголь 2009–2010. 6: 79].

Оценивая все свое творчество, а также наследие Гомера, Державина, Фонвизина, Грибоедова как воспитательное, «законодательное» для современников (см. ниже), Гоголь заключал: «...Это мое сочиненье, <...> которому название “Мертвые души”, — произвело ли оно то впечатление, какое должно было произвести... <...> ...Собственных мыслей <...> я не сумел передать и <...> подал повод к истолкованию их в превратную и <...> вредную <...> сторону» [Гоголь 2009–2010. 6: 79].

Принято считать — вполне привычно и небезосновательно, что Гоголь — это прежде всего писатель-сатирик, обличитель нравов. Однако до сих пор в науке отсутствует внятное представление о том, *что* же, в конце концов, обличает Гоголь. Парадоксально, но именно эта сфера, которая в первую очередь должна была изучаться, осталась до настоящего времени белым пятном. Еще Ю. Н. Говоруха-Отрок указывал: «Далеко ли мы ушли в понимании его созданий?.. Со времен Белинского мы только и пришли к тому, что отделяемся от Гоголя ходячими фразами...» [Говоруха-Отрок: 760–761].

На государствообразующий пафос обличений писателя указывали лишь единицы: это, кроме самого Гоголя, двое его современников и друзей — князь П. А. Вяземский [Вяземский: 309] и С. П. Шевырев (самый значимый, по оценке Гоголя, из русских критиков) [Шевырев 1842: 227–228; Шевырев 1843: 285; Шевырев 1884: 238]. Позднее об этом писали известный ученый-филолог Н. А. Котляревский [Котляревский: 285, 313–315, 333], философ И. А. Ильин [Ильин: 268–269]. Подлинный пафос гоголевских обличений вполне оценил в 1836 г. сам Государь

Николай I, разрешивший «Ревизора» к постановке и печатанию [Виноградов 2017–2018. 2: 492–494]. Цель у Гоголя и у Государя — продолжателя дела Петра I, занятого искоренением недостатков среди подданных, издателя «Полного собрания законов Российской Империи», лица, у кого проблемы России по самому роду занятий лежали перед глазами, — оказалась общей. Однако широкой публикой усилия Гоголя-сатирика остались до конца не понятыми. Уже в XIX в. российское общество развивалось по преимуществу в отрицательном, разрушительном для российской государственности направлении, главным образом под знаком декабризма, — а не по началам Православия, Самодержавия, Народности, как к тому призывало современников правительство.

Ныне назрела необходимость даже самые легкие и — на первый взгляд — только шуточные «Вечера на хуторе близ Диканьки», которые и сам Гоголь, разочарованный непониманием современников, называл «первоначальными ученическими опытами, недостойными строгого внимания читателя» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 80], прочесть серьезно, учитывая мировоззрение писателя, его опору на правительственную идеологию и законы Российской Империи. Необходимо увидеть эти повести так, как, к примеру, прочла их мать Гоголя, подметившая, что своими произведениями ее сын стремится принести пользу родному краю. Получив первую часть «Вечеров...», Мария Ивановна писала родственнице: «Николай мой все стремится быть полезным для родного края, и я несколько понимаю его цель; в сей книге он коснулся ее; но в продолжении более будет...» [Виноградов 2017–2018. 2: 135]. По-видимому, именно с этим стремлением Гоголя связано обилие перекличек содержания его ранних повестей с «Полным собранием законов Российской Империи».

Судя по всему, именно Гоголю принадлежит публикация в период создания «Вечеров...» еще одного довольно важного, сравнительно с изданием «Полного собрания законов Российской Империи», компилятивного труда по законотворческой деятельности. Как бы в дополнение к труду М. М. Сперанского в том же 1830 г. в июньском номере журнала П. П. Свиньина «Отечественные Записки» Гоголь напечатал целый свод законодательных актов о Малороссии [О прежних правах...]. Опубликованная тогда Гоголем статья представляет собой фрагмент «экстракта», составленного в 1751 г. Генеральной Войсковой

канцелярией гетмана графа К. Г. Разумовского. Публикация состоит из отрывков многочисленных грамот, свидетельствующих о подтверждении русскими царями «прав и вольностей» малороссиян¹, а также примеров наград и почестей, воздаваемых малороссийским гетманам со стороны русских царей. В статье приводились данные о десятикратном, на протяжении столетия (с 1654 по 1751 г.), подтверждении малороссийских привилегий.

Со статьей «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссии» прямо перекликается свидетельство земляка Гоголя, миргородского помещика В. Я. Ломиковского в письме к приятелю, И. Р. Мартосу, от 9 января 1830 г. Скорее всего, со слов матери писателя, Ломиковский сообщал об одном из «великих намерений и <...> общепользных предприятий» ее сына, а именно о стремлении Гоголя «исходатайствовать Малороссии увольнение от всех податей» [Виноградов 2017–2018. 2: 26]. Ломиковский передавал слова Марии Ивановны с явной иронией и преувеличением. Однако это не умаляет искренних намерений Гоголя «быть полезным для родного края». «Пользу» «для родного края» бывший министр, предводитель полтавского дворянства Д. П. Трощинский, родственник Гоголей, тоже понимал в том, чтобы частично уменьшить подати, которыми облагались в 1812 г. полтавские обыватели для содержания 6500 лошадей конного земского ополчения, — или же ходатайствовать в том же знаменательном году о замене отправки сухарей для армии, находившейся в Польше, денежным пожертвованием. Современница вспоминала: «...Он с живым участием спешил помочь несчастному народу, который рисковал потерять в этой дальней дороге волов — единственное свое достояние и средство к жизни» [Виноградов 2017–2018. 1: 228].

¹ См.: [Виноградов 2017–2018. 1: 45, 101–102, 128–131, 135, 153–154]. — См. аналогичные документы: Речь «О поправлении состояния» Малороссии <1750-е гг.> // Киевская Старина. 1882. № 10. С. 119–125; Прощение малороссийского шляхетства и старшин, вместе с гетманом <К. Г. Разумовским>, о восстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II-й в 1764 г. // Киевская Старина. 1883. № 6. С. 317–345. — В ответ на последнее прошение Екатерина II отстранила К. Г. Разумовского от его должности (ранее, в феврале 1750 г., Разумовский был избран гетманом Левобережной Украины) и передала управление Украиной второй Малороссийской коллегии.

С ходатайствами земляка Трощинского об уменьшении податей прямо перекликается в одной из повестей «Вечеров...», в «Майской ночи...», трехкратное упоминание об обязанностях сельского головы по сбору недоимок с двукратным указанием чрезвычайно сурового способа наказания недоимщиков — обливания их «на морозе холодной водою» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 133, 140, 151]. Такие радикальные средства взыскания долга «сродни» вымогательству взяток «сеledкой», практикуемому Городничим в «Ревизоре» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 276]. Кроме того, что указанный способ упоминается в комедии Гоголя-отца, Василия Афанасьевича, «Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом» («...Де ж би я грошей узяв на подушне? <...> ...Тільки що послідній хліб продати, щоб прокляті сіпаки¹ не обливали на морозі холодною водою» [Гоголь-Яновский: 39]), эти строки подразумевают и многочисленные правительственные указы о «взыскании недоимок»². Среди них особенное внимание привлекает указ Екатерины I 1727 г. «О взыскании доимочных подушных денег...»³, в котором говорится о «великих податях и непрестанных экзекуциях», а также о том, что крестьяне должны платить подати «исправно, не дожидая экзекуции», о необходимости «сбавки с них некоторого числа подушных денег»⁴.

Даже помещиков, отказывавшихся платить недоимки, тогдашними указами предписывалось, невзирая на чины, «держатъ под караулом <...> без выпуска»⁵, а приказчиков, старост и выборных лиц, не

¹ Сіпак, сіпака (укр.) — дотошный, вьедливый, придиричивый начальник, приспешник, клевет. Подразумеваются сельские власти, осуществлявшие экзекуцию, в составе из пяти человек: голова, сотский, десятский, писарь и добросовестный. — Подробнее о «выколачивании подушного», в том числе обливанием холодной водой, см.: [Гиляровский: 403].

² Сводный указатель законов о «недоимках» 1671–1825 и 1826–1874 гг. см.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 242–250; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. СПб., 1885. Т. 2. С. 728–731.

³ 5071. — 1727. Февраля 24. Именной, объявленный из Верховного Тайного Совета Сенату. — О взыскании доимочных подушных денег... // ПСЗРИ 1. Т. 7: 744–750.

⁴ Там же. С. 744.

⁵ 7494. — 1738. Генваря 24. Именной. — О взыскании с людей всякого звания доимок по таможенному, кабацкому, подушному и другим сборам, с публикация сего указа в месяц; и о наказании за невзнос оных доимок // ПСЗРИ 1. Т. 10: 393.

выполнявших сроки выплат, объявлялось, «учиня жестокое наказание кнутом и вырезывая ноздри, посылать в каторжную работу»¹. Наказываемые столь сурово волостные головы, выборные и старшины, в свою очередь, по Манифесту 1811 г. о мерах взыскания недоимок, имели право «тех крестьян, на коих лежит недоимка, <...> по мирскому приговору употреблять в самом селении в работу, или отсылать в рабочий дом»².

Применительно к словам о взыскании недоимок в «Майской ночи...» примечателен конкретный указ Петра I «О посылке людей, не платящих казенных недоимок, на галеры»³. Тут же, следом, в «Полном собрании законов Российской Империи» находится строжайший указ нововводителя европейских порядков на Руси о недопустимости ношения россиянами кожаной обуви, изготовленной на дегте, а не на сале⁴, — «под страхом конфискации и галер, как обыкновенно конча-

¹ 7732. — 1739. Генваря 15. Именной, данный Сенату. — О взыскании доимок за крестьян помещичьих с самих помещиков, а за Синодальных, Архирейских и Дворцовых вотчин с виновных в допущении доимки; и о наказании прикащиков, старост и выборных за послабление крестьянам в платеже подушных денег и других податей // ПСЗРИ 1. Т. 10: 699.

² 24.633. — 1811. Мая 16. Манифест. — О мерах взыскания недоимок с селений казенных и помещичьих // ПСЗРИ 1. Т. 31: 650. — В завершающий период работы Гоголя над первой книгой «Вечеров...», 1 мая 1831 г., был издан также указ «О немедленном взносе недоимок и податей», в котором от имени Императора сообщалось: «...Мы почитаем излишним предначертать какие-либо особенные побудительные для взыскания недоимок меры, будучи уверены, что все и каждый готовы исполнить в настоящее время свои обязанности по мере сил своих» (4529. — 1831. Мая 1. (Распубликован 2 Марта <Мая>). Именной, данный Сенату. — О немедленном взносе недоимок и податей // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1832. Т. 6. Отделение 1: 1831. С. 334) (далее ссылки на это издание даются в тексте; используется сокращение — ПСЗРИ 2).

³ 3140. — 1717. Генваря 15. Именной, объявленный из Сената. — О посылке преступников мужеска пола на галеры, а женщин — на прядильный двор, для заработка состоящих на них казенных недоимок и частных долгов и взысканий // ПСЗРИ 1. Т. 5: 530.

⁴ 3141. — 1717. Генваря 17. Именной. — О неделании промышленника юфти с дегтем, о приготовлении оной с ворванным салом и о неимении никому с 1719 г. кож и обуви старого дела с дегтем // ПСЗРИ 1. Т. 5: 530–531.

ются хозяйственные указы Петра», по замечанию А. С. Пушкина, непосредственно касающемуся этого постановления [Пушкин 1938: 237]¹. Указ Петра об обуви на сале или дегте в свою очередь подразумевается у Гоголя и в «Вечерах...», и в «Миргороде». В этих циклах четырежды (в «Предисловии» к первой части «Вечеров...», два раза — в «Ночи перед Рождеством» и — последний раз — в Повести о ссоре) обращается внимание на то, чем начищены сапоги героев, салом или дегтем. Вероятно, в этом свете не мог не привлечь внимания Гоголя и указ Петра I о запрещении, тоже под страхом сурового наказания, всем чинам, кроме духовенства и крестьян, ношения русской одежды, с предписанием носить вместо нее саксонское, немецкое или французское платье².

К сожалению, за исключением матери, внимательных читателей «Вечеров...» у Гоголя практически не нашлось. Вероятно, пронизательность матери объяснялась тем, что ей был хорошо известен контекст, из которого вырастали ранние гоголевские повести. Так или иначе, замечание, которое высказал позднее сам Гоголь по поводу своих ранних произведений, весьма примечательно. Сообщая в 1848 г. о работе над вторым томом «Мертвых душ», Гоголь писал: «Хотелось бы <...> заговорить о том, о чем еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чем неясные звуки и намеки были уже рассеяны в самых первоначальных моих сочиненьях. Их не всякий заметил...» [Гоголь 2009–2010. 15: 132].

Проблематика гоголевского творчества, включая самое раннее, состоит в художественном анализе противостояния, которое являют те или иные современные «законодательные» «грубые народные нравы» [Гоголь 2009–2010. 8: 111] (определяющее поведение человека в самом быту) христианским заповедям и государственным постановлениям.

¹ Здесь же, в «Истории Петра», Пушкин замечал: «Достоинна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика. NB. (Это внести в *Историю Петра*, обдумав.)» (цит. по: [Пушкин 1962: 323]; ср.: [Пушкин 1938: 256]).

² 1887. — 1701. Именный. — О ношении всякого чина людям Немецкого платья и обуви, и об употреблении в верховой езде Немецких седел // ПСЗРИ 1. Т. 4: 182.

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» этот сквозной для Гоголя мотив представлен как противостояние между христианством и суеверными предрассудками, языческими обычаями — имеющими над человеком не меньшую власть, чем официальные законы. Сюда же относится пристрастие героев-парубков к хмельному и падкость героинь-девушек на украшения и наряды.

В цивилизованном обществе, являющемся предметом сатирического обличения Гоголя в позднейших произведениях, — это власть светских, не менее тиранических обычаев, их вполне законодательное «комильфо» (как надо, как следует; *фр.*), вытесняющее и заповеди Христа, и гражданские обязанности. Именно этим объясняется обилие в гоголевских произведениях реминисценций с государственными указами и постановлениями, с понятиями правовой сферы.

* * *

В «Вечерах...», как и в более поздних произведениях, Гоголь, кроме обличения суеверий и языческих обычаев, кроме отдельной проблемы взыскания недоимок, часто обращает внимание на еще один важный аспект, связанный с законодательством. Он показывает нарушения бесчисленных правительственных указов о винных откупках и корчемстве¹, поднимая проблему народного пьянства. На целый ряд подобных правительственных постановлений указывают реалии, изображенные Гоголем в «Майской ночи...». Там, где небеса открываются во всем их величии, где рождается у человека самая мысль о Боге — о Его ангелах и сходящей с неба «длинной лестнице» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 129], вьется обольстительная вереница русалок — и тут же к празднику Покрова Пресвятой Богородицы «пан хочет строить <...> винницу и прислал нарочно для того сюда винокура» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 131]. В ходе изучения установлено, что в замысле «Майской ночи...» нашла отражение история строительства в родовом имении Гоголей — Васильевке — деревенской церкви. Начальный этап постройки соседи-казаки приняли сначала за строительство винокурни, почему на

¹ См., в частности: 25.635. — 1814. Августа 17. Именной, данный Сенату. — Об отдаче питейных сборов на откуп; о прибавке цены на вино и о предоставлении Сенату делать в условиях для содержания тех сборов, перемены. — С приложением откупных условий // ПСЗРИ 1. Т. 32: 849–871.

первых порах отказывали помещику в помощи. Когда же увидели, что заложена церковь, то стали помогать кто чем мог [Виноградов 2017–2018. 1: 331–333]. Конфликт повести (спасительное влияние Церкви и пагубное — винокурни) не был плодом художественного вымысла Гоголя. Наблюдаемое в самой жизни влияние на человека двух разнонаправленных начал — благотельного и губительного — нашло отражение в целом ряде правительственных указов той поры: прежде всего в указе 1747 г. «О нестроении <...> питейных домов <...> близ церквей...». Текст указа гласил: «...При многих монастырях и святых церквах по близости наставлены <...> кабаки с горячим вином и прочим хмельным питием, на которые приходя народ во всякие часы, особливо же во время отправления в церквах святых Божественных Литургий, пьют вино и прочее и, напився пьянски, чинят различное безобразие, шум, свары и драки и поют скверные песни, что Христианскому благочестию зело противно»¹. Строительство церкви в Васильевке относится к 1821–1824 гг. К этому же времени, к 1820 и 1823 гг., принадлежат аналогичные указы «О времени открытия в воскресные праздничные дни питейных домов...»² и «О воспрещении продажи питей <...> по воскресным и праздничным дням во время Божественной Литургии»³. Эти указы в дальнейшем постоянно подтверждались и дополнялись в 1830⁴,

¹ 9365. — 1747. Генваря 26. Сенатский. — О нестроении лавок, шалашей, питейных домов и подобного строения близ церквей, а особливо на кладбищах // ПСЗРИ 1. Т. 12: 643.

² 28.462. — 1820. Ноября 13. Сенатский. — О времени открытия в воскресные и праздничные дни питейных домов для продажи питий // ПСЗРИ 1. Т. 37: 505.

³ 29.497. — 1823. Июня 5. Сенатский. — О воспрещении продажи питей на торгах из выставок по Воскресным и праздничным дням, во время Божественной Литургии // ПСЗРИ 1. Т. 38: 1026. — Существовал также соответствующий указ 1743 г. «Об остановлении во время литургии и крестных ходов питейной продаже и строгом наблюдении за благочинием» (8759. — 1743. Июля 11. Сенатский. — О запрещении продавать в кабаках вино и питья во время крестного хождения и литургии при монастырях и приходских церквах и о непозволении кулачных боев // ПСЗРИ 1. Т. 11: 847–847.

⁴ В «Высочайше утвержденном Положении для устройства селений» 1830 г. оговаривалось: «Питейные дома на больших улицах должны быть от церквей не ближе как в 40 сажень» (4037. — 1830. Октября 27. Высочайше утвержденное Положение для устройства селений // ПСЗРИ 2. Т. 5. Отд. 2: 221.

1834, 1842 и 1846 гг.¹ — вплоть до того времени, когда Гоголь в статье «Светлое Воскресенье» писал, как на Пасху «даже и сам народ, о котором идет слава, будто он больше всех радуется, уже пьяный попадает на улицах, едва только успела кончиться торжественная обедня» [Гоголь 2009–2010. 6: 197]. Греховное псевдо-«почитание» воскресных дней Гоголь изобразил также в «Шинели», в образе портного Петровича, который «попивал довольно сильно» по всяким церковным праздникам, «где только стоял в календаре крестик» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 123]; в «Мертвых душах», в упоминании о «гарнизонных солдатах», — нетрезвых по воскресным дням [Гоголь 2009–2010. 5: 23].

Грехопадение главного героя другой повести «Вечеро...» — «Вечера накануне Ивана Купала» — совершается при появлении его в шинке, где он встречается с «дьяволом» Басаврюком. Свое преступление этот герой совершает, во-первых, в пост (именно во время Петровского поста), а во-вторых, в тот день и час, когда, по прямому замечанию рассказчика, всякий «добрый человек» идет в церковь «к заутрене» — а не в кабак [Гоголь 2009–2010. 1/2: 118].

* * *

Такой же сквозной темой, поднимаемой во всех без исключения повестях первого гоголевского цикла, является обличение суеверных обычаев и представлений. Не говоря уже о церковных установлениях, существовало множество полицейских законов о суевериях и суеверных обрядах, об уголовном преследовании волшебников, чернокнижников, кликуш, колдунов и обманщиков-чародеев. Указы о суевериях

¹ В 1834, 1842 и 1846 гг. в «Условиях для содержания питейных сборов...» указывалось: «Для сохранения окрест Храмов Господних должного благочиния, запрещается иметь питейные дома подле самых церквей и монастырей...» (7206. — 1834. Июня 21. Условия для содержания питейных сборов в 28-ми Великорусских Губерниях и Кавказской Области с 1835 по 1839 год // ПСЗРИ 2. Т. 9. Отд. 1: 469; 15750. — 1842. Июня 16. Условия для содержания питейных сборов в 28 Великороссийских Губерниях и Кавказской Области с 1843 по 1847 год // ПСЗРИ 2. Т. 17. Отд. 1: 454; 19614. — 1846. Января 12. Сенатский. — Об акцизно-откупном комиссионерстве для продажи с 1847 по 1851 год казенного вина и других питий в Великороссийских губерниях и Кавказской области // ПСЗРИ 2. Т. 21. Отд. 1: 45.

составляли целый отдел гражданского законодательства¹, на них прямо ориентировался Гоголь при создании «Вечеров...». Без преувеличения можно сказать, что под строки статьи № 224 Полицейского устава попадает едва ли не все содержание цикла: колдовство; основанный на суевериях обман; «пугание чудовищем»; «искание клада»; нашептывание на траву или на питье и др.²

К примеру, суеверие Черевика в «Сорочинской ярмарке» Гоголь подчеркивает упоминанием героя о том, как он выехал на ярмарку в понедельник: «...Вспомнил я теперь, <...> в понедельник мы выехали. Ну, вот и зло все!» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 106]. Здесь же, в «Сорочинской ярмарке», автор вполне определенно дает понять, что внешняя сторона участия в жизни ярмарки нечистой силы — распускаемые здесь слухи о нечистом, само явление его «в костюме ужасной свиньи» [Гоголь 1937–1952. 1: 334] — лишь проделки веселящихся парубков и пройдохи-цыгана, ловко пользующегося народными суевериями для осуществления своих сделок. (Судя по «великим достоинствам» цыгана — которым, согласно замечанию рассказчика, «одна только награда есть на земле — виселица» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 97], некоторые из его проделок, вероятно, далеко не так безобидны, как только «заинтересованное» участие в сватовстве Грицька. Напомним рассказ Пидорки в «Вечере накануне Ивана Купала» о том, «как проходившие мимо цыгане украли Ивася» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 122]).

В повести «Страшная месть» весьма правдоподобно объяснение казаком Данилой соответствующих уловок «старого колдуна». По словам героя, встающие из могил мертвецы на кладбище у замка, где тот обитает, — лишь пугало, которым стремится оградить предатель свой тайный притон: «Это колдун хочет утратить людей, чтобы никто не добрался до нечистого гнезда его» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 213]. Точно так же утрашают своими «размалеванными» масками суеверных десятских «бесящиеся» парубки в «Майской ночи» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 142].

¹ См. сводный указатель законов о «суеверии и суеверных обрядах» 1689–1782 и 1837–1841 гг.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 1040–1041; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 640.

² 15.379. — 1782. Апреля 8. Устав Благочиния или Полицейский // ПСЗРИ 1. Т. 21: 480.

Такой взгляд Гоголя на мнимую значимость всевозможных «волшебств» точно соответствует прописанным в законе обязанностям сотских и десятских наблюдать, «чтобы не были терпимы в селениях волшебники, кликуши и другие сего рода обманщики» (ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 1041).

Сам христианский брак юных героев «Сорочинской ярмарки», по поводу которого автор испытывает противоречивые, грустные чувства, строится на обмане. Чтобы получить согласие отца невесты, Грицько прибегает к помощи «колдуна» цыгана. Подобным образом, чтобы получить согласие невесты, Вакула в «Ночи перед Рождеством» обращается за помощью к «знахарю» Пацюку.

По замыслу Гоголя, изрядным суевером является рассказчик «Вечеров...», дьяк Фома Григорьевич. Ему принадлежат реплики, совершенно несовместимые с его духовным званием, но вполне объяснимые в нем как ревностном исполнителе мирских «законов», заключающих в себе, помимо «законов света», такую же «законодательную» власть суеверных преданий. Суеверные реплики дьяка Фомы Григорьевича призваны, по замыслу Гоголя, явить читателю истинную цену светских «достоинств» героя. Эту черту сельского дьячка Гоголь подчеркивает в «Вечере накануне Ивана Купала», рассказывая о суеверии жены Петруся Пидорки, над которой, как «простоудушно» замечает тут Фома Григорьевич, «раз кто-то уже сжалился» и для исцеления мужа — «посоветовал идти к колдунье» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 124]. По церковным правилам, обращающиеся к колдунам лишаются, по степени вины, участия в таинствах на несколько лет и отлучаются от Церкви¹. Подобно колдуну Пацюку в «Ночи перед Рождеством», мнимые целители получали за свое ремесло «немалые прибитки»². Согласно гражданскому указу 1774 г., сотским и десятским прямо предписывалось наблюдать,

¹ См.: Правила Святых Вселенских Соборов толкованиями. М.: Издание Общества любителей духовного просвещения, 1877. С. 475–481; Каноны, или Книга правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец. С алфавитным указателем для облегчения нахождения нужного правила. 2-е изд., полное. Издание Братства преп. Иова Почаевского в Монреале, Канада, Русской Православной Зарубежной Церкви, 1974. С. 85.

² 5761. — 1731. Маия 25. Именный, объявленный из Сената. — О наказании за призывание волшебников и о казни таковых обманщиков // ПСЗРИ 1. Т. 8: 465–466.

дабы «никто из <...> жителей никаких мнимых волшебников в дома свои <...> не приводили, <...> да и к ним, волшебникам, не ходили»¹. Существовал также более ранний указ 1731 г. «О наказании за призывание волшебников и о казни таковых обманщиков»². Обращения Пидорки в «Вечере накануне Ивана Купала» к знахарям и колдунье подчеркнута противопоставлено автором упоминание в начале повести о бывшей в селе церкви Святого Великомученика и целителя Пантелеимона, к которому, очевидно, и следовало прибегнуть за настоящей помощью.

Такое же «привычное», по обыкновению, место — место веры и даже простого здравого смысла — занимает суеверие в душах двух главных героев повести «Иван Федорович Шпонька...» (одна из примет этого — читанная-перечитанная Шпонькой гадательная книга, с «сокращенным снотолкователем»; других книг герой не читал, так что даже об Иерусалиме «наслышался <...> от своего денщика» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 263, 270]). Встреченный в дороге сосед Шпоньки рассказывает ему об исцелении от внезапной «болезни»: «Мне помогла уже в наших местах простая старуха. И чем бы вы думали? просто зашептыванием. Что вы скажете, милостивый государь, о лекарях? Я думаю, что они просто морочат и дурачат нас. Иная старуха в двадцать раз лучше знает всех этих лекарей» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 254]. На это Иван Федорович согласно отвечает: «...Изволите говорить совершеннейшую-с правду. Иная точно бывает...» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 255].

Размышления о подменяющих веру суеверных «законах» позднее получили отражение в десятой главе первого тома «Мертвых душ»: «Поди ты сладь с человеком! не верит в Бога, а верит, что если почешется переносье, то непременно умрет... <...> Всю жизнь не ставит в грош докторов, а кончится тем, что обратится наконец к бабе, которая лечит зашептываньями и заплевками...» [Гоголь 2009–2010. 5: 200].

Гоголь объяснял суеверие человека его духовной неразвитостью, неподготовленностью к искушению, заставляющей попавшего в критическую ситуацию обращаться к случайному средству: «Утопающий,

¹ 14.231. — 1774. Декабря 19. Инструкция сотскому с товарищи // ПСЗРИ 1. Т. 19: 1068.

² 5761. — 1731. Мая 25. Именной, объявленный из Сената. — О наказании за призывание волшебников и о казни таковых обманщиков // ПСЗРИ 1. Т. 8: 465–466.

говорят, хватается и за маленькую щепку...» [Гоголь 2009–2010. 5: 200]. Изображая рассказчика Фому Григорьевича и суеверного героя «Вечеров...» Ивана Федоровича Шпоньку, Гоголь также указывал, что происхождение суеверий чаще всего связано с поверхностным светским воспитанием, ориентированным лишь на внешнее «благонаравие» и оставляющим человека непросвещенным и неразвитым — таким же, каким оставляли его в прежние времена «детские предрассудки» и суеверия. (Зависимость Шпоньки от новейших — не менее пустых и бесплодных, чем древние суеверия, — «тонких обычаев света» рассказчик подчеркивает в повести неоднократно).

Поэтому уже в «Вечерах...», в повести «Иван Федорович Шпонька...» Гоголь отмечает пустоту светского воспитания — смеси из тирании суеверий, предрассудков, религиозного индифферентизма и «законов» комильфо [Виноградов 2009: 531–537]. Обращаясь к проблемам педагогики, Гоголь, по-видимому, исходит из того, что педагог в своей практике тоже «пишет законы» — только не на бумаге, «не на скрижалях каменных», но, по выражению Апостола, «на плотяных скрижалях сердца» (2 Кор. 3, 3).

Воплощенный в «Иване Федоровиче Шпоньке» образ «страшного учителя, у которого на кафедре всегда лежало два пучка розг и половина слушателей стояла на коленях» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 249], появляется потом в заключительной главе «Мертвых душ», посвященной биографии мошенника Чичикова; суровое воспитание явно не пошло на пользу этому герою. Показывая в «Иване Федоровиче Шпоньке...» совершенно бесправное¹ положение учеников перед «страшным учи-

¹ В принятом в 1828 г. Уставе учебных заведений предписывалось: «Надежнейшее средство успеха есть привязанность учащихся к наставнику; он легко может приобрести ее, действуя на них не одними угрозами и страхом, а более кротким, ласковым убеждением и поучительным примером... <...> Как, несмотря на все старания, иногда нельзя обходиться без строгих и даже телесных наказаний, то учитель может, в случае нужды, употреблять и сии меры исправления, но не иначе, как истощив уже все другие: увещания, выговоры, запрещение участвовать в играх, оставление ученика на несколько часов в запертом классе, и так далее. Выговор не должен заключать в себе никаких бранных выражений...» (2502. — 1828. Декабря 8. Устав Гимназий и Училищ Уездных и приходских, состоящих в ведомстве Университетов: С. Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского // ПСЗРИ 2. Т. 3: 1102).

телем», Гоголь изображает такой же «абсолютный феодализм» в управлении имением помещицы, тетушки Василисы Кашпоровны, которая «была ленивых вассалов своею страшною рукою» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 257] («Мужика не бей», — предупреждал позднее Гоголь в статье «Русский помещик» [Гоголь 2009–2010. 6: 112]).

Педагогические проблемы Гоголь ставит в героях «пошлых» и ничтожных, однако от этого размах гоголевской мысли не умалается. Представление о педагоге как «законодателе» для ученика он распространяет на всю сферу управления. Согласно воззрениям писателя, сам монарх должен быть опытным педагогом в отношении к своим подданным — и успех государственного строительства во многом зависит от того, насколько основательно разбирается властитель в целях и способах воспитания¹.

Из позднейших героев Гоголя суеверами в его произведениях являются бурсак Хома Брут в «Вии» (тщетно ограждающий себя от нечистой силы очерчиванием круга), уездный Городничий в «Ревизоре», для которого даже виденные во сне крысы («грезилась страшная чепуха», — поясняет Гоголь в черновой редакции [Гоголь 1937–1952. 4: 142]) служат знаменем ревизии. Подчеркивая противостояние между двумя законодательными «институциями» в жизни героев — между верой и суеверием, Гоголь в период создания «Ревизора» писал матери: «Истинный и добрый христианин никогда не бывает суеверен и не верит пустякам» [Гоголь 2009–2010. 11: 34].

* * *

Изображая лукавое использование суеверий для обмана в «Сорочинской ярмарке», «Майской ночи...», «Страшной мести» — разоблачая «земное» происхождение народных легенд и преданий, — Гоголь не забывал, что видимая, внешняя брань нечистой силы с людьми прикрывает порой и вполне реальные — уже не «сказочные» и не фантастические — искушения лукавого. Подверженность героев этим искушениям гоголевские рассказчики в «простоте» своей считают подчас делом «обыкновенным» и даже безгрешным. Воздействия темных сил представляют собой, по Гоголю, действительную брань добра и зла за души людей — сражение куда более серьезное и опасное, чем благополучные путешествия в «пекло» и обратно героев народных легенд и анекдотов.

¹ См. об этом подробнее: [Виноградов 2019b].

Эту брань в самых «сказочных» своих повестях Гоголь изображает уже вполне реалистически; легенды и вымыслы лишь оттеняют беспечность героев. От фантастических, сказочных сюжетов Гоголь внезапно переходит к изображению самого прозаического, обыденного, например, к лишенному всякой фантастики «Ивану Федоровичу Шпоньке...» (герои которого, как указывалось, исполнены суеверий и предрассудков едва ли не больше других), а затем опять возвращается к «сказке».

«Трезвитесь, бодрствуйте, — говорит св. апостол Петр, — потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить...» (1 Петр. 5, 8). Герои Гоголя, постоянно толкующие о кознях лукавого, рассказывающие друг другу истории о его проделках (в которых бес предстает чаще всего существом весьма недалеким и ограниченным), подменяют это заповеданное Апостолом трезвение мечтательными баснями и сказками — и преданные своим придуманным «законам», почти всегда недооценивают своего противника, ожидая встретить его совсем не там, где он им реально угрожает. Эту мысль о неподготовленности человека к духовной брани — и самое развитие ее на ином, скрытом от поверхностного наблюдения уровне — Гоголь и воплощает в своих ранних повестях.

Позднее, как бы подытоживая замысел «Вечеров...» с их «детскими» суевериями и идущей им на смену недетской гордостью «законов» «большого света», подменяющих собой христианские заповеди, «законы Христа» (ибо «непокорность, — по словам Писания, — есть такой же грех, что волшебство, и противление то же, что идолопоклонство...»; 1 Цар. 15, 23), Гоголь в заключительной статье «Светлое Воскресенье» «Выбранных мест из переписки с друзьями» писал, что современная духовная брань совершается часто именно в правовой сфере, на уровне «законодательном»: «Дьявол <...> перестал уже являться в разных образах и пугать суеверных людей, он явился в собственном своем виде. Почуя, что признают его господство, он перестал уже и чиниться с людьми <...>; глупейшие законы дает миру <...> — и мир <...> не смеет послушаться. Что значит эта мода, ничтожная, незначащая, которую допустил вначале человек как мелочь, <...> и которая теперь <...> стала распоряжаться в домах наших... <...> Никто не боится преступать несколько раз в день первейшие и священнейшие законы Христа и между тем боится не исполнить ее малейшего приказанья... <...> Что значат все незаконные эти законы, которые видимо, в виду всех, чертит

исходящая снизу нечистая сила, — и мир это видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться?» [Гоголь 2009–2010. 6: 201–202].

В этом движении от обличения старинных суеверных преданий и предрассудков к изображению современной губительной «обрядливости» «законов света» («обрядливый, церемонный» — отметил Гоголь в своем «объяснительном словаре» русского языка [Гоголь 2009–2010. 9: 468]) и заключается смысл последующей эволюции Гоголя — от «Вечеров...» к «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Ревизору» и «Мертвым душам».

* * *

Как показывает Гоголь, постоянная борьба между правыми и лукавыми «законами» происходит в душе человека. Так, церковные и гражданские установления против пьянства герои «Майской ночи...», сельский голова и винокур, заинтересованный спойть «побольше <...> народу» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 140], не только игнорируют и попирают, но и лукаво «поправляют», — в попытке обратить их в свою пользу, прибегая к лицемерному «благочестию». На вопрос головы, к какому сроку винокур думает поставить свою винокурню, тот отвечает: «Когда *Бог поможет*, то сею осенью... <...> На Покров <Пресвятой Богородицы> <...> пан голова будет писать ногами немецкие крендели по дороге» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 138]. На это следует одобрительная реплика головы: «*Дай Бог...*» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 139]. (В повести неоднократно подчеркивается, что винокур, как и другие лицемерно-«набожные» герои «Вечеров...», является сугубым суевером — а отнюдь не верующим человеком, избегающим помянуть имя Божие всуе).

Сходным образом перетолковывает в свою пользу самый смысл и характер нравственных правил герои «Ночи перед Рождеством». Так, один из них сетует на «развращение нравов» и на «деревянное сердце» шинкарки, когда та отказала ему дать вина в долг, а «набожные дворяне», которые могли бы угостить пьяницу, «как нарочно, все <...> оставались дома и, как честные христиане, ели кутью посреди своих домашних» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 192]. Раздраженный герой называет здесь «развращением нравов» благочестивый обычай своих односельчан проводить строгий рождественский сочельник дома.

Аналогичное извращение нормы, новые «законы» в свою пользу диктует и «проповедует» Городничий в «Ревизоре», когда заявляет об

установленных «Самим Богом» взяток, против которых «волтерианцы напрасно <...> говорят» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 223].

Такое же превратное, извращенное представление о нравственности демонстрирует Хлестаков, когда, мечтая о беспечном житье, рассуждает о том, что в Петербурге денежные отношения стали чрезмерно определять отношения между людьми: «...Попробуй пойти к какому-нибудь даже последнему портнишке, чтобы сшил тебе в долг фрак: ни за что не сошьет. <...> ...Такое развращение нравов может быть только в столице» [Гоголь 2009–2010. 7: 429]. Стремящийся жить на дармовщину Хлестаков, хотя и «по праву» обличает петербургский меркантилизм, однако делает он это отнюдь не ради оздоровления «нравов».

Декларируя свою мнимую «правду», гоголевские герои, как это бывает в самой жизни, чтобы сделать ее убедительней, прикрывают ложь видимостью настоящего «закона». Подобно Хлестакову рассуждает сельский голова в «Майской ночи...», когда под «благочестивым» предложением — заботой о важном госте — стремится возобновить свое незаконное взяточничество: «Как думаешь, пан писарь, нужно бы для именитого гостя дать приказ, чтобы с каждой хаты принесли хоть по цыпленку, ну, полотна, еще кое-чего...» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 153]. Столь же «основательно» негодует по поводу мошенничества обираемых им купцов Городничий: «...У!.. обманываете народ... <...> кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост... <...> Я...» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 289]. Соответствующую «добродетель», возмущающуюся беззаконием, демонстрирует в финале «Игроков» обманутый мошенниками искусный шулер Ихарев: «Ведь существуют же к стыду и поношенью человекоек эдакие мошенники!» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 403].

* * *

В обличении суеверных и светских «законов», противостоящих церковным и гражданским установлениям, важнейшее место занимает у Гоголя изображаемое им почти во всех ранних повестях несоблюдение героями церковных постов. На эту черту героев Гоголь, в свою очередь, указывает в большинстве (в семи из восьми) повестей «Вечеров...»: в «Сорочинской ярмарке», в «Вечере накануне Ивана Купала», «Пропавшей грамоте», «Ночи перед Рождеством», «Иване Федоровиче Шпоньке...»; особым образом этот мотив преломляется в «Майской ночи» и в «Страшной мести».

Как уже отмечалось, в один из самых строгих постных дней года, в Рождественский сочельник, совершаются любовные похождения и попойки героев «Ночи перед Рождеством». Но кроме этого проливающего свет на все события повести церковного ограничения, одним из главных сюжетобразующих мотивов в «Ночи перед Рождеством» является давний церковный запрет женщинам становиться в храме впереди мужчин — обычай, коренящийся в монастырском уставе. Сам Гоголь говорил: «Женщинам запрещено становиться впереди, и дело; поневоле развлечешься» [Виноградов 2017–2018. 7: 48]¹. Действительно, в традиционном украинском деревянном трехчастном храме, который изображается в повести, женщины становились в дальней от алтаря части, которая называлась поэтому «бабинец». Вот как показывает Гоголь в «Ночи перед Рождеством» расположение поселян в церкви: «впереди всех стояли дворяне и простые мужики», за ними «дворянки», а «пожилые женщины <...> крестились у самого входа» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 205]. Девчата же — «у которых на головах намотана была целая лавка лент, а на шее монист, крестов и дукатов», — старались, как подчеркивает Гоголь, вопреки этому порядку, «пробраться <...> ближе к иконостасу» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 205]. Очевидно, что это стремление наряженных девчат объясняется их желанием покрасоваться перед парубками, и тут — «поневоле развлечешься». То, что в «Ночи перед Рождеством» происходит в храме между молодежью, Гоголь показывает и среди взрослых. Пожилая Солоха, которой следовало бы, исходя из сказанного, стоять в храме «у самого входа», «надевши яркую плахту» и «синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы», становится впереди всех — «прямо близ правого крылоса», так что дьяк «закашливался и прищуривал неволью в ту сторону глаза» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 176] («из читаемой им книги», — добавлял Гоголь в черновой редакции [Гоголь 1937–1952. 1: 423]). В самый раз прельщенному дьяку было бы про-

¹ О важности подобных установлений в Церкви см. также: [Варнава (Беляев): 183–184]. С этим же мотивом связан использованный Гоголем в «Ночи перед Рождеством» случай из жития св. Василия Великого, в котором объясняется, «почему запретили вход в алтарь женщинам» (см.: Месяца Ианнуария в 1 день. Житие иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския // Книга житий святых на три месяца вторыя, еже есть Декамврий, Ианнуарий и Февруарий. 7 изд. М., 1796. Л. 119).

честь в это время в богослужбной книге такие строки: «Рассеянный мой ум собери, Господи...»¹.

Тут же Гоголь изображает и пагубность легкомысленного нарушения благочестивых обычаев и законов. Подобно тому, как красавица Оксана в строгий Рождественский сочельник вытесняет из сознания набожного кузнеца и художника Вакулы самый «иконостас», его веру, и доводит до мысли о самоубийстве, так же позднее покончит с собой у Гоголя прельщенный женской красотой художник Пискарев в «Невском проспекте». Именно образ красавицы, «потопивший» и вытеснивший все другое, толкнет на путь предательства и отречения от веры Андрия Бульбу. В повести «Вий», где прекрасная мертвая ведьма-панночка владычествует в заброшенном, оставленном без служения храме, тоже угадывается этот мотив «Ночи перед Рождеством».

* * *

К столь же губительным последствиям приводит героев Гоголя неумеренное бражничество. Тему «кабака» и пьянства как явлений, противостоящих духовному возрастанию, поднятую в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», Гоголь продолжил в «Миргороде», в «Тарасе Бульбе», где бражничество запорожцев представил как одну из причин гибели беспечных воинов. Продолжена была в «Тарасе Бульбе» и начатая в «Вечерах...» тема должного соблюдения поста — необходимого не только для героев мирной жизни (исполненной скрытой духовной брани), но и для отважных, бранных запорожцев. Изображая гибель казаков от несоблюдения поста, Гоголь едва ли не оспаривал при этом положение одного из указов Святейшего Синода 1751 г. «О разрешении постов находящемуся за границую войску»², который восходит к трем аналогичным указам петровского времени и соответствующей грамоте Константинопольского патриарха Иеремии петровского времени (1718 г.³), а также к грамоте того же патриарха о разрешении

¹ Триодь Цветная. Киев: Киево-Печерская Лавра, 1724. 507 л. Л. 278 об. (вторник четвертой седмицы по Пасхе, стихира на хвалитех); см. также: Триодь Цветная. М.: Издание Московской Патриархии, 1992. 335 л. Л. 108.

² 10.741. — 1757. Июня 16. Синодский. — О разрешении постов находящемуся за границую войску // ПСЗРИ 1. Т. 34: 777–778.

³ 3178. — 1718. Марта 7. Именный, с приложением грамоты Константинопольского Архиепископа и Вселенского Патриарха. —

«Государю Петру I на мясоястие во все посты»¹. Оспаривая эти постановления, Гоголь при изображении губительного пьянства запорожцев, напротив, подразумевал, по-видимому, библейскую заповедь: «Когда пойдешь в поход против врагов твоих, берегись всего худого» (Втор. 23, 9). Именно эту заповедь напоминал в 1829 г. воинам святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский в составленном им катехизисе².

Позднее на свойственную практически всем без исключения европейским правительствам непоследовательность в вопросе торговли горячительными напитками (при постоянной борьбе с пьянством³) указывал Гоголь в «Мертвых душах», упоминая в первой главе поэмы о том, что в губернском городе «чаще всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконической надписью: питейный дом» [Гоголь 2009–2010. 5: 13], а также замечая о «царевом кабаке» в десятой главе [Гоголь 2009–2010. 5: 208].

* * *

Примеры, свидетельствующие о постоянной ориентации Гоголя на законы правительства и церковные установления, можно умножать и умножать. В «Вечерах...», кроме общих для всех повестей мотивов об-

О разрешении православному постов воинству во время походов за границу. (Таковые же грамоты даны в 1716 в Апреле месяце и в 1717 году Апреля 9 дня.) // ПСЗРИ 1. Т. 5: 550–552.

¹ 3020. — 1716. Апреля. Грамота Константинопольского Патриарха Иеремии, разрешительная Государю Петру I на мясоястие во все посты, исключая недели пред причастием // ПСЗРИ 1. Т. 5: 466–468. — Разрешение было дано в связи «зельным и неудобоисцельным» недугом, «который скорбутом <цингой> <...> именуют». (У Петра, вероятно, был хронический гепатит).

² См.: <Филарет (Дроздов), святитель>. Пространный христианский катихизис Православныя Кафолическия Восточныя Греко-Российския Церкви, рассматриваемый и одобренный Святейшим Правительствующим Синодом и изданный для преподавания в училищах по Высочайшему Его Императорского Величества Повелению. М.: Синодальная Типография, 1829. С. 132.

³ Сводный указатель законов о «пьянстве» см.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 735; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 378.

личения суеверий и заботы о соблюдении постов, есть еще целый ряд частных реминисценций с гражданскими и церковными законами.

Так, многочисленные упоминания о «перекупках» в «Сорочинской ярмарке» и «Пропавшей грамоте» подразумевают более чем полтора десятка правительственных указов против перекúпа и перекúпщиков (т. е. против спекуляции и спекулянтов) за почти полуторавековой период борьбы правительства с этим явлением, с 1681 по 1827 г.¹

К числу «сатирических», обличаемых Гоголем черт тетушки Василисы Кашпоровны в «Иване Федоровиче Шпоньке...» относится, помимо прочего², то, что она вполне по-феодалному «брала пошлину по пяти копеек с воза, проезжавшего через ее греблю» (через плотину) [Гоголь 2009–2010. 1/2: 257]. В последнем случае помещица является нарушительницей сразу трех указов правительства об уничтожении в России сборов за проезд по мостам и перевозам: 1753³, 1754⁴ и 1755⁵ гг. Согласно указу 1754 г., поддержание мостов в исправном состоянии было отдано частным лицам — помещикам и «прочим управителям», с условием, оговариваемым «тягчайшим штрафом», что денег с проезжающих они брать не будут, так как за содержание мостов станут получать «оклады из казны»⁶.

¹ ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 374–375; Общий алфавитный указатель ко второму Полному собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 77.

² Помещица собственноручно бьет своих «ленивых вассалов»; занимается противозаконным сокрытием числа душ в имении (см. ниже). Она же готова развязать сомнительную судебную тяжбу с соседом.

³ 10.164. — 1753. Декабря 20. Именной. — Об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов // ПСЗРИ 1. Т. 13: 947–955. — См. также свод правительственных указов и правил о сборе «денег с проезжающих, за перевозки и мосты на больших и малых реках», о «мостах, гатях и перевозах» 1649–1825 и 1826–1879 гг.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 205–208; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 2. С. 637–638.

⁴ 10.170. — 1754. Января 5. Сенатский. — Об уничтожении сборов с мостов, перевозов, прорубей и ледоколов; об отдаче оных в вольное содержание и о наблюдении Губернским Канцеляриям из исправности дорог // ПСЗРИ 1. Т. 14: 2–4.

⁵ 10.486. — 1755. Декабря 1. Таможенный Устав // ПСЗРИ 1. Т. 14: 463.

⁶ 10.170. — 1754. Января 5. Сенатский. — Об уничтожении сборов с мостов, перевозов, прорубей и ледоколов; об отдаче оных в вольное содержание и о наблюдении Губернским Канцеляриям из исправности дорог // ПСЗРИ 1. Т. 14: 2–3. Позднее был выпущен указ «О содержании по всем

На эту «дорожную» сторону гражданского быта Гоголь, много путешествовавший, обращал внимание даже за границей. Когда в 1842 г. вместе с больным поэтом Н. М. Языковым он ехал в Рим, то по пути отметил неисправность дорог и мостов в папских владениях. Об этом Языков 1 декабря (н. ст.) 1842 г. сообщал сестре Е. М. Хомяковой: «В Церковном <...> государстве пути сообщения в таком небрежении, что дороги вообще не поправляются, и через реку, которая разграничивает Папу от Тосканского Герц<ога> (имеются в виду великий герцог Тосканский Леопольд II (1797–1869) и река Пэглия (Paglia), приток Тибра. — И. В.), нет и моста, а ездят просто руслом реки по валунам и бульжнику — и во время дождей пережидают, пока воды обмелеют! Святой Отец не соглашается дать Тосканскому половину денег, потребных на постройку моста!» [Виноградов 2017–2018. 4: 196]. Примечательны в этом свете в числе похвал Гоголя «занимающему важное место» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» слова об «умном» устройстве «дорог, мостов и всяких сообщений» [Гоголь 2009–2010. 6: 139].

К проблематике «законодательного» рода можно отнести в «Вечерах...» и «домостроевский» спор героев в предисловии ко второй части по поводу рецепта, как солить яблоки. Как следует из рассказа, этот хозяйственный рецепт на самом деле имеет для героев силу действительного «закона» (как такие же многочисленные домостроевские «секреты насчет делания пастилы и сушения груш», с медицинскими рекомендациями, героинь-хозяек «Ивана Федоровича Шпоньки...» и «Старосветских помещиков» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 264, 292–293]). Спор о рецепте приводит героев хоть к мелочной, но непримиримой ссоре, затрагивая самый социальный «статус» рассказчиков: «Ты человек немаловажный: сам, как говоришь, обедал раз с губернатором за одним столом. Ну, скажешь что-нибудь подобное там, ведь тебя же осмеют все!» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 165].

В повести «Вий» Гоголь не без иронии и «сатиры» изобразил кулачные «битвы» бурсаков в классе перед приходом учителя и воспользовался в этом статьей своего школьного приятеля П. А. Лукашевича «О примечательных обычаях и увеселениях Малороссиян на праздник

большим дорогам в селах и слободах мостов в исправности за счет обывателей» (11.161. — 1760. Декабря 7. Сенатский. — О содержании по всем большим дорогам в селах и слободах мостов в исправности за счет обывателей // ПСЗРИ 1. Т. 15: 577–578).

Рождества Христова и в Новый год», которая была опубликована в 1826 г., в разделе «Современные нравы» журнала «Северный Архив». Между тем существовал прямой указ правительства «О непозволении кулачных боев», относящийся еще к середине XVIII в.¹

* * *

Что касается двух главных сатирических произведений Гоголя — «Ревизора» и «Мертвых душ», то и без особого исследования ясно, что основой для них явилось великое множество правительственных указов и законов. Само по себе слово «ревизия» — «ревизия душ», «ревизия дел» — было довольно употребительным для правительственных постановлений той поры.

Для комедии «Ревизор» значимы прежде всего многочисленные указы о «ревизии дел» (с XVIII в. до 1836 г. их было издано более двухсот²) и столь же многочисленные указы об «апелляции» — так называемой «ревизии гражданских дел»³. Надо сказать, что даже сохранившееся выпускное сочинение Гоголя по предмету русского права было посвящено именно «ревизии»-«апелляции»; оно носит название «Изложить законные обряды апелляции, как из низших инстанций в высшую и в Департамент Сената» [Гоголь 2009–2010. 8: 7] (т. е. согласно тогдашней терминологии, в школьном сочинении Гоголя тоже речь шла о ревизии).

На создание «Ревизора» несомненное влияние оказали также несколько важных указов правительства об искоренении взяток (это указы 1801, 1812, 1821, 1826 и 1832 гг.). Так, в 1832 г. по Высочайшему повелению в России был издан сенатский указ о «воспрещении приношений от обществ лицам Начальствующим»⁴. Этот указ был отнюдь

¹ 8759. — 1743. Июля 11. Сенатский. — О запрещении продавать в кабаках вино и питья во время крестного хождения и литургии при монастырях и приходских церквях и о непозволении кулачных боев // ПСЗРИ 1. Т. 11: 847–848.

² Сводный указатель законов о «ревизии дел» 1720–1823 и 1825–1878 гг. см.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 754–755; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 386, 389–402.

³ Сводный указатель законов об «апелляции» 1649–1825 и 1825–1872 гг. см.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 1: 31–40; Ч. 2: 754; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 1. С. 25–29.

⁴ 5223. — 1832. Марта 9. Сенатский, по Высочайшему повелению. — О воспрещении Начальствующим лицам принимать приношения от об-

не единственным: он вышел в подтверждение целых трех предшествующих указов о лихоимстве: «О запрещении Начальникам Губерний принимать от градских людей подарки» 1801 г.¹; «О воспрещении приносить подарки Начальникам Губерний и другим чиновникам» 1812 г.²; «О воспрещении делать приношения Начальникам Губерний и другим лицам» 1821 г.³ Той же цели служил указ 1826 г. «О составлении, при Общем Собрании С. Петербургских Департаментов Сената, Комитета <...> для соображения существующих законов к искоренению лихоимства и лихоимательства»⁴. Особой строгостью отличался принятый в 1832 г. «Устав о карантинах»⁵. Наказание за взяточничество карантинных чиновников было чрезвычайно суровым: оно относилось к преступлениям первого разряда, так что уличенные в них судились военным судом и наказывались смертью (ПСЗРИ 2. Т. 7: 773–774). В 1837 г. вышел «Высочайше утвержденный общий наказ Гражданским Губернаторам», где также особо подчеркивалась ответственность губернаторов за взяточничество подведомственных чиновников⁶.

Не все правительственные указы Гоголь безусловно одобряет, по поводу некоторых даже возражает, но делает это с позиции писателя-го-

ществ // ПСЗРИ 2. Т. 7: 135–136.

¹ 20.030. — 1801. Октября 11. Именной, данный Сенату. — О запрещении Начальникам Губерний принимать от градских людей подарки // ПСЗРИ 1. Т. 26: 800–801.

² 25.028. — 1812. Октября 11. Сенатский, в следствие Именного. — О воспрещении приносить подарки Начальникам Губерний и другим чиновникам // ПСЗРИ 1. Т. 32: 217.

³ 28.715. — 1821. Августа 2. (Распубликовано Сенатом Октября 11). Высочайшее повеление, объявленное Комитету Министров. — О воспрещении делать приношения Начальникам Губерний и другим лицам // ПСЗРИ 1. Т. 37: 796.

⁴ 328. — 1826. Мая 11. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Министром Юстиции. — О составлении, при Общем Собрании С. Петербургских Департаментов Сената, Комитета из трех Сенаторов и одного Обер-Прокурора, для соображения существующих законов к искоренению лихоимства и лихоимательства // ПСЗРИ 2. Т. 7: 435.

⁵ 5690. — 1832. Октября 20. Высочайше утвержденный Устав о Карантинах // ПСЗРИ 2. Т. 7: 723.

⁶ 10303. — 1837. Июня 3. Высочайше утвержденный общий наказ Гражданским Губернаторам // ПСЗРИ 2. Т. 12: 433.

сударственника. В частности, это относится к указу о взятках 1832 г., который нашел непосредственное отражение в «Ревизоре». Из осторожности судья Ляпкин-Тяпкин предлагает дать взятку Хлестакову «в виде какого-нибудь приношения или пожертвования на пользу общественную, а его пригласить принять обязанность на себя» [Гоголь 1937–1952. 4: 461] — «в виде приношения со стороны дворянства на какой-нибудь памятник» [Гоголь 1937–1952. 4: 57]. В этом судебский чиновник обнаруживает явное знакомство с упомянутым указом, где в качестве исключения московскому городскому голове И. М. Ярцову разрешалось принять добровольное пожертвование от купечества на сооружение памятника действующему военному генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну (1771–1844)¹. Авторский комментарий к подобного рода «пожертвованиям» можно найти в «Игроках», в реплике шулера Замухрышкина, мнимого чиновника: «...Вы, господа, только разве что придумали названья поблагородней: пожертвованье там или так. <...> А на деле выходит — такие же взятки: тот же Савка, да на других санках» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 397].

Реплика Земляники о том, что судья «больше десяти лет как не поведывался» [Гоголь 1937–1952. 4: 310] подразумевает закон «О наложении публичной церковной эпитимии за уклонение от исповеди и Св. причастия» 1801 г.², а также синодальный указ 1833 г. «О подтверждении Епархиальным Начальствам, употреблять неослабное попечение, дабы никто из Христиан не уклонялся от исповеди и Св. Причастия»³. Первый из законов, несомненно, имеется в виду в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», где в «Вечере накануне Ивана Купала» рассказчик сообщает о том, как отец Афанасий, «заметив, что

¹ 5223. — 1832. Марта 9. Сенатский, по Высочайшему повелению. — О воспреещении Начальствующим лицам принимать приношения от обществ // ПСЗРИ 2. Т. 7: 135.

² 19.743. — 1801. Генваря. (Указ Сената напечатан по всенародное известие Февраля 28.) Синодский по Высочайше утвержденному докладу. — О наказывании людей Грекороссийского исповедания за уклонение от исповеди и Святого причастия, вместо денежного штрафа, церковным покаянием // ПСЗРИ 1. Т. 26: 521–523.

³ 5971. — 1833. Февраля 10. Синодский. — О подтверждении Епархиальным Начальствам, употреблять неослабное попечение, дабы никто из Христиан не уклонялся от исповеди и Св. Причастия // ПСЗРИ 2. Т. 8. Отд. 1: 90–91.

Басаврюк и на Светлое Воскресение не бывал в церкви, задумал было пожурить его — наложить церковное покаяние» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 116]. В «Страшной мести» пан Данила говорит о тех, что «таскаются Бог знает где, когда православные бьются насмерть»: «На униатов даже не похожи: не заглянут в Божию церковь» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 215].

Просьба Добчинского об узаконении добрачного ребенка подразумевает указ 1829 г. «Об оставлении без уважения прошений, относительно усыновления воспитанников и сопричтения к законным детям, рожденных до брака»¹. Еще более современный созданию «Ревизора» указ подразумевается в комедии в требовании по ошибке высеченной унтер-офицерши заплатить ей за это «штрафт» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 278]. Императорский указ от 21 января 1835 г. предписывал «взыскивать впредь по двести рублей за каждый удар, невинно данный»².

* * *

Сквозной для гоголевских произведений является тема роскоши. В частности, стремление к пагубной роскоши Гоголь подчеркивает, отмечая страсть героини «Ревизора», жены взяточника Городничего Анны Андреевны, к нарядам. На это же пристрастие указывает роскошная мебель красного дерева в ее доме. Согласно Гоголю, многие из «просвещенных потребностей» героини удовлетворяются прямо за счет взяток ее мужа. Позднее, размышляя над этим в «Переписке с друзьями» в масштабах целой России, Гоголь писал: «...Гоните эту гадкую скверную роскошь, эту язву России, источницу взяток, несправедливостей и всех мерзостей, какие у нас есть» [Гоголь 2009–2010. 6: 98]. «...Большая часть взяток, несправедливостей по службе <...> наших чиновников <...> произошла <...> от расточительности их жен...» [Гоголь 2009–2010. 6: 14]. В составленном в 1834 г. конспекте из книги английского историка Г. Галлама «Европа в Средние века» Гоголь записал: «...Ныне роскошь заменила воздержание, для платья ищут что

¹ 3027. — 1829. Июля 23. Сенатский, с приложением объявления от Комиссии Прошений. — Об оставлении без уважения прошений, относительно усыновления воспитанников и сопричтения к законным детей, рожденных до брака // ПСЗРИ 2. Т. 4: 528.

² 7783. — 1835. Января 21. Сенатский, по Высочайшему повелению. — О взыскании по двести рублей за каждый удар, невинно данный, по неправильному судебному приговору // ПСЗРИ 2. Т. 10. Отд. 1: 63.

есть драгоценное, золото, серебро, перлы, шелковые материи и богатые меха. Видны иностранные вина и деликатные блюда. Оттуда злоупотребления, воровство, обман» [Гоголь 2009–2010. 8: 311].

Это направление гоголевских обличений также тесно связано с целым рядом правительственных постановлений — а именно указов о роскоши¹. Кроме прямых указов на этот счет, в утвержденном Николаем I в 1833 г. таможенном тарифе все предметы роскоши, в любой форме, гастрономические, галантерейные, интерьера и пр., к ввозу в Россию были запрещены². (К ввозу, в частности, запрещались: «аплике, или накладное серебро»³, «бронзовые и другой композиции золоченые и незолоченые статуи, бюсты, барельефы, группы, вазы, урны, жирандоли, люстры, канделябры, подсвечники и прочие вещи»⁴, различные ткани⁵, «глазеты всякие»⁶, иностранные изделия из дерева плотничьей, столярной, токарной и резной работы⁷, «зеркала и зеркальные стекла»⁸, «зонтики всякие», «зубочистки всякие»⁹, «сахар рафинад», «леденец в головках, касках и толченый»¹⁰, «уборы женские, головные, как то: чепчики, шелковые шляпы, токи и тому подобное»¹¹, «шеколад всякий»¹² и др.)

¹ ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 836; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. СПб., 1885. Т. 3. С. 445.

² См.: 6624. — 1833. Декабря 12. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, объявленное Сенатом 11 Апреля 1834. — О новом издании общего Тарифа по Европейской торговле // ПСЗРИ 2. Т. 8. Отд. 1: 761; 6624. — 1833. Декабря 12. Общий Тариф для всех портовых и пограничных Таможен Российской Империи по Европейской торговле // ПСЗРИ 2. Т. 8. Отд. 2: 324–365.

³ 6624. — 1833. Декабря 12. Общий Тариф для всех портовых и пограничных Таможен Российской Империи по Европейской торговле // ПСЗРИ 2. Т. 8. Отд. 2: 324.

⁴ Там же. С. 325, 334, 342.

⁵ Там же. С. 326–327.

⁶ Там же. С. 331.

⁷ Там же. С. 332–333.

⁸ Там же. С. 334.

⁹ Там же. С. 334.

¹⁰ Там же. С. 353.

¹¹ Там же. С. 356.

¹² Там же. С. 359.

Ввозными пошлинами облагалась также, согласно Таможенным тарифам 1782, 1796, 1797 и 1819 гг., заграничная «лапша» — «лапша или макароны всякого роду»¹, — предпочитаемая, вместо украинских галушек, колдуном «Страшной мести» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 219], и любимый колдуном кофе² — «черная вода», употребляемая им «вместо водки из фляжки, бывшей у него в пазухе» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 219]³.

Начиная с изображения пограничного хутора пана Данила, тему таможенных охранительных мер против контрабанды Гоголь в своих произведениях затрагивал неоднократно⁴. Герой его незавершенной комедии «Владимир 3-ей степени», угодливый, проницательный чиновник говорит, в частности, своему начальнику, важному петербургскому сановнику: «...Представьте меня непременно к награде! Я <...> усердно вам служу, доставляю запрещенный товар» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 136]. Строки окончательной редакции «Ревизора»: «Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа...» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 257], — связаны с публикацией в начале июня 1841 г.⁵ соответствующего правительственного указа о заграничных консервах — «О запрещении привоза из-за границы съестных припасов, герметических закупоренных»⁶. Можно вспомнить и рассказ о службе Чичикова на

¹ Тарифы по Европейской торговле. Отделение второе. С 1782 года по 1822 год // ПСЗРИ 1. Т. 45: 124–125.

² Там же. С. 116–117.

³ В одном из куплетов составленного Гоголем сборника «Южнорусских песен» есть такой стих: «Кобы мини з ранку кафы филижанку...» [Гоголь 2009–2010. 17: 184]. Кафа (кава) — кофе; филижанка (філіжанка) — чашка для кофе (укр.). Однако Гоголь по созвучию слов, вероятно, предположил, что «филижанка» означает фляжку, вследствие чего «фляжка» с «черной водой» и появилась в «Страшной мести».

⁴ Об осмыслении Гоголем исторической подоплеку промышленного производства в Западной Европе предметов роскоши и комфорта см.: [Виноградов 2010; Виноградов 2018а: 41–52].

⁵ Впервые отмечено, без указания года указа, П. Н. Столпянским [Столпянский: 65].

⁶ «По представлению его, Министра Финансов, Государь Император, в 23 день Мая Высочайше повелеть соизволил: съестные припасы, для долговременного сбережения герметически закупоренные и от прикосновения воздуха скорой порче подверженные, запретить вовсе к привозу из-за границы, кроме находящихся в прозрачных сосудах, и с тем, чтобы не допускать никаких изъятий» (14565. — 1841. Мая 23. Именный,

таможне — предателем интересов которой, интересов государства, является этот герой. На протяжении карьеры во всей своей деятельности Чичиков обманывает прежде всего государство. В предполагаемом закладе «мертвых душ» он тоже рассчитывает обвести государственную финансовую, банковскую систему. В своей проделке Чичиков намеревается воспользоваться положениями о займах из государственного Опекунского Совета¹. (Механизм операций по закладу был хорошо известен Гоголю хотя бы потому, что в Опекунский Совет неоднократно закладывалось его собственное имение. «Заклад в казну был тогда еще дело новое, на которое решались не без страха» [Гоголь 2009–2010. 5: 231].)

О таможенной службе Чичикова Гоголь упоминает об «остроумном путешествии испанских баранов, которые, совершив переход через границу в двойных тулупчиках, пронесли под тулупчиками на миллион брабантских кружев» [Гоголь 2009–2010. 5: 228–229]. На ввозимые в Россию из-за границы кружева тоже налагалась высокая таможенная пошлина. (На брабантские кружева, появляющиеся в Таможенном тарифе 1819 г., взималось 5 рублей серебром с фунта². В 1833 г. плата была повышена до 12 рублей³).

объявленный Министром Финансов. — О запрещении привоза из-за границы съестных припасов, герметических закупоренных // ПСЗРИ 2. Т. 16. Отд. 1: 393–394.

¹ Свод соответствующих указов по опекунским советам см.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 313–316; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 2. С. 830–833. См. в частности: 19.366. — 1800. Апреля 3. Высочайше утвержденный доклад Ея Императорского Величества, яко Главной начальствующей над Воспитательными домами. — О правилах для облегчения заимщиков из сохранный и ссудной казны // ПСЗРИ 1. Т. 26: 113; 3262. — 1829. Октября 27. Высочайше утвержденные правила С. Петербургской и Московской Сохранных Казен // ПСЗРИ 2. Т. 4: 754–770. — Существовал также указ о займах из Государственного Банка: 29.940. — 1824. Июня 4. Высочайше утвержденное положение об открытии вновь займов из Государственного Заемного Банка, с приложением штата сему Банку // ПСЗРИ 1. Т. 39: 354–366.

² Тарифы по Европейской торговле. Отделение второе. С 1782 года по 1822 год // ПСЗРИ 1. Т. 45: 15.

³ 6624. — 1833. Декабря 12. Общий Тариф для всех портовых и пограничных Таможен Российской Империи по Европейской торговле //

Примечателен также образ ростовщика, выведенный Гоголем в «Портрете», а кроме того, упоминание во второй редакции этой повести о молодом князе, который, вступив в связь с нечистой силой, явился вскоре в столице «окруженный пышностью и блеском неимоверным» — устроенные им «блистательные балы и праздники» сделали его «известным двору» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 105].

(О блистании на «придворных балах» Гоголь еще дважды упоминает в напечатанной тогда же драматической сцене «Отрывок» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 426]. По словам А. О. Смирновой, за умение «дать бал хор<ошо> и экономно» Гоголь, в частности, ценил сестру графа А. П. Толстого графиню С. П. Апраксину. «Если этому надо быть, то ч<тобы> меньше было времени и денег», — говорил Гоголь [Виноградов 2017–2018. 6: 164]. В 1841 г. в заметках «К 1-й части» «Мертвых душ» он записал: «Весь Город со всем вихрем сплетней преобразование бездельности жизни всего человечества в массу. Рожден бал и все соединения. Сторона главная, бальная, общества» [Гоголь 2009–2010. 5: 503]. В самой поэме тоже имеется замечание, что бал у губернатора — «дело весьма обыкновенное в губернских городах: где губернатор, там и бал, иначе никак не будет надлежащий любви и уважения со стороны дворянства» [Гоголь 2009–2010. 5: 156]).

Это направление гоголевских обличений также мотивировано целым рядом правительственных постановлений — наряду с указами о роскоши, указами о ростовщичестве¹. Выразительное свидетельство о размахе займов петербургской аристократии оставил, в частности, один из высокопоставленных петербургских чиновников той поры — управляющий почтовым департаментом К. Я. Булгаков. В письме к брату от 17 июля 1825 г. он, в частности, сообщал, что в Петербурге «только и говорят о компании, приехавшей из Голландии с капиталом 250 миллионов рублей, с тем, чтобы отдавать здесь деньги займы по 5 процентов»: «...Они не менее миллиона дают одному лицу, под залог имени... <...> Охотников <...> много на деньги. <...> Их комиссионер <...> мне сказывал, что кто-то просит 10 миллионов» [Булгаков: 194–195]. Противоположное по размаху мелочное упоминание в «Портрете» о ничтожном занятии обитателей Коломны, также являю-

ПСЗРИ 2. Т. 8. Отд. 2: 340, 356.

¹ ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 724–725; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 364–367.

щихся клиентами ростовщика, — о торговле «старым тряпьем» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 101], тоже связано с законами: оно подразумевает указ «О запрещении торгога старым платьем и лоскутьями» 1808 г. (во избержание «прилипчивых болезней»)¹.

* * *

Повести Гоголя «Невский проспект» и «Нос», строго говоря, тоже не являются «сатирическими», однако содержат резкий критический пафос и имеют вполне основательную законодательную базу. Их содержание явно перекликаются с весьма многочисленными, на протяжении целых двух столетий, указами государства о распутстве² — о порочащем поведении³, которое, по словам одного из указов, разрушает «дворянское достоинство» и нетерпимо «не только в дворянском, но и ни в каком обществе»⁴. В частности, в адресованном майору Ковалеву замечании полицейского пристава о том, что «у порядочного человека не оторвут носа и что много есть на свете всяких майоров, которые <...> таскаются по всяким непристойным местам» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 53], прямо угадывается предписание Полицейского устава «всем и каждому» «в дом, открытый днем и ночью ради непотребств» не входить⁵. Согласно действовавшим указам, женщины, занимавшиеся постыдным ремеслом, после излечения от болезней, подлежали высылке

¹ 22.775. — 1808. Генваря 25. Именной, данный Сенату. — О запрещении торгога старым платьем и лоскутьями // ПСЗРИ 1. Т. 30: 41.

² См. сводные указатели указов о распутстве 1649–1819 и 1829–1841 гг.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 1: 112–113; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 386.

³ С правительственными указами о пресечении распутства перекликается внесенный Гоголем, вероятно, еще в Нежине, в его «Книгу всякой всячины...» указ городского Миргородского правления 1720 г. о наказании за «соромитизну» некоей Вацьки Куликивны: «...Велели сию неверную Вацьку добре барбарами шмароваты и пану сотниковъ вѣчно в пекарню отдачи...» [Гоголь 2009–2010. 9: 517].

⁴ 2698. — 1829. Февраля 27. (Распубликовано от Сената 1 Апреля). Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. — О мерах для исправления неслужащих чиновников развратного поведения // ПСЗРИ 1. Т. 4: 132.

⁵ 15.379. — 1782. Апреля 8. Устав Благочиния или Полицейский // ПСЗРИ 1. Т. 21: 480.

в Нерчинск¹. (Выселением из Нежина нескольких публичных женщин² закончилось, кстати сказать, «дело о вольнодумстве», расследовавшееся в 1826–1830 гг. в нежинской Гимназии высших наук, где учился Гоголь).

О распутстве, приобретающем силу самого «закона», вопреки действительным законам, Гоголь, в частности, упоминает в черновой редакции отдельной сцены «Ревизора» «Хлестаков и Растаковский», где отставной майор Растаковский рассказывает об обыкновении квартирмейстера Трепакина проводить ночь в палатке с очередной девушкой и заключает: «...это был уж закон...» [Гоголь 1937–1952. 4: 194]. Вопреки этому «закону» одно из положений действовавшего Воинского устава гласило: «Никакие блудницы при полках терпимы не будут, но ежели оные найдутся, имеют <...> явно выгнаны быть»³.

Размышлял также Гоголь об итогах подобного нарушения армейской дисциплины, воинского «закона». Интерес Растаковского к щекотливой теме он «позаимствовал» из написанной ранее своей Повести о ссоре, взяв эту черту от такого же, как Растаковский, оставного военного — городничего Петра Федоровича. И тот, и другой одинаково упоминают о давних военных кампаниях и одинаково предаются воспоминаниям о случавшихся тогда любовных историях. Растаковский делает это, характеризуя Трепакина; герой Повести о ссоре — в рассказе о самом себе: «...Во время кампании тысяча восемьсот седьмого года <...> я перелез через забор к одной хорошенькой немке» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 480]. Фривольные приключения в военном походе героя «Миргорода» заставляют, в свою очередь, вспомнить историю еще одного «миргородского» героя — предателя Андрия в «Тарасе Бульбе», влюбившегося дочь врага, польского воеводы.

Сам Гоголь говорил о себе, что провел немало времени «за Библией, за Моисеем, Гомером — законодателями веков минувших» [Гоголь

¹ 11.826. — 1763. Мая 20. Сенатский. — О скорейшем лечении в госпиталях воинских чинов, одержимых венерической болезнью, и о ссылке обличающихся в непотребстве женщин, по излечении от болезни, в Нерчинск на поселение // ПСЗРИ 1. Т. 16: 258–259; 12.391. — 1765. Мая 4. Именной, объявленный Генерал-Полицеймейстером Чичериным. — Об отсылке вдов и девок за праздность и беспорядочное поведение на поселение в надлежащие места под караулом // ПСЗРИ 1. Т. 17: 129.

² См.: [Виноградов 2017–2018. 1: 641].

³ 3006. — 1716. Марта 30. Устав воинский // ПСЗРИ 1. Т. 5: С. 373.

2009–2010. 14: 412]. В «Переписке с друзьями» он замечал: «Разогни книгу Ветхого Завета: ты найдешь там каждое из нынешних событий, ясней как день увидишь, в чем оно преступило пред Богом...» [Гоголь 2009–2010. 6: 67–68]. По всей вероятности, как в реплике Растаковского о палатке Трепакина, так и в рассказе о гибели Андрия Гоголь, как знаток Священного Писания — важнейшего законодательного и нравственного кодекса человечества, — тоже имел в виду не только Воинский устав, но и соответствующие примеры из Библии. К характеристике Тепакина ближе всего стоит история св. праведного Финееса, поразившего копьем отступника Зимри, когда на глазах у всех тот привел к себе в шатер нечестивую женщину-мадианитянку (Чис. 25, 6–8, 14–15). Рассказ об Андрии «повторяет» историю о Иудифи, прельстившей и погубившей своей красотой вражеского военачальника Олоферна. В этой истории свою роль играет и «палатка» — «шатер» Олоферна, где принарядившаяся Иудифь убивает Олоферна. Как и в «Тарасе Бульбе», действие здесь происходит под стенами осажденного города, готового от голода и жажды сдать врагу. Так «вооружается» Иудифь, когда отправляется в «палатку» к Олоферну: «...Обула ноги свои в сандалии и возложила на себя <...> цепочки <...> и все свои наряды, и разукрасила себя, чтобы прельстить глаза мужчин, которые увидят ее» (Иудифь, 10, 4). И конец истории: «Не от юношей пал сильный их, не сыны титанов поразили его, <...> но Иудифь, дочь Мерарии, красотой лица своего погубила его; <...> надела для прельщения его льняную одежду. Ее сандалии восхитили взор его, и красота ее пленила душу его; меч прошел по шее его» (гл. 16, ст. 6–9).

Тему женского «могущества» — «могущества слабости» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 7] — Гоголь опять-таки вполне обозначил еще в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». С темой распутства связан выведенный в «Страшной мести» образ сластолюбивого колдуна, а «прообразами» для распутных героев позднейшей комедии «Игроки» Гоголю послужили польские паны из той же повести: «Играют в карты... <...> Набрали с собою чужих жен. <...> Слышно между общим sodomом, что говорят про заднепровский хутор пана Данила, про красавицу-жену его...» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 229].

Как уже отмечалось, причудливые маршруты героев «Ночи перед Рождеством» и похожие стремления героев «Майской ночи...» распределяются между церковью и шинком — однако никогда не минуют,

даже в самом храме, влияния либо «ведьмы» Солохи, либо красавицы Оксаны. С осмысления этого сквозного для Гоголя мотива начинается обращение писателя к жанру обличительной комедии. Первые попытки работы в жанре комедии относятся ко времени, последовавшем сразу за созданием «Вечеров...» [Виноградов 2017–2018. 2: 176–181]. Летом 1832 г. датируется черновой гоголевский набросок «Комед<ия>» («Матер<иалы> общие», «Матер<иалы> частн<ые>») [Гоголь 2009–2010. 7: 130]¹. К тому же времени относятся строки чернового наброска Гоголя на отдельном листе к «Отрывку из Истории Малороссии» (позднейшее название — «Взгляд на составление Малороссии»): «Особенная страсть к увеселениям, к общественным гульбищам. С начала весны все девки и парни выходят на улицу из хат и поют приветствия весне. Улица делается всеобщим собранием. Как просто, как высоко достигнуто это удержимое средство (о свадьбах). Человек ничего так не боится, как стыда» [Гоголь 1937–1952. 8: 600]. Гоголь имеет здесь в виду свадебные обычаи козаков, описанные французским военным инженером и путешественником Г. де Бопланом [Боплан: 75–77]². Свой рассказ о малороссийской свадьбе Боплан заключал: «Хотя свобода пить водку и мед могла бы довести до соблазна; но торжественное осмеяние и стыд, коим подвергаются оне, потеряв целомудрие, удерживают их от искушения» [Боплан: 77]. С размышлениями 1832 г. связаны позднейшие строки Гоголя в «Театральном разезде...» (1842): «...Насмешки

¹ Обозначенное в отрывке «Комедия» «старое правило» («уже хочет достигнуть, схватить рукою, как вдруг помешательство и отдаление желанного предмета на огромное расстояние» [Гоголь 2009–2010. 7: 130]) положено Гоголем в основу целого ряда произведений. Отчетливо эта идея воплощена уже в «Вечере накануне Ивана Купала». Это же «правило» позднее определило сюжет незавершенной комедии Гоголя «Владимир 3-ей степени». Герой «Записок сумасшедшего», замысел которых восходит к «Владимиру 3-ей степени», также замечает: «Найдешь себе бедное богатство, думаешь достать его рукою, — срывает у тебя камер-юнкер или генерал» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 169]. Очевидно, что и судьба Чичикова, все предприятия которого, направленные к обогащению, срываются одно за другим, строится Гоголем в согласии со «старым правилом». «...Как только начинаешь <...> уже касаться рукою <...> вдруг буря, подводный камень, сокрушение в щепки всего корабля», — говорит Чичиков в заключительной главе второго тома поэмы [Гоголь 2009–2010. 5: 469].

² Указано: [Тихонравов: 578].

боится даже тот, который уже ничего не боится на свете» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 468].

В качестве отпора царящему беззаконию прямыми образцами для подражания, «законами» для жизни, Гоголю служили также подвиги, описанные в житиях святых — агиографических повествованиях, знакомых ему с детства. Так, назидательным примером для исправления кающегося распутного колдуна в «Страшной мести» (и разгульного бурсака в «Вии») является целый сонм святых подвижников, до крови стоявших за сохранение чистоты и целомудрия. Среди них — праведный Иосиф Прекрасный, святой Иоанн Креститель — обличитель преступного брака; преподобный Мартиниан Кесарийский (V в.); мученица Фомаида Египетская (V в.); преподобный Моисей Угрин (XI в.), преподобный Иоанн Киево-Печерский, Многострадальный (XII в.). На подвиг последнего святого, Иоанна Многострадального, зарывшего себя в землю по плечи в борьбе с одолевавшей страстью, прямо указывают строки «Страшной мести», в которых сластолюбивый колдун перечисляет покаянные обеты, — «закопаюсь по шею в землю» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 227].

Жития святых подразумеваются также в Повести о ссоре, где Гоголь воплотил еще одну сквозную для его творчества тему — господство пагубной, преступной для христианина непримиримой вражды, противоречащей не только частным гражданским постановлениям, но всему строю евангельских заповедей. По словам апостола Павла, для христиан само по себе «унизительно» «иметь тяжбы между собою» (1 Кор. 6, 7). В Повести о ссоре мысль о христианском прощении друг другу взаимных обид подчеркнута тем, что герои продолжают враждовать и в самой церкви. Из жалобы Ивана Ивановича на своего соседа явствует, что это церковь Трех Святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, устранивших распрю о них среди православных христиан в Константинополе в XI в. В качестве других агиографических «прототипов» для Повести о ссоре могут служить житие мученика Никифора Антиохийского, где рассказывается о пагубной ссоре Никифора с священником Саприкием; житие преподобного Тита Печерского, повествующее о вражде между ним и диаконом Евагрием. Житию Тита гоголевская повесть тем созвучней, что житийная история тоже обличает вражду, не утихающую в самой церкви: «Егда бо идяше един от них с кадил<ь>ницею в церкви, тогда другий отбегаше

фимиама: аще ли когда сей не отбеже, тогда он преминоваше его, не покадив»¹. Строки жития как бы досказывают то, о чем не говорится, но что однозначно подразумевается в гоголевской повести: «...И причащаются <...> дерзаху не смирившися между собою, ниже прощения получивше...»². Еще один агиографический «прототип» Повести о ссоре — жития блаженных Николая и Феодора Новгородских, где говорится о показательной вражде святых между собою, затеваемой только для того, чтобы представить новгородцам нелепость их взаимных распрей. Последнее повествование не менее близко к гоголевской повести, так как изображение безрассудной вражды двух Иванов преследует ту же цель, что и демонстративно бессмысленные поступки юродивых.

* * *

Список важных переключек обличительного пафоса гоголевских произведений с правительственными начинаниями можно дополнить значимыми примерами из других «петербургских» повестей Гоголя. Изображение героев «Записок сумасшедшего» и «Шинели» — титулярных советников Поприщина и Башмачкина — прямо связано с законодательно оформленными условиями продвижения чиновничества по карьерной лестнице, а также усилиями министра народного просвещения С. С. Уварова по привлечению служащих к сдаче университетских экзаменов для получения следующего чина (и, одновременно, для повышения чиновниками их социального статуса, а также духовного возрастания) (см.: [Виноградов 2018b: 43–45]). Без сдачи утвержденных экзаменов перейти со ступени титулярного советника к следующему чину — коллежского асессора — было невозможно. Поэтому Гоголь и называет своих нерадивых, бездарно проводящих свое свободное время героев «вечными титулярными советниками» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 115]. (Особым образом эта тема затрагивается в повести «Нос», герой которой, «майор» Ковалев, стремясь вырваться из титулярных советников, отправляется даже на Кавказ, где чин коллежского асессора (или, согласно военной табели о рангах, «майора») присваивался без аттестата и экзаменов).

¹ Житие преподобного Отца нашего Тита, пресвитера Печерского // Книга житий святых на три месяца вторых, еже есть Декамврий, Январий и Февруарий. 7 изд. М., 1796. Л. 563 об.

² Там же.

В русле многочисленных правительственных распоряжений, в том числе 1834 г., находится замечание в «Невском проспекте» о псевдо-педагогике иностранных «гувернеров всех наций», «английских Джонсах и французских Коках», гуляющих со своими питомцами по Невскому проспекту [Тоголь 2009–2010. 3/4: 8]. 25 марта 1834 г. в связи с провозглашенным С. С. Уваровым курсом был издан Высочайше утвержденный указ «О воспрещении принимать иностранцев обоего пола без надлежащих свидетельств в дома Дворян, Чиновников и купцов, в учительские, наставнические и гувернерские звания»¹ (в подтверждение указа Императрицы Елизаветы Петровны от 5 мая 1757 г.², а также Устава учебных заведений от 8 декабря 1828 г.³), а затем, 1 июля 1834 г., — Высочайше утвержденное «Положение о домашних наставниках и учителях»⁴. (Этому же вопросу посвящена публикация Уварова в «Журнале Министерства Народного Просвещения» «Замечания Французских газет касательно распоряжения Русского Правительства о частных Пансионах»⁵).

Не менее обширная правовая, законодательная база лежит в основе замысла главного произведения Гоголя — поэмы «Мертвые души».

¹ Высочайшие повеления. (С 1 Января по 1 Апреля 1834) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. Ч. 2. № 4. Апрель. С. LXXI–LXXIII. См. также: 6928. — 1834. Марта 25. (Распубликован 19 апреля). Именной, данный Сенату. — О воспрещении принимать в должности по домашнему воспитанию иностранцев, не получивших аттестатов от Русских Университетов // ПСЗРИ 2. Т. 9. Отд. 1: 229–230.

² 10.724. — 1757. Мая 5. Именной, объявленный из Сената. — О предварительном испытании в науках иностранцев, желающих определяться в частные дома для обучения детей, и о взыскании штрафа с тех, которые примут к себе в дом и станут держать учителя, не имеющего должного аттестата // ПСЗРИ 1. Т. 14: 765.

³ 2502. — 1828. Декабря 8. Устав Гимназий и Училищ Уездных и приходских, состоящих в ведомстве Университетов: С. Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского // ПСЗРИ 2. Т. 3: 1122, 1127.

⁴ Высочайшие повеления. (За Июль месяц) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. Ч. 3. № 8. Август. С. XVII–XXXVI. См. также: 7240. — 1834. Июля 1. (Распубликован 17 Июля). Высочайше утвержденное Положение о Домашних Наставниках и Учителях // ПСЗРИ 2. Т. 9. Отд. 1: 674–681.

⁵ <Уваров С. С.> Замечания Французских газет касательно распоряжения Русского Правительства о частных Пансионах // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. С. 138–145.

Едва приступив к ее созданию, Гоголь уже сообщал Пушкину: «Начал писать Мертвых душ. <...> Ищу хорошего ябедника (т. е. судейского крючкотвора. — И. В.), с которым бы можно коротко сойтиться» [Гоголь 2009–2010. 11: 33]. Многочисленные указы о «ревизии душ»¹, безусловно, были хорошо знакомы Гоголю и как помещику, и как создателю поэмы о спекуляции «мертвыми» душами. Тему эту Гоголь опять-таки затронул еще в «Вечерах...», где «феодальная» владелица своих «вассалов» тетушка Василиса Кашпоровна в повести «Иван Федорович Шпонька...», будучи представительницей власти, занимается противозаконным сокрытием настоящего числа душ в имении племянника ради уменьшения подушных податей. С самых первых указов о «ревизии душ» такое сокрытие строго преследовалось: «прикащикам, старостам и выборным людям» за утайку полагалась «смертная казнь»; помещики наказывались лишением их владельческих крестьян против утаенного вдвое².

Помимо указов о «ревизии душ», из других конкретных законов, подразумеваемых в «Мертвых душах», можно указать на сюжет с запоздалым заведением в 1814 г. «инвалидного капитала» для увечных воинов в «Повести о капитане Копейкине». В этой же вставной новелле подразумеваются соответствующие указы 1814–1816 гг., содержание которых значимо также для понимания других гоголевских произведений: образа городничего — военного *инвалида* в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»; бывшего воина, отставного майора Растаковского в «Ревизоре»³. Кроме того,

¹ Сводный указатель законов о «ревизии душ» 1718–1825 и 1826–1874 гг. см.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 755–756; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 386–389.

² См.: 3287. — 1719. Генваря 22. Именной, объявленный из Сената. — Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок, и о взысканиях за утайку душ // ПСЗРИ 1. Т. 5: 618–620. — Между ревизиями помещик, при увеличении числа душ в его имении, должен был предоставлять дополнительные ревизские сказки, однако Василиса Кашпоровна этого не делает: «...Известно, что в твоём хуторе осьмнадцать душ; впрочем, это по ревизии, а без того, может, наберется больше, может, будет до двадцати четырех» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 258].

³ 2857. — 1829. Маия 3. Именной, данный Сенату. — О порядке производства дел по Министерству Внутренних дел // ПСЗРИ 1. Т. 4: 296–302; Список должностям, замещаемым ранеными Штаб и Обер-Офицерами, по назначению Комитета 18 Августа 1814 года (Там же.

в «Повести о капитане Копейкине» подразумеваются два правительственных указа 1826 г. о наказании декабристов [Виноградов 2018b: 40–41].

* * *

Таким образом, все творчество Гоголя, поставленное в «правильный», авторский контекст, приобретает новое, неожиданное звучание, приоткрывает свой цельный, последовательный, непротиворечивый характер, обнаруживает черты, общие для всех жанров.

Высочайший указ 1832 г. о запрещении пагубных азартных игр стал для Гоголя одним из побудительных мотивов при создании другой комедии — «Игроки». Указ был издан в подтверждение прежнего указа «о истреблении непозволенных карточных игр» 1801 г.¹, а также еще целого ряда других многочисленных правительственных законов и постановлений, запрещавших азартные игры «в карты, в кости, в зернь и проч.», начиная с XVII в. (ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 1: 748). Указом 1832 г. «картежная игра» была признана в России «благовидной отраслью грабежа», «в одно мгновение отъемлющей достояние у семейств, многолетними трудами приобретенное, и предающей оное людям, своими

С. 302); 4406. — 1831. Марта 7. (Распубликован 19 Марта.) Именной, данный Сенату. — О порядке определения Штаб и Обер-Офицеров, состоящих в покровительстве Комитета 18 Августа 1814 года, на вакансии Полицеймейстеров и Городничих // ПСЗРИ 2. Т. 6. Отд. 1: 214; 4731. — 1831. Июля 30. Сенатский, по Высочайшему повелению. — О местах, на какие определяемы быть могут отставные от Военной службы за ранами Офицеры, находящиеся под покровительством Комитета, учрежденного в 18 день Августа 1814 года // ПСЗРИ 2. Т. 6. Отд. 1: 724–725; 8321. — 1835. Июля 19. Именной, объявленный Министру Внутренних Дел Военным Министром. — О переименовании в военные чины тех только Полицеймейстеров и Городничих, кои в военной службе находились // ПСЗРИ 2. Т. 10. Отд. 1: 833–834; 8702. — 1835. Декабря 22. Именной, объявленный Министру Внутренних Дел Военным Министром. — О зачислении по армии и кавалерии Полицеймейстеров и Городничих // ПСЗРИ 2. Т. 10. Отд. 2: 1241.

¹ 19938. — 1801. Июля 11. (Распубликован от Сената 1 Августа). Именной, данный Санкт-Петербургскому Военному Губернатору Голенищеву-Кутузову. — О истреблении непозволенных карточных игр // ПСЗРИ 1. Т. 26: 713.

поступками позор общества составляющим»¹. Игроки по этому указу предавались уголовному суду. М. Ю. Лермонтов, подразумевая указ 1832 г., в одной из редакций драмы «Маскарад» (1835) вложил в уста своего героя, карточного шулера, следующую реплику: «За то, что прежде, как нелепость, / Сходило с рук не в счет бедам, / Теперь Сибирь грозитя нам / И Петропавловская крепость» [Лермонтов: 696].

Указ 1832 г. о «сборищах для запрещенной картежной игры» (которые «местные Начальства» должны «открывать» и преследовать как недопустимую в государстве «нравственную заразу»), безусловно, имеет в виду и гоголевский Городничий, когда в ответ на заманчивое предложение «ревизора» Хлестакова сыграть в карты, замечает: «Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (Вслух.) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 254]. Близкое «родство» лицемерного обманщика и любителя карт Городничего с героями «Игроков» с очевидностью указывает на то, что в «Ревизоре» Гоголь обличает вовсе не «государственную машину», т. е. «власти предержажие» как таковые, но мошенников на чиновничьих местах, шулеров — в прямом и переносном смысле. В десятой главе «Мертвых душ» автор не случайно характеризует главных чиновников губернского города как шайку игроков-мошенников: «Ноздрев был очень рассержен за то, что потревожили его уединение; <...> но когда прочитал в записке городничего, что может случиться пожива, потому что на вечер ожидают какого-то новичка, смягчился в ту ж минуту...» [Гоголь 2009–2010. 5: 201]. Правительство с этим явлением неустанно боролось. Существовал даже указ «О приостановлении производства в чины тех, кои изобличены будут в азартных играх, или вообще в игре на большие суммы»². Понятно, что чин

¹ Высочайшие указы, за собственноручным ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА подписанием... // Санктпетербургские Сенатские Ведомости. 1832. 19 марта. № 12. С. 469–470; 5227. — 1832. Марта 12. (Распубликован Сенатом 17 марта). Именный, данный Сенату. — О строгом подтверждении, чтобы сборища для запрещенной картежной игры местными Начальствами были открываемы, и все найденные игроки были предаваемы суду, для строгого по законам наказания, без всякого различия званий и чинов // ПСЗРИ 2. Т. 7: 139–140. — В частности, более половины немалых долгов А. С. Пушкина на момент смерти составляли карточные [Белых: 182].

² ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 1292; 11.275. — 1761. Июня 16. Сенатский. — О запрещении азартных <так> игр и о дозволении играть в дворянских до-

генерала, прельщающий Сквозника-Дмухановского, по этому указу получен им быть не может.

(Первый приступ к обличению карточной игры был сделан Гоголем еще в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» — сразу в трех повестях: в «Пропавшей грамоте» («шулерская» игра ведьм в «пекле» с героем этой повести); в «Иване Федоровиче Шпоньке...» («...двое из офицеров были страшные игроки в банк и проигрывали <...> даже исподнее платье...» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 250]); в «Страшной мести» («Играют в карты, бьют картами один другого по носам» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 229]).

* * *

Почти везде, где Гоголь защищает свои произведения от произвольных интерпретаций в радикальном духе, он упоминает о законах государства, о том, что его сочинения являются продолжением деятельности правительства по укреплению законности и христианского воспитания подданных. Усилия правительства по искоренению взяток и карточной игры можно безошибочно назвать теми «правдивыми законами», в качестве прямой поддержки которых Гоголь, по его признанию, создавал «Ревизора».

Еще в год создания комедии Гоголь писал: «Благосклонно склонится око монарха к тому писателю, который, движимый чистым желанием добра, предпримет уличать низкий порок, <...> и этим подаст от себя помощь и крылья его правдивому закону» («Петербургская сцена в 1835–36 г.»; [Гоголь 2009–2010. 7: 510]).

Имея в виду разрешение Государем «Ревизора» к постановке и печатанию, Гоголь отвечал своим недоброжелателям: «[Высоким и разумным движением было подвинуто ко мне правительство наше.] Великодушное правительство глубже вас прозрело высоким разумом цель писавшего» [Гоголь 1937–1952. 5: 387]. 15 мая 1836 г. Гоголь общал также М. П. Погодину о восприятии публикой «Ревизора»: «...Невежество всеобщее. Сказать о плуте, что он плут, считается у них подрывом государственной машины...» [Гоголь 2009–2010. 11: 54]. На примере Белинского можно судить, что «невежество» в понимании гоголевских произведений с годами становилось лишь агрессивнее и агрессивнее.

мах для препровождения времени и не на большие суммы в ломбер и прочие тому подобные игры // ПСЗРИ 1. Т. 15: 731–732.

В свете неизменных усилий правительства по искоренению должностных преступлений, взяток и карточной игры гоголевский Городничий, являющийся представителем власти в провинциальном городе, мечтающий о служебном повышении и переезде в Петербург, на деле — как нарушитель государственных законов и постановлений — является противником и даже врагом власти.

«Верность к службе Императорского Величества» предписывалась чиновникам самим законом¹. Тема измены чиновных мошенников государственным интересам — и лично Государю — звучит с первых строк пьесы: «...Министерия нарочно отправляет чиновника, чтоб узнать, нет ли где измены» [Гоголь 2009–2010. 7: 381]. Согласно редакции комедии 1841–1842 гг., чиновники, предполагая дать взятку Хлестакову, рассуждают: «Опасно <...> раскричится: государственный человек... <...> [Скажет: что вы, кому вы, да как вы смеее, хотите, чтоб я изменил Государю?...]» [Гоголь 1937–1952. 4: 57, 460–461].

Гоголь обличает тех представителей общества и власти, которые, находясь на государственной службе, будучи зависимы от казны, подлинными служителями Отечества, однако, не являются. Этот упрек в лицемерии, в неисполнении своего гражданского долга можно было бы адресовать многим.

В неотправленном письме к Белинскому Гоголь подчеркивал: «...Правительство состоит из нас же: мы выслуживаемся и составляем правительство. Если же Правительство огромные корпорации воров, <...> думаете, этого не знает никто из Рус<с>ких?..» [Гоголь 2009–2010. 14: 386]. «Мы все принадлежим Правительству, все почти служим...», — замечал ранее Гоголь в «Театральном разезде...» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 444]. В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» он также указывал: «...Наши <...> плуты и взяточники <...> умеют обойти всякий указ... <...> ...Куды ни обращай, вижу, что виноват применитель, стало быть наш же брат...» [Гоголь 2009–2010. 6: 79].

К «врагам» Гоголя и врагам государства относится не только городничий «Ревизора». Это и уездный судья в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», который вместо исполнения своих должностных обязанностей с увлечением обсуждает с сослуживцем достоинства певчего дрозда. К этим образам примыкает

¹ 15.379. — 1782. Апреля 8. Устав Благочиния или Полицейский // ПСЗРИ 1. Т. 21: 465.

занятый комнатной собачонкой важный чиновник «Утра делового человека», и даже сам губернатор в «Мертвых душах», который, «помимо других занятий, трагит свое время на изготовление кружев» [Scevyrev, Rubini: 250]. В этой связи Гоголь в статье «Петербургская сцена 1835–36 г.» упоминал об «одном генерале, гордом человеке, черством в обращении, который не сумел привязать к себе своих подчиненных <...> совсем <их> распустил <...> и, вместо своих занятий, спускал бумажку или вязал дамский чулок» [Гоголь 2009–2010. 7: 510].

Среди «врагов» Гоголя — врагов государства, которых обличает писатель, находится также изощренный в кривом толковании законов, «спаситель» мошенника Чичикова «колдун»-юрисконсульт во втором томе поэмы. Этот герой представляет собой развитие образа искусного на мошенничестве «чудного» цыгана «Сорочинской ярмарки», который, как указывалось, за свои «великие достоинства» достоин одной «награды» — «виселицы» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 97].

Проблему дискредитации власти подобными «рядовыми» исполнителями Гоголь поставил еще в «Майской ночи...», где вывел образ сластолюбивого сельского головы, рассуждающего о наказании парубков-«бунтовщиков»: «...Заковать в кандалы и наказать примерно. Пусть знают, что значит власть! От кого же и голова поставлен, как не от царя?» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 144].

(Как показывает Гоголь, стремлением стать «головою» исполнено при этом все взрослое мужское население деревни, от «вольнодумных» парубков до пьяного Каленика. Подобное соперничество царит и среди «демократических» запорожцев: «Что там за человек? — спросил сидевший перед самым кузнецом другого, сидевшего подалее»; «Ночь перед Рождеством»; [Гоголь 2009–2010. 1/2: 198]. Внимание верховной власти — предмет жгучей зависти героев «Страшной мести»: «...Петро <...> не мог вынести того, что Иван получил такую честь от короля, и затаил глубоко на душе месть» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 244]. Ср.: «И призрел Бог на Авеля и на дары его, на Каина же и на жертвы его не внял. И опечалился Каин зело...»; Быт. 4, 4–5).

Согласно «комиссаровой» записке голова в «Майской ночи...», сидевший во время проезда через село Екатерины II на козлах с царицыным кучером, вместо своих должностных занятий — собирать недоимки, чинить мосты, наблюдать за порядком в селе — между «мужиками, или дворянами, как называют себя козаки» [Гоголь 2009–2010. 1/2:

176], — «одурел и строит пакости» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 151]. Голова здесь, кстати, изображен таким же взяточником, как Городничий в «Ревизоре».

* * *

В свою очередь, уже в «Майской ночи...» Гоголь обозначил проблему «оппозиционности» «лишнего», или «огорченного»¹ человека. Так, «бунтовщик» Левко в «Майской ночи...» является хоть не вполне очевидным, однако все-таки узнаваемым «потомком» «мечтателя» Ганца Кюхельгартена из одноименной юношеской поэмы Гоголя.

Очевидными реминисценциями из «Ганца Кюхельгартена» являются в «Майской ночи...» следующие, связанные с ранней поэмой «генетически», описания: «А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине. <...> Тут он приблизился к хате; окно было отперто; лучи месяца проходили чрез него и падали на спящую перед ним Ганну; <...> ее <...> губы шевелились, неясно произнося его имя» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 133, 153]². Эти описания перекликаются с романтическими «чудными тенями»-призраками в «Ночных видениях» «Картины XI» и любованиями Ганца в «Картине XVIII», наблюдающего у открытого ночного окна за девушкой, которая призывает героя в песне («Тебя зову! тебя зову!») [Гоголь 2009–2010. 7: 35–38, 47].

При этом фамильное прозвище «оппозиционного» персонажа ранней гоголевской поэмы — Ганц *Кюхельгартен* определенно напоминает «немецкую» фамилию известного декабриста, поэта-романтика Вильгельма Карловича *Кюхельбекера*. На это сходство обратили внимание еще советские исследователи [Десницкий: 53–57; Иофанов: 197–198]. К вышеприведенному наблюдению следует добавить, что В. К. Кюхельбекер написал по поводу кончины Дж. Байрона стихотворение «Смерть Байрона» (1824). Байрон умер в Миссолунги, городе восставшей Греции, который упоминается в «Ганце Кюхельгартене». (Герои поэмы за уютным застольем говорят «про Мисолунги, про дела войны» [Гоголь 2009–2010. 7: 24]). В упомянутых «Ночных видениях»

¹ См.: [Виноградов 2018b].

² Попутно подчеркнем, что отмеченные реминисценции указывают на «местные», украинские (а не на «немецкие») корни гоголевских описаний в юношеской поэме.

«Ганца Кюхельгартена» нашли отчетливое отражение следующие строки из стихотворения Кюхельбекера о Байроне, о творческом гении английского поэта: «По мрачным, тяжким облакам <...> Горе парящий великан <...> Шумя широкими крылами, / Летит — и скрылся дивный дух...» [Кюхельбекер: 194–195]. В «Ганце Кюхельгартене» эти образы из стихотворения Кюхельбекера повторяются: «На серебряном ковре, / Весь затканый облаками, / Чудный дух летит в огне, / Север, юг покрыл крылами» [Гоголь 2009–2010. 7: 36].

Имя оппозиционного поэта-декабриста — Вильгельм — тоже обыгрывается в «Ганце Кюхельгартене». Это имя носит прозаический «мызник» Вильгельм Баух, являющийся своего рода «двойником» романтика Ганца. Именно «мызник» Вильгельм, женатый на «разумной хозяйке» Берте, беседует перед сытным обедом со своим тестем-пастором о судьбе восставшей Греции — том крае, где потом оказывается Ганц. Посетивший Грецию герой наблюдает «разрушение и позор» Афин, попираемых мусульманской «чалмой» [Гоголь 2009–2010. 7: 39]. Расставшись с романтическими иллюзиями, женившись на дочери Бауха, «слабый» Ганц Кюхельгартен, герой-неудачник, очевидно, обречен повторить, вследствие недостаточных способностей, судьбу своего тестя, занять его место в «идиллических» сельских застольях — «Семьей довольствоваться скромной / И шуму света не внимать» [Гоголь 2009–2010. 7: 46]. Другими словами, из Ганца *Кюхельгартена* герой со временем должен превратиться в *Вильгельма* Бауха (Баух (нем. Ваух) — чрево, живот). В своей юношеской поэме Гоголь не только использовал имя и фамилию поэта-декабриста, но даже переиначил строки из стихотворения Кюхельбекера.

* * *

Противостояние в «Майской ночи...» «пана головы» Макогоненко и его «мятежного» сына Левко с товарищами, эта веселая «притча» о властителях и подчиненных, о «структуре» общества, приобретает еще более широкое значение в другой повести «Вечеров...», в «Ночи перед Рождеством», с попаданием Вакулы в Петербург, «прямо к царице»: «Господ в крытых сукном шубах он увидел так много, что не знал, кому шапку снимать» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 197]. Здесь даже у ничтожного «вечного титулярного советника» — Акакия Акакиевича Башмачкина — приобретение новой шинели связано с стремлением за-

нять в социальной иерархии более высокое место. Герой доходит даже до «отважной мысли»: «не положить ли, точно, куницу на воротник?» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 129], т. е. намеревается стать ближе к тем, у кого шинели были с «бобровыми воротниками или с бархатными отворотами» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 133].

О повышении своего «социального статуса» грезит и красавица Оксана в «Ночи перед Рождеством», мечтающая о царицыных черевичках. Само это желание обличает, по замыслу автора, ее изрядное тщеславие. Именно этим объясняется ее пренебрежительное отношение к сельскому кузнецу Вакуле. «Ты? — сказала, скоро и надменно поглядев на него, Оксана. — Посмотрю я, где ты достанешь черевички, которые могла бы я надеть на свою ногу» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 181]. «Если бы она ходила не в плахте и запаске, а в каком-нибудь капоте, — замечает чуть ранее о ней рассказчик, — то разогнала бы всех своих девок» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 181]. В черновой редакции эта мысль была выражена Гоголем с еще большей определенностью: «Если бы она ходила не в плахте и запаске, а в атласном с длинным хвостом платье, то <...> переколотила бы и выгнала десятка три горнишных» [Гоголь 1937–1952. 1: 411]. Петербург, где Вакула видит «множество <...> дам в атласных платьях с длинными хвостами» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 201] — подспудно чаемая (хотя, вероятно, не последняя) «инстанция» честолюбивых вожделений героини.

Соответственно многочисленным примерам того, как в далеком от идеального состояния обществе «один силится пред другим во что бы то ни стало взять верх хотя бы на одну минуту» (подобно обитателям цивилизованного Парижа; [Гоголь 2009–2010. 3/4: 186]); где каждый стремится «проехаться на другом верхом» (подобно героям «Вия»; [Гоголь 2009–2010. 1/2: 186]), одну из главных задач верховного правителя Гоголь видел в том, чтобы «подвести под законы и укротить своевольное неустройство <...> беспокойных магнатов государства, глядящих лесным зверем» [Гоголь 2009–2010. 7: 373]. Соответственно задачу общественного развития страны в целом Гоголь видел, в отличие от своих радикально настроенных современников, не в том, чтобы ниспровергнуть существующую якобы «неправедную» власть, но, напротив, в том, чтобы всемерно ее укреплять — как силу, вместе с Церковью заботящуюся о просвещении и воспитании тех «зверей», которые так или иначе — будучи равноправными, «рядовыми» представителями

российского общества — занимают место и в государственном аппарате. В этой связи Гоголь неизменно подчеркивал, что читателям и зрителям следует искать недостатки выведенных им героев прежде всего в самих себе [Гоголь 2009–2010. 6: 46, 54, 86, 95, 206, 253–254; 14: 480].

* * *

В отличие от противника традиционной русской государственности Белинского, для Гоголя было характерно государственное мышление: на многие обличаемые им явления он смотрел с позиции ответственного, болеющего за дело и судьбы страны высокопоставленного чиновника или даже самого царя. Такое видение было свойственно Гоголю, может быть, и потому, что в его роду было три именитых украинских правителя — три малороссийских гетмана: гетман Евстафий Гоголь, гетман Петр Дорошенко, гетман Иван Скоропадский. Государственное мышление писатель, можно сказать, унаследовал на «генетическом» уровне, через традиции семьи. Поэтому и свою «сатирическую» деятельность он оценивал как направленную исключительно на поддержку позитивных начинаний правительства — и резко отделял государство как таковое от нерадивых исполнителей воли монарха, которых подвергал обличению в своих произведениях.

В этом отношении писатель поступал точно так же, как в аналогичных описаниях своих героев-запорожцев в «Тарасе Бульбе», где пьянство и другие недостатки воинов-патриотов изображаются как главная помеха, препятствующая осуществлению их высокого призвания. Изображение человеческих слабостей и пороков запорожских воинов служит отнюдь не «сатире» на их высокое призвание, но, напротив, включает призыв к освобождению от недостатков — ради патриотического, христианского служения.

Гоголевские обличения взяточничества, воровства и падкости чиновников на греховные удовольствия не были призывом писателя к уничтожению существующего строя, они диктовались заботой и ревностью о всемерном укреплении государственности, законности, об устранении всего того, что мешает полноценной деятельности государственной системы.

Пафос гоголевской «сатиры» направлен не против политического устройства общества, упорядочиваемого гражданскими и церковными установлениями, но против «адского духа, жаждущего разрушить

гармонию жизни» — как личной, так и общественной [Гоголь 2009–2010. 3/4: 18]. В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» Гоголь писал: «Смотри, как в природе совершается все чинно и мудро, в каком стройном законе, и как все разумно исходит одно из другого! Одни мы, Бог весть из чего, мечемся» [Гоголь 2009–2010. 6: 84]. Пафос обличений Гоголя — против нарушения должного порядка, против «демона», который «искрошил весь мир на множество разных кусков и все эти куски без смысла, без толку смешал вместе» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 18]. Позднее, в 1849 г., Гоголь писал своему другу К. М. Базили: «Время беспутное и сумасшедшее. <...> Соединяются только проповедники разрушения. Где только дело касается создания и устройства, там раздор, нерешительность, опрометчивость. И до сих пор еще не догадались, что следует призвать Того, Кто Один строитель порядка!» [Гоголь 2009–2010. 15: 235].

Показательно, что изощренное лукавство Чичикова, выдающее его противостояние гармонии и принадлежность разрушительным началам, Гоголь с наибольшей силой демонстрирует как раз в лицемерном упоминании героем «закона»: «...Обязанность для меня дело священное, закон — я немею пред законом» [Гоголь 2009–2010. 5: 36]. Подобное лицемерие сопоставимо разве что с «сатирической» фразой рассказчика в повести «Нос»: «Нос спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молился» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 45]. Как замечал Гоголь в «Невском проспекте», «выражение набожности» так же идет «роже взяточника», как «бухгалтерская книга поэту» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 17].

Сходные лицемерно-благочестивые реплики свойственны герою-мошеннику гоголевских «Игроков»: «Если дело коснется обязанностей или долга, я уж ничего не помню. Я обыкновенно вперед уж объявляю: “Господа, если будет о чем подобном толк, извините, увлекусь, право, увлекусь”» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 385].

В отличие от своих героев, жонглирующих высокими понятиями, Гоголь действительно считал обязанности государственной службы священными. Отношение к исполнению долга как самой цели жизни человека составляет ядро гоголевских религиозно-политических взглядов. «Долг — Святыня. — писал он. — Человек счастлив, когда исполняет долг» [Гоголь 2009–2010. 6: 296]. В статье «Страхи и ужасы России» Гоголь замечал: «Служить <...> теперь должен из нас всяк не

так, как бы служил он в прежней России, но в другом Небесном государстве, главой которого уже Сам Христос...» [Гоголь 2009–2010. 6: 131]. Именно исполнение долга составляет главное утешение и смысл жизни гоголевских запорожцев.

Комические, обличающие героев лицемерные фразы о «законе» и «долге» вполне характеризуют авторскую направленность «сатиры» Гоголя, не имеющую ничего общего с радикальными интерпретациями. Предметом гоголевских обличений всегда являлись не «коренные законы нашего Государства», но всевозможные их «извращения», т. е. преступления своекорыстные, противоположные служебному долгу. Говоря о своих произведениях, Гоголь в неотправленном письме к Белинскому указывал: «Когда [я писал их, я благоговел п] <ред тем, пред> чем человек должен благо<го>веть. Насмешк<a> [и нелюбовь слышалась у меня] *не над Властью, не над коренными законами* нашего Государства, но над извращением, над уклонениями, над неправильными толкованиями, над дурным <приложением>, над струпом, который накопился...» [Гоголь 2009–2010. 14: 383].

В письме В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1847 г. Гоголь отмечал: «Я решился собрать все дурное, какое только я знал, и за одним разом над ним посмеяться, — вот происхождение “Ревизора”! Это <...> произведение, замышленное с целью произвести доброе влияние на общество, что, впрочем, не удалось: в комедии стали видеть желанье осмеять узаконенный порядок вещей и правительственные формы, тогда как у меня было намерение осмеять только самоуправное отступление некоторых лиц от форменного и узаконенного порядка» [Гоголь 2009–2010. 15: 11].

Деятельность «комиков» Фонвизина и Грибоедова и самого себя Гоголь рассматривал именно как прямое продолжение многолетних, многовековых усилий правительства во главе с Государем по укреплению, развитию России, по искоренению злоупотреблений среди подданных: «Наши комики двинулись общественной причиной, а не собственной, восстали <...> против целого множества злоупотреблений... <...> Общество сделали они как бы собственным своим телом... <...> Это — продолжение той же брани света со тьмой, внесенной в Россию Петром, которая всякого благородного русского делает уже невольно ратником света» [Гоголь 2009–2010. 6: 187]. Называя Моисея и Гомера «законодателями веков минувших» [Гоголь 2009–2010. 14: 412],

Гоголь в статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским» Гоголь замечал: «...“Одиссея” есть вместе с тем самое нравственнейшее произведение и что единственно затем и предпринята древним поэтом, чтобы в живых образах *начертать законы* действий тогдашнему человеку. <...> ... Божественный старец, законодатель и своего и грядущих поколений... <...> хотел <...> облечь во всю обворожительную красоту поэзии то, что хотел бы утвердить навеки в людях, <...> напомнить человеку лучшее и святейшее... <...> ...Всякая малейшая черта в “Одиссее” говорит о внутреннем желании поэта всех поэтов оставить древнему человеку живую и полную книгу *законодательства*... <...> Благоухающими устами поэзии навевается на души то, чего не внесешь в них никакими законами и никакой властью!» [Гоголь 2009–2010. 6: 28–30, 34]. По словам Гоголя, в произведениях Г. Р. Державина «слышно <...> стремление *начертать закон* правильных действий человека во всем, даже в самых его наслаждениях» [Гоголь 2009–2010. 6: 159].

Этот «законодательный», проправительственный характер гоголевского творчества в самой его «сатире» радикальные идеологи более полутора веков «видя не видели, и слыша не слышали». Говорилось о том, что произведения Гоголя имеют глубокое воспитательное значение, нравственное влияние, но из-за преобладания интереса к сатире на чиновничество, в тени оставалось государственное мышление писателя. Очевидно, что гоголевские обличения, начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки...», всегда находились в русле правительственных начинаний и многовековых усилий Церкви по духовному воспитанию русского человека.

* * *

В правительственных указах Гоголю была важна не только официальная составляющая. За «буквой закона», за стремлением соблюсти «форменный и узаконенный порядок» он видел подлинную суть усилий правительства. Пафос гоголевских «законнических» обличений не просто подает «помочь и крылья» государственным постановлениям, но совпадает с направленностью решений, ориентированных на укрепление христианской нравственности. Потому «административные» и «церковные» преступления, отступления от гражданских и от христианских обязанностей стоят у Гоголя в одном ряду. Эта особенность вытекает из самого характера законодательства гоголевской эпохи.

В православной державе многие законы непосредственно основываются на христианских и библейских заповедях, порой их просто повторяя. Такая близость светских и церковных постановлений является для любого христианского государства вполне естественной: правительственные указы и распоряжения почти всегда неразрывно связаны с законами Церкви. Гражданские законы конкретизировали, приближали церковные «вечные» правила к условиям современной жизни, обеспечивая применение церковных узаконений к новым потребностям и обстоятельствам. Общим ориентиром служили здесь слова Спасителя о заповедях блаженств: «...Кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф. 5, 19); и слова псалма: «Блаженны <...> ходящие в законе Господнем» (Пс. 118, 1).

Подразумевая безусловный приоритет законов Церкви, Гоголь в статье о театре в «Выбранных местах из переписки с друзьями» упоминал о «таком уголовном преступлении, каково есть непризнание Бога в том виде, в каком повелел признавать Его Сам Божий Сын» [Гоголь 2009–2010. 6: 65], а в «Правиле жития в мире» подчеркивал: «Любить Бога следует так, <...> чтобы законы Его были выше для нас всех постановлений человеческих...» [Гоголь 2009–2010. 6: 300]. В «Авторской исповеди» Гоголь добавлял: «Не забывать <...> нужно того, что взято место в земном государстве затем, чтобы служить на нем Государю Небесному, и потому иметь в виду Его закон» [Гоголь 2009–2010. 6: 244].

Сходство, а порой и единство гражданских постановлений и христианских заповедей демонстрирует, к примеру, полицейский Устав Благочиния, утвержденный Императрицей Екатериной II в 1782 г. Частному приставу в нем предписывалось «бдение, дабы <...> ничто не принималось закон Божий нарушающее <...> <и> чтоб <...> ничто не принималось противное службе Императорского Величества и общему добру»¹. Многие положения этого Устава являются прямыми цитатами из Священного Писания: «Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь <ср. Деян. 15, 29>. <...> Блажен, кто и скоты милует... <ср. Прит. 12, 10> <...> Муж да прилепится к своей жене в согласии и

¹ 15.379. — 1782. Апреля 8. Устав Благочиния или Полицейский // Полн. собр. законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 21. С 1781 по 1783. С. 470.

любви... <ср. Мф. 19, 5> <...> Воздержание от взяток; ибо ослепляют глаза, и развращают ум и сердце, устам же налагают узду <ср. Сир. 20, 29>»¹ (пометы, приведенные в угловых скобках, указывают, что здесь цитируются строки из Деяний Апостольских, Книги Притч, Евангелия от Матфея, из Книги Иисуса, сына Сирахова).

Понятно, почему завет руководствоваться христианскими заповедями Гоголь считал в полной мере применимым и к гражданским законам. Проблему здесь Гоголь видел лишь в том, чтобы и в этом вопросе навести должный порядок (частично нарушенный петровскими преобразованиями): сделать так, «чтобы гражданскому закону отдано было действительно только то, что должно принадлежать гражданскому закону; чтобы обычаям возвращено было то, что должно оставаться во власти обычаев, и чтобы за Церковь вновь утверждено было то, что должно вечно принадлежать Церкви» [Гоголь 2009–2010. 6: 150].

Со стремлениям правительства следовать наиболее значимым, традиционным общественным и христианским ценностям контрастировала деятельность критика и постоянного гоголевского «оппонента» Белинского — убежденного атеиста и противника традиционной русской государственности. Возражая на слова Гоголя в «Переписке с друзьями» о том, что Церковь «одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши, <...> заставив у нас всякое сословье <...> войти в их законные границы» [Гоголь 2009–2010. 6: 35–36], критик заявлял, что России нужны «права и законы, сообразные не с учением Церкви» [Гоголь 2009–2010. 14: 368]. Прямо «по рецепту» Белинского после 1917 г. все дореволюционные государственные установления и общественные институты, связанные с православными правилами и заветами, а также церковная жизнь были разрушены.

* * *

Традиционным для литературоведения всегда было стремление к открытию смысла, который автор вложил в произведение. Однако применительно к изучению гоголевского наследия чрезвычайно важно обнаружить еще и волевой импульс автора, намерение, с которым создавался тот или иной гоголевский образ, т. е. побудительное начало творчества. Для Белинского таким импульсом был настрой оппозиционный. Критический пафос Гоголя, обладавшего всеми чер-

¹ Там же. С. 464–465.

тами мыслителя-государственника (подобного Кармазину, Уварову, Погодину, Шевыреву и др.), был по своей сути созидательным. Гоголь выступал за укрепление традиционных ценностей, т. е. против вольных или невольных их искажителей и разрушителей — будь то сторонники оппозиции («правой» или «левой», с одинаковой, «не по разуму», ревностью) или недостойные представители самой власти (сделанные, согласно гоголевским взглядам, из того же «теста», что и остальное русское общество: «правительство состоит из нас же», — писал Гоголь Белинскому).

«Законодательное», «волевое» и педагогическое начало сосуществуют в наследии Гоголя на уровне поэтики. Писатель заботился не только о реалистичности образов, красоте слога и смысле произведения, но и о силе воздействия слова на читателя, о деятельном впечатлении, которое воспитывает человека и побуждает к жизни по христианским заповедям. В 1836 г., в одной из рецензий, написанных для пушкинского «Современника», Гоголь отметил: «Живой пример *сильнее* рассуждения, и никогда мысль не кажется нам <...> так *оглушительна* своим величием, как <...> когда разрешается пред нами живым, знакомым миром... <...> Божественный Учитель и Спаситель наш первый открыл эту высокую тайну, облекши святые божест<венные> мысли Свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов. <...> И вот уже везде, во всех нынешних попытках романов и повестей, видно стремление *осуществить, окрылить* <...> какую-нибудь мысль» [Гоголь 2009–2010. 7: 495]. Позднее в письме к А. О. Смирновой он замечал: «... Не будет *сильно* и свято наше слово, если не освятим самые уста, произносящие слово» [Гоголь, 2009–2010. 13: 81].

В том же 1836 г. Гоголь указывал, что как в России, так и в Западной Европе среди читателей всегда была сильна «охота к чтениям нравственным»: «Читатели требовали назидательных, питательных сочинений...» [Гоголь 2009–2010. 7: 493]. Гоголь отмечал, что «для народа нашего чрезвычайно трудно выбрать чтения»: кроме «Путешествий в Иерусалим», которые «производят действие магическое в нашем народе», которые «больше всего и благоговейнее всего читаются», — «прочие книги русский народ читает для <того> только, чтобы прочесть что-нибудь в случае показать себе и другим, что он может прочесть по верхам то, что другой читает по складам — без малейшего внимания к содержанию книги» [Гоголь 2009–2010. 7: 491].

Конечная цель евангельских притч и соответствующих им светских художественных произведений заключаются, по Гоголю, не в эстетическом наслаждении. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» он писал: «Театр и театр — две разные вещи, равно как и восторг самой публики бывает двух родов: иное дело восторг оттого, когда какая-нибудь балетная танцовщица подымет ногу повыше, и опять иное дело восторг оттого, когда могущественный лицедей потрясающим словом подымет выше все высокие чувства в человеке. Иное дело — слезы оттого, что какой-нибудь заезжий певец расщекотит музыкальное ухо человека, <...> и опять иное дело — слезы оттого, когда живым представленьем высокого подвига человека весь насквозь просвежается зритель и по выходе из театра принимается с новой силою за долг свой...» [Гоголь 2009–2010. 6: 66–67].

Согласно Гоголю, главная цель его художественных произведений — привести человека к соблюдению «первейших и священнейших законов Христа» [Гоголь 2009–2010. 6: 201]. Эту первостепенную задачу христианской проповеди Гоголь учитывал в своей творческой деятельности с самого начала. Характерный пример можно найти в одной из первых его повестей, в журнальной редакции «Вечера накануне Ивана Купала». Гоголь устами рассказчика (с точки зрения если не священника, то, во всяком случае, человека заинтересованного в действенности духовных поучений) упоминал здесь о проблеме проповеди. По следующим строкам можно судить, как смотрел Гоголь на своих героев, Черевиков, Пацюков, Солох, Довгочунов, равнодушных к христианскому поучению: «Ну, тогдашние времена были пожестче наших. Тетка моего деда говорила, что несмотря на все усилия отца Афанасия растрогать своих прихожан проповедью, он только мог видеть широкие их пасти, которые они со всем усердием показывали в продолжение его речей» [Гоголь 1830: 251]. Аналогичное рассуждение встречается в статье Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году»: «Г. Шевырев показал в статье своей благородный порыв <...>, но на большинство публики эта статья решительно не сделала никакого впечатления»; статья «скользнула по «Библиотеке для Чтения», как пуля по толстой коже носорога, от которой даже не чихнуло тучное четвероногое» [Гоголь 2009–2010. 7: 474].

В духовном завещании, призывая своих родных сделать из родового имени монастырь, Гоголь замечал: «Воспитанье самое простое: Закон

Божий да бесперывное упражненье в труде на воздухе около сада или огорода» [Гоголь 2009–2010. 6: 413]. «Русскому помещику» Гоголь тоже советовал: «Учить мужика грамоте затем, чтобы доставить ему возможность читать пустые книжонки, которые издают для народа европейские человеколюбцы, есть <...> вздор» [Гоголь 2009–2010. 6: 112–113]. По словам «издателя» первой книги гоголевских повестей, пасичника Рудого Панька, «печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в нее» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 82]. Обличая бездумное словотворчество, пасечник говорит об одном из рассказчиков «Вечеров...», «гороховом паниче»: «...Пойдет рассказывать — вычурно да хитро, как в печатных книжках! Иной раз слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападет. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда он слов набрался таких! <...> стал таким латыньщиком, что позабыл даже наш язык православный» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 84]. Сельский дьяк Фома Григорьевич вторит в этом пасичнику: «Знаю, что много наберется таких умников, пописывающих по судам и читающих даже гражданскую грамоту, которые, если дать им в руки простой Часослов, не разобрали бы ни аза в нем...» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 114].

Критику заумной, бесплодной или служащей обману и «беззаконию» схоластики, подмены законов тщетной «философией», составленной «по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2, 8), Гоголь пронес через все свое творчество [Виноградов 2016]. Эту же мысль о подлинном назначении «грамотности» Гоголь высказывает и в своем обращении к «русскому помещику»: «Если в ком истинно уже зародится охота к грамоте, и притом вовсе не затем, чтобы сделаться плутом-конторщиком, но затем, чтобы прочесть те книги, в которых начертан Божий закон человеку, — тогда другое дело. Воспитай его как сына и на него одного употреби все, что употребил бы ты на всю школу» [Гоголь 2009–2010. 6: 113].

* * *

Неизменная ориентация Гоголя в его обличениях на церковные установления, требования морали, правительственные указы естественно придавала его писательской деятельности особый характер¹. Кроме

¹ Вообще говоря, тесная связь художественного творчества Гоголя с его постоянным вниманием к юридической сфере не должна удивлять уже потому, что в гоголевских произведениях можно обнаружить, к примеру,

Библии и агиографической литературы, Гоголь обращался к целому ряду духовных изданий. Показательно в этом отношении, к примеру, составление им выписок из церковной «Книги правил». Это вышедшее в 1839 г. издание представляет собой сокращенную Кормчую, — книгу, в которой содержится свод наиболее важных, направляющих («окормляющих») правил, значимых для всей Церкви. Закономерным было составление Гоголем обширных выписок из творений святых Отцов, из знаменитой «Лестницы» преподобного Иоанна Синайского, из «Домостроя» протопопа Сильвестра (в последней книге, как известно, содержатся не только духовно-нравственные наставления, но и обстоятельные «законы» русской жизни и хозяйствования в целом).

Единая законотворческая, законоориентированная писательская деятельность Гоголя объясняет и то, почему в круге его чтения, на-

не менее «странное», на первый взгляд, слияние нравственности с... географией. В «Ночи перед Рождеством» рассказчик замечает: «Проезжал через Диканьку блаженной памяти архиерей, хвалил место, на котором стоит село...» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 207]. В статье «Взгляд на составление Малороссии» Гоголь пояснял: «Как будто бы этим подтвердилось правило, что только народ сильный жизнью и характером ищет мощных местоположений или что только смелые и поразительные местоположения образуют смелый, страстный, характерный народ» [Гоголь 2009–2010. 7: 162]. Рассказчик «Страшной мести», в свою очередь, замечает: «Любо глянуть с середины Днепра на высокие горы, на широкие луга, на зеленые леса! Горы те — не горы: подошвы у них нет, внизу их, как и вверху, острая вершина, и под ними и над ними высокое небо» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 211]. Позднее, в статье «Об архитектуре нынешнего времени», Гоголь опять пояснял свою мысль: «Весьма не мешает вспомнить великую старую истину, что народ не в силах понять религии в такой же самой чистоте и бестелесности, как получившие высшее образование; что на него более всего производят впечатление видимые предметы; что чем меньше этот видимый предмет на него действует, тем слабее его энтузиазм и простая вера. Великолешие повергает простолюдина в какое-то онемение, и оно-то единственная пружина,двигающая диким человеком» [Гоголь 2009–2010. 7: 264].

Наряду с географией, таким же не достаточно привлекающим внимание исследователей аспектом является отражение в художественных произведениях Гоголя его взглядов как историка. Словом, в целом традиционные филологические методы в изучении писательского наследия Гоголя должны приобретать более конкретный, или «предметный», ориентированный на своеобразие собственно гоголевского художнического видения «авторский» характер.

ряду с церковной литературой, неизменно находились официальные правительственные издания — «Полное собрание законов Российской Империи», «Журнал Министерства Внутренних Дел» (хотя что, казалось бы, Гоголю до полицейского журнала; тем не менее, интерес к этому изданию он сохранил до конца жизни [Виноградов 2019с]). В «Журнале Министерства Народного Просвещения», выходившем под началом Уварова, Гоголь даже печатался (подробнее см.: [Виноградов 2020]).

Кроме того, Гоголь читал «Материалы для статистики Российской Империи, издаваемые при Статистическом отделении Совета Министерства Внутренних Дел» (СПб., 1839–1841), «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных Дел» (СПб., 1819–1826), внимательно штудировал «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, свод законодательных актов о Малороссии графа К. Г. Разумовского, книгу Николая Иванова «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении» (СПб., 1837) и др. Естественно, о важнейших мероприятиях правительства Гоголь узнавал и из газетных публикаций.

Ориентация на церковные установления и правовые гражданские постановления обеспечивала то, что за гоголевскими сатирическими образами вставала огромная законодательная и нравственная база, масштабная идеологическая основа и — вследствие этого — понимание конкретных задач государственного строительства, видение реального состояния общества и перспектив его развития. В статье «Светлое Воскресенье» Гоголь писал: «Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. “Хуже мы всех прочих” — вот что мы должны всегда говорить о себе. Но есть в нашей природе то, что нам пророчит это. Уже самое неустройство наше нам это пророчит. Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней» [Гоголь 2009–2010. 6: 203].

В этом свете становится понятным, почему обличению Гоголя подвергалась некомпетентность в осмыслении государственных про-

блем «частным» человеком, не обладающим достаточным кругозором для уяснения общенациональных проблем. Сознвая непреходящую важность духовно-нравственных заветов, глубокую социальную значимость гражданской законотворческой системы, Гоголь был решительно против безответственного, не основанного на тщательном изучении государственных проблем, манипулирования общественным сознанием представителями самых разных идеологических течений. Вера в народ, одинаково присущая «восточникам» и западникам, сочеталась у Гоголя с далеким от социалистических иллюзий трезвым пониманием падшести человеческого естества, и та разность между идеальными представлениями о государстве и реальной государственностью, которая делала друзей и единомышленников писателя, славянофилов, либералами и оппозиционерами (объединяя их с западным польским славянофильством и с отечественными западниками), для самого Гоголя как славянофила-государственника, вследствие его основательной осведомленности в вопросах государственного устройства, понимания реальных проблем страны, практически не существовала [Виноградов 2019a].

Одним из основополагающих, сквозных мотивов творчества Гоголя является тема отпадения человека от данного ему Божественного откровения — тема преступления христианских заповедей ради пустых — продиктованных тщеславием и гордостью — светских приличий, или же нарушение заповедей ради плотских, греховных удовольствий. В основе гоголевских обличений лежит мысль о неисполнении человеком своего предназначения, о нарушении служебного долга, конкретного церковного или гражданского закона, о пренебрежении христианскими правилами, об утрате смысла жизни, открытого в Священном Писании и предании. Весь свод, вся совокупность гражданских и церковных узаконений, все «Полное собрание законов Российской Империи» были в полной мере органичной и плодотворной творческой лабораторией художника, по слову псалма: «Коль возлюбих закон Твой, Господи, весь день поучение мое есть» (Пс. 118, 97).

Список литературы

Белых А. А. Мог ли Пушкин вернуть долги? // Экономическая политика. 2019. № 3. С. 178–191.

<Боплан Г.> Описание Украйны. Соч. Боплана. Перевод с французского. СПб.: В Типографии Карла Крайя, 1832. 178 с.

<Булгаков К. Я.> Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу // Русский Архив. 1903. № 6. С. 167–219.

Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетике: в 4 т. Нижний Новгород: Издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 1998. Т. 4. 416 с.

Виноградов И. А. ...И по ту, и по эту сторону Диканьки // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 1. С. 504–541.

Виноградов И. А. Гоголь — историк и наблюдатель быта. (К истории и психологии «общества потребления») // Н. В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Гоголевские чтения. М.: Фестпартнер, 2010. С. 120–127.

Виноградов И. А. Гоголь о поэзии и схоластике. (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н. В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 226–233.

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. Т. 1–7.

Виноградов И. А. Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. Научно-популярное издание. М.: Вече, 2018. 320 с. (а)

Виноградов И. А. «Огорченные люди» в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 29–114. (b)

Виноградов И. А. Славянофил-государственник. Гоголь в движениях эпохи // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 2. С. 38–63. (а)

Виноградов И. А. Образ монарха-наставника в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 111–134. (b)

Виноградов И. А. Князь В. Ф. Одоевский, Н. В. Гоголь и «Журнал Министерства Внутренних Дел»: К постановке проблемы // Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В. Ф. Одоевского. М.: Водолей, 2019. С. 58–70. (с)

Виноградов И. А. «На поприще полемическом»: Гоголь — журналист и публицист // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX века. М.: ИМЛИ РАН, 2020.

<Вяземский П. А., князь> В. «Ревизор». Комедия. Соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836 // Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. 1836. Т. 2. С. 285–309.

Гиляровский В. А. По следам Гоголя // Соч.: в 4 т. М.: Правда, 1967. Т. 2. С. 390–414.

Говоруха-Отрок Ю. Н. Чему нас учит Гоголь? // Говоруха-Отрок Ю. Н. Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская пу-

блицистика / издание подготовили А. П. Дмитриев и Е. В. Иванова. СПб.: Росток, 2012. Т. 1. С. 760–768.

<Гоголь Н. В.> Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви // Отечественные Записки. 1830. Ч. 41. Февраль. № 118. С. 238–264.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>: АН СССР, 1940.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 1–17.

<Гоголь-Яновский В. А.> Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом. Комедия в одном действии. Сочинение Василия Афанасьевича Гоголя (отца Николая Васильевича) // Основа. 1862. № 2. <Отд. 2>. С. 19–43.

Гузаиров Т. Т. В поисках идеального правителя: Жуковский при дворе Николая I // Тыняновский сборник. Выпуск 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 53–61.

Десницкий В. А. Задачи изучения жизни и творчества Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 2. С. 1–105.

Ильин И. А. Гоголь — великий русский сатирик, романтик, философ жизни // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1997. Т. 6. Кн. 3 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. С. 240–276.

Иофанов Д. М. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы. Киев: Изд-во АН УССР, 1951. 432 с.

Котляревский Н. А. Николай Васильевич Гоголь. 1829–1842. Очерк из истории русской повести и драмы. 2-е изд., испр. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1908. 580 с.

Кюхельбекер В. Смерть Байрона // Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая Кн<язем> В. Ф. Одоевским и В. Кюхельбекером. М.: В Типографии Императорского Московского Театра, 1824. Ч. 3. С. 192–199.

Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 759 с.

О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122. С. 345–356.

Пушкин А. С. <История Петра. Подготовительные тексты> // Пушкин. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1938. Т. 10. С. 1–291.

Пушкин А. С. История Петра I. Подготовительный текст // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 8. С. 7–362.

<Розенкамф Г. А., барон>. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. Соч. Барона Розенкамфа. М.: В Университетской типографии, 1829. 318 с.

Столянский П. Заметки на полях Гоголя. (Историко-библиографические примечания) // Ежегодник Императорских театров. 1910. Вып. VI. С. 63–72.

Тихонравов Н. Примечания редактора и варианты // <Гоголь Н. В.> Соч. Н. В. Гоголя. 10-е изд. / Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 5. С. 541–682.

<Уваров С. С.> Замечания Французских газет касательно распоряжения Русского Правительства о частных Пансионах // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. С. 138–145.

Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (ценз. разр. 10 авг.). С. 207–228.

Шевырев С. Критический перечень произведений Русской Словесности за 1842 год // Москвитянин. 1843. № 1. С. 273–298.

Шевырев С. П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году. СПб., 1884. 280 с.

Scèveiref S., Rubini G. Storia della letteratura Russa. Firenze, 1862. 346 p.

References

Belykh A. A. *Mog li Pushkin vernut' dolgi?* [Could Pushkin repay debts?]. *Ekonomicheskaiia politika* [Economic policy], 2019, № 3, pp. 178–191. (In Russ.)

Boplan G. *Opisanie Ukrainy. Soch. Boplana* [Description of Ukraine. Op. Boplan]. Translation from french. St. Petersburg: In the Printing House of Karl Kraj Publ., 1832, 178 p. (In Russ.)

Bulgakov K. Ia. *Iz pisem Konstantina Iakovlevicha Bulgakova k bratu ego Aleksandru Iakovlevichu* [From letters of Konstantin Yakovlevich Bulgakov to his brother Alexander Yakovlevich]. *Russkii Arkhiv* [Russian Archive], 1903, № 6, pp. 167–219. (In Russ.)

Varnava (Beliaev), Bishop. *Osnovy iskusstva sviatosti. Opyt izlozheniia pravoslavnoi asketiki* [The basics of the art of holiness. The experience of the presentation of Orthodox asceticism]. In 4 vols. Nizhny Novgorod: Edition of the Brotherhood in the Name of the Holy Prince Alexander Nevsky Publ., 1998, vol. 4, 416 p. (In Russ.)

Vinogradov I. A. ...*I po tu, i po etu storonu Dikan'ki* [...On both sides of this Dikanka]. Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t.* [Complete works and letters: In 17 vols]. Moscow, Kiev, 2009, vol. 1, pp. 504–541. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Gogol' — istorik i nabliudatel' byta. (K istorii i psikhologii "obshchestva potrebleniia")* [Gogol — historian and observer of life. (On the history and psychology of the “consumer society”). N. V. Gogol' i ego tvorcheskoe nasledie. Desiatye Gogolevskie chteniia [N. V. Gogol and his creative heritage. Tenth Gogolev readings Moscow, Festpartner Publ., 2010, pp. 120–127. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Gogol' o poezii i skholastike. (K avtorskomu opredeleniiu zhanra "Mertvykh dush")* [Gogol on poetry and scholasticism. (To the author's definition of the Dead Souls genre)]. *Tvorchestvo N. V. Gogolia i evropeiskaia kul'tura. Piatnadsatye Gogolevskie chteniia* [Creativity of N. V. Gogol and European Culture. Fifteenth Gogolev readings]. Moscow, Novosibirsk: Novosib. ed. house Publ., 2016, pp. 226–233. (a) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolia (1809–1852). Nauchnoe izdanie* [Chronicle of the life and work of N. V. Gogol (1809–1852). Scientific publication]. In 7 vols. Moscow, IMLI RAS Publ., 2017–2018, Vols. 1–7. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Strasti po Gogoliu. O dukhovnom nasledii pisatelja. Nauchno-populiarnoe izdanie* [Passion for Gogol. On the spiritual heritage of the writer. Popular science publication]. Moscow, Veche Publ., 2018, 320 p. (a) (In Russ.)

Vinogradov I. A. «Ogorchennye ljudi» v tvorchestve N. V. Gogolia [“Grived People” in the Works of N. V. Gogol]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 2018, vol. 16, № 4, pp. 29–114. (b) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Slavianofil-gosudarstvennik. Gogol’ v dvizheniiakh epokhi* [Slavophile-statesman. Gogol in the movements of the era]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two Centuries of Russian Classics], 2019, vol. 1, № 2, pp. 38–63. (a) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Obraz monarkha-nastavnika v tvorchestve N. V. Gogolia* [The Image of the Monarch-Mentor in the Works of N. V. Gogol]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 2019, vol. 17, № 2, pp. 111–134. (b) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Kniaz’ V. F. Odoevskii, N. V. Gogol’ i “Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del”*: K postanovke problemy [Prince V. F. Odoevsky, N. V. Gogol and “Journal of the Ministry of Internal Affairs”: To the statement of the problem]. *Literatura i filosofija: Ot romantizma k XX veku. K 150-letiiu so dnia smerti V. F. Odoevskogo* [Literature and Philosophy: From Romanticism to the 20th Century. On the 150th anniversary of the death of V. F. Odoevsky]. Moscow, Vodolei Publ., 2019, pp. 58–70. (c) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *“Na poprishche polemicheskoe”: Gogol’ — zhurnalist i publitsist* [“In the field of the polemic”: Gogol — journalist and publicist]. *Ocherki istorii russkoi publitsistiki pervoi treti XIX veka* [Essays on the history of Russian journalism in the first third of the XIX century]. Moscow, IMLI RAS Publ., 2020. (In Russ.)

Viazemskii P. A., Prince. *«Revizor». Komediia. Sochinenie N. Gogolia. Sankt-Peterburg. 1836* [The Government Inspector. Comedy. Composition by N. Gogol. St. Petersburg. 1836]. *Sovremennik* [Contemporary], literary journal published by Alexander Pushkin, 1836, vol. 2, pp. 285–309. (In Russ.)

Giliarovskii V. A. *Po sledam Gogolia* [In the footsteps of Gogol]. *Soch.: V 4 t.* [Works: In 4 vols]. Moscow, Pravda Publ., 1967, vol. 2, pp. 390–414. (In Russ.)

Govorukha-Otrok Iu. N. *Chemu nas uchit Gogol’?* [What does Gogol teach us?]. *Govorukha-Otrok Iu. N. Vo chto verovali russkie pisateli? Literaturnaia kritika i religiozno-filosofskaia publitsistika* [What did Russian writers believe in? Literary criticism and religious-philosophical journalism], publication were prepared by A. P. Dmitriev and E. V. Ivanova. St. Petersburg: Rostock, 2012, vol. 1, pp. 760–768. (In Russ.)

Gogol’ N. V. *Bisavriuk, ili Vecher nakanune Ivana Kupala. Malorossiiskaia povest’ (iz narodnogo predaniia), rasskazannaia d’iachkom Pokrovskoi tserkvi* [Bisavryuk, or Evening on the Eve of Ivan Kupala. Little Russian story (from folk tradition), narrated by the clerk of the Intercession Church]. *Otechestvennye Zapiski* [Domestic Notes], 1830, part 41, February, № 1186, pp. 238–264. (In Russ.)

Gogol’ N. V. *Poln. sobr. soch.: V 14 t.* [Complete Works. In 14 vols]. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1940. (In Russ.)

Gogol’ N. V. *Poln. sobr. soch. i pisma: V 17 t. (15 kn.)* [Complete works and letters. In 17 vols. (15 books)], compilation, preparation of texts and comments by I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow; Kiev: Publishing House of the Moscow Patriarchate Publ., 2009–2010, vol. 1–17. (In Russ.)

Gogol'-Ianovskii V. A. *Prostak, ili Khitrost' zhenshchiny, perekhitrennaia soldatom. Komediia v odnom deistvii. Sochinenie Vasiliia Afanasievicha Gogolia (otsta Nikolaia Vasilevicha)* [Simpleton, or the Cunning of a woman outwitted by a soldier. Comedy in one action. The work of Vasily Afanasevich Gogol (father of Nikolai Vasilevich)]. *Osnova* [Basis], 1862, № 2, dep. 2, pp. 19–43. (In Russ.)

Guzairov T. T. *V poiskakh ideal'nogo pravitelia: Zhukovskii pri dvore Nikolaia I* [In search of the ideal ruler: Zhukovsky at the court of Nicholas]. *Tynianovskii sbornik. Vypusk 13: XII–XIII–XIV Tynianovskie chteniia. Issledovaniia. Materialy* [Tynianovsky collection. Issue 13: XII — XIII — XIV Tynianov readings. Research. Materials]. Moscow: Vodolei Publ., 20096, pp. 53–61. (In Russ.)

Desnitskii V. A. *Zadachi izucheniiia zhizni i tvorchestva Gogolia* [Tasks of studying the life and work of Gogol]. *N. V. Gogol'. Materialy i issledovaniia* [N. V. Gogol. Materials and research]. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936, vol. 2, pp. 1–105. (In Russ.)

Il'in I. A. *Gogol' — velikii russkii satirik, romantik, filosof zhizni* [Gogol — the great Russian satirist, romantic, philosopher of life]. Il'in I. A. *Sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [Collected works: In 10 vols]. Moscow: Russian Book Publ., 1997, vol. 6, book 3, compilation and commentary by Yu. T. Lisitsy, pp. 240–276. (In Russ.)

Iofanov D. M. *N. V. Gogol'. Detskie i iunosheskie gody* [N. V. Gogol. Children and teenagers]. Kiev: Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1951, 432 p. (In Russ.)

Kiukhel'beker V. *Smert' Bairona* [The Death of Byron]. *Mnemozina, sobranie sochinenii v stikhakh i proze, izdavaemaia Kniazem V. F. Odoevskim i V. Kiukhel'bekerom* [Mnemosyne, Collected Works in Poems and Prose, published by Prince V. V. Odoevsky and V. Küchelbecker]. Moscow, In the Printing House of the Imperial Moscow Theater, 1824, part 3, pp. 192–199. (In Russ.)

Kotliarevskii N. A. *Nikolai Vasil'evich Gogol'. 1829–1842. Ocherk iz istorii russkoi povesti i dramy* [Nikolay Vasilyevich Gogol. 1829–1842. Essay on the history of Russian novels and drama]. 2nd edition, revised. St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich Publ., 1908, 580 p. (In Russ.)

Lermontov M. Iu. *Soch.: V 6 t. T. 5. [Works: in 6 vols. Vol. 5]*. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 759 p. (In Russ.)

O prezhnikh pravakh, vol'nostiakh i preimushchestvakh Malorossiian [About former rights, liberties and advantages of Little Russians]. *Otechestvennye Zapiski* [Domestic Notes], 1830, part 42, June, № 122, pp. 345–356. (In Russ.)

Pushkin A. S. *Istoriia Petra. Podgotovitel'nye teksty* [History of Peter. Preparatory texts Pushkin.]. Pushkin. *Poln. sobr. soch.: v 16 t.* [Complete works: in 16 vols]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences Publ., 1938, vol. 10, pp. 1–291. (In Russ.)

Pushkin A. S. *Istoriia Petra I. Podgotovitel'nyi tekst* [History of Peter I. Preparatory text]. Pushkin A. S. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols.]. Moscow, State publishing house of fiction Publ., 1962, vol. 8, pp. 7–362. (In Russ.)

Rozenkamp G. A., Baron. *Obozrenie Kormchei knigi v istoricheskom vide. Soch. Barona Rozenkampfa* [Review Kormcha books in historical form. Op. Baron Rosenkampf]. Moscow, At the University Printing House Publ., 1829, 318 p. (In Russ.)

Stolpianskii P. *Zametki na poliakh Gogolia. (Istoriko-bibliograficheskie primechaniia)* [Notes on the fields of Gogol. (Historical and bibliographic notes)]. *Ezhegodnik Imperatorskikh teatrov* [Yearbook of the Imperial Theaters], 1910, issue VI, pp. 63–72. (In Russ.)

Tikhonravov N. *Primechaniia redaktora i varianty* [Notes of the editor and options]. Gogol' N. V. *Soch. N. V. Gogolia. 10-e izd.* [Works of N. V. Gogol. 10th edition], the text is verified with the author's own manuscripts and the initial editions of his works by N. Tikhonravov. Moscow, 1889, vol. 5, pp. 541–682. (In Russ.)

Shevryev S. *Pokhozhdeniia Chichikova, ili Mertvye dushi. Poema N. Gogolia. Moskva. V Universitetskoii Tipografii 1842. V vos'merku, 475 stranits. Stat'ia pervaiia* [Adventures of Chichikov, or Dead Souls. Poem by N. Gogol. Moscow. At the University Printing House 1842. In the eight, 475 pages. Article One]. *Moskvitianin*, 1842, № 7, pp. 207–228. (In Russ.)

Shevryev S. *Kriticheskii perechen' proizvedenii Russkoi Slovesnosti za 1842 god* [A critical list of works of Russian Literature for 1842]. *Moskvitianin*, 1843, № 1, pp. 273–298. (In Russ.)

Shevryev S. P. *Lektsii o russkoi literature, chitannye v Parizhe v 1862 godu* [Lectures on Russian literature delivered in Paris in 1862]. St. Petersburg, 1884. 280 p. (In Russ.)

Uvarov S. S. *Zamechaniia Frantsuzskikh gazet kasatel'no rasporiasheniia Russkogo Pravitel'stva o chastnykh Pansionakh* [Observations of French newspapers regarding the order of the Russian Government on private Boarding Houses]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Public Education], 1834, № 4, pp. 138–145. (In Russ.)

Sevryev S., Rubini G. *Storia della letteratura Russa* [History of Russian literature]. Firenze, 1862, 346 p. (In Italian)

© 2020. Н. А. Лобкова
Костромской государственный университет
г. Кострома, Россия

Из истории публикаций воспоминаний П. В. Анненкова об И. С. Тургеневе в «Вестнике Европы»

История публикаций воспоминаний П. В. Анненкова о Тургеневе в «Вестнике Европы» позволяет уточнить процесс оформления мемуарного жанра, понять принципы отбора материала автором. В статье рассмотрены наброски портрета писателя в очерках Анненкова «Замечательное десятилетие. 1838–1848» и в его заметках о Тургеневе в черновых материалах 1870-х гг. «Две зимы в провинции и деревне. С января 1849 по август 1851 года». Главное внимание в статье уделено воспоминаниям, созданным после смерти писателя: «Молодость И. С. Тургенева. 1840–1856», «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым. 1856–1862», «Из переписки с И. С. Тургеневым в 1860-х годах», опубликованным в журнале «Вестник Европы». В работе анализируются жанровые особенности мемуаров Анненкова, его отношение к письмам как фактическому источнику, подчеркивается его главное требование к автору биографического повествования — воспринимать личность, характер героя в целом, доверять ему. В статье раскрыты приемы создания образа Тургенева в мемуарах Анненкова, особенности композиции воспоминаний, дан комментарий к толкованию Анненковым этапов развития творчества писателя. Письма Анненкова к Тургеневу и к Стасюлевичу, редактору-издателю «Вестника Европы», уточняют характеристику художественной манеры Анненкова-мемуариста.

Ключевые слова: Анненков, Тургенев, Стасюлевич, воспоминания, переписка, портрет, биография.

Информация об авторе: Лобкова Нина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Костромской государственный университет, ул. Дзержинского, д. 17, 156005, г. Кострома, Россия

E-mail: lobkova.nina.a@yandex.ru

Дата поступления статьи: 16.03.2020

Дата публикации: 17.06.2020

Для цитирования: Лобкова Н. А. Из истории публикаций воспоминаний П. В. Анненкова об И. С. Тургеневе в «Вестнике Европы» // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 134–183. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-134-183

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. **Nina A. Lobkova**
Kostroma State University
Kostroma, Russia

From the history of the memoir publications of Pavel Annenkov about Ivan Turgenev in “Vestnik Evropy” (Herald of Europe)

The article describes the history of Pavel Annenkov’s memoir publications about Ivan Turgenev in the magazine “Vestnik Evropy” (Herald of Europe) and analyses the development of the memoir genre and the choice of the material. The article describes the draft of Ivan Turgenev’s portrait in “The Extraordinary Decade” and the notes about Ivan Turgenev in the rough materials of the 1870s “Two Winters in the Province and in the Countryside from January 1849 to August 1851”. Special attention is paid to the memoir written after the death of the writer — “The Youth of I.S. Turgenev. 1840–1856” and “Six Years of the Correspondence with I.S. Turgenev. 1856–1862”, “From the Correspondence with I.S. Turgenev in the 1860s” — and published in the magazine “Vestnik Evropy”. The article tells about the role of the letters in the memoir structure and emphasises the main demand for the biographer to see the complete nature of the personage and to believe him. The article describes the principles of composition of the memoir and explains Pavel Annenkov’s interpretation of the periods of Ivan Turgenev’s creative work. The letters to Ivan Turgenev and Mikhail Stasyulevich (the editor and the publisher of the magazine “Vestnik Evropy”) define more precisely the basic principles of Pavel Annenkov’s memoir method.

Keywords: Pavel Annenkov, Ivan Turgenev, Mikhail Stasyulevich, memoir, correspondence, portrait, biography.

Information about the author: Nina A. Lobkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Dzerzhinsky st. 17, 156005, Kostroma, Russia

E-mail: lobkova.nina.a@yandex.ru

Received: March 16, 2020

Published: June 17, 2020

For citation: Lobkova N. A. From the history of the memoir publications of Pavel Annenkov about Ivan Turgenev in “Vestnik Evropy” (Herald of Europe) // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 2, pp. 134–183. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-134-183

Наблюдательность П. В. Анненкова, его такт, чуткая реакция на собеседника, внимание к деталям поведения, к искусству владения словом, своего рода внутреннее зрение позволили ему создать замечательные портреты современников: Белинского, Гоголя, Герцена, Бакунина, В. П. Боткина, Хомякова, Писемского. Воспоминания о Тургеневе дополняют наше представление о личности знаменитого писателя, позволяют уточнить позицию Анненкова в литературе второй половины XIX в. и жанровые особенности его мемуаров.

О природе литературного дара Тургенева и его отношении к миру Анненков писал ещё в статье «Замечательное десятилетие», опубликованной в №1–5 журнала «Вестник Европы» в 1880 г.¹ Рядом с «ярким гением» Белинского в 1840-е гг. началось «быстрое, ослепительное развитие художнического таланта в Тургеневе вместе с развитием качеств его нравственной природы» [Анненков 1983: 230]. Анненков отметил «независимость всех движений Тургенева, свободные переходы его от одного стана к другому, противоположному, от одного круга идей к другому, ему враждебному», что «было загадкой для строгих друзей его» и казалось им легкомыслием и слабохарактерностью [Анненков 1983: 327–328]. В атмосфере страстных прений «партий» — славянофильской и западнической — «не было возможности сохранить что-либо похожее на свободное мнение»; по словам Анненкова, «надо было выбирать между партиями», «обезличить себя» [Анненков 1983: 229]. После возвращения Тургенева из-за границы в мае 1841 г. в нем с первых шагов увидели «истого западника»; о произведениях Тургенева до «Записок охотника», как пишет Анненков, иначе не говорилось, как о чудовищных результатах «западного развития, пересаженных, без

¹ Все мемуарные статьи Анненкова, кроме последней, цитируются по изданию: Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. Статья «Из переписки с И. С. Тургеневым в 1860-х годах» цитируется по первому ее изданию в журнале «Вестник Европы». 1887. №1, 2.

всяких признаков таланта, на русскую почву» [Анненков 1983: 229]. Целая коллекция эксцентрических анекдотов о тургеневских поступках, жестах, высказываниях собиралась противниками и пускалась в ход с прикрасами и дополнениями. Болезненное действие на Тургенева «перестрелки между двумя центрами нашего развития» — московским и петербургским — смягчал Белинский, поверивший в недюжинную наблюдательность и оригинальность пути молодого автора. «Что мне за дело до всех анекдотов о нем, — говорил Белинский, — кто написал “Парашу”, тот сумеет поправить себя, в чем будет нужно и когда будет нужно» [Анненков 1983: 229–230].

В мае 1847 г. друзья Белинского, собрав деньги по подписке, отправили его по рекомендации врачей в Германию на лечение. Тургенев, находившийся тогда в Берлине, встретил его и приехал с ним в Зальцбрунн, куда через несколько дней прибыл из Парижа Анненков, отказавшийся от своих планов путешествия в Грецию и Константинополь, — поступок, глубоко тронувший Белинского. По наблюдениям Анненкова, у Белинского были любимые поговорки, к которым он привыкал. Горячие споры в Зальцбрунне с Тургеневым обычно начинались его добродушной «прибауткой»: «Мальчик, берегитесь — я Вас в угол поставлю». [Анненков 1983: 325]. «Мальчик Тургенев» (ему шел 29-й год) высказывал Белинскому, по словам Анненкова, «подчас очень жесткие истины», особенно об обстоятельствах, мешающих полному развитию человека.

В «Замечательном десятилетии» Анненковым определены особенности личности Тургенева: он «не мог останавливаться долго на одном решении и на одном чувстве — из опасения замешкаться и упустить самую жизнь, которая бежит мимо и никого не ждет. Им овладевал род нервного беспокойства, когда приходилось только издали прислушиваться к ее шуму. Он постоянно рвался к разным центрам <...> и стирал жаждой ощупать возможно большее количество характеров и типов» [Анненков 1983: 326–327]. «Изучение лица стояло у него всегда на первом плане; убеждения ценились не столько по своему содержанию, сколько по свету, какой они бросают на внутреннюю жизнь человека» [Анненков 1983: 331]. Именно эти качества Тургенева позволили ему стать, по мнению критика, «искателем душевных кладов, таящихся в недрах русского мира», «летописцем и историком умственных и душевных томлений всего своего времени» [Анненков 1983: 330, 329].

Анненков обратил внимание и на внутреннюю работу, которая происходила в Тургеневе: «Художником и психологом был он и по отношению к самому себе. Двойной анализ — эстетический и моральный, какому стал он рано подвергать самого себя, переработал всю его нравственную физиономию <...>. Европейская жизнь много помогла ему в этом труде над собой» [Анненков 1983: 331].

Этот «довольно редкий случай оценки писателя как человеческой индивидуальности при его жизни» [Долотова: 617] получил отклик и у самого Тургенева. Он писал Анненкову 26 сентября (8 октября) 1879 г.: «Стасюлевич был здесь перед отъездом в Петербург — и читал мне те места из Ваших воспоминаний, где дело идет обо мне. Я очень умилился и несколько удивился: ведь вот друг — а как глубоко запускает пальцы в душу... и ничего! Не больно. И фактически всё верно» [Тургенев. Письма 12, Кн. 2: 135]. После публикации воспоминаний Тургенев одобрительно отозвался о них и в письме к М. М. Стасюлевичу 7(19) мая 1880 г.: «Прочел я статью Анненкова в “Вестнике Европы”! Это просто чудесно. Меня он вывернул, как перчатку, показав мне самому всё моё сокровенное» [Тургенев. Письма 12, Кн. 2: 248].

Анненков намеревался продолжить записки, о чем он в декабре 1877 г. писал Стасюлевичу, ибо «переходная эпоха от 48 до 58 (вторая замечательная эпоха нашей литературы)» тоже хорошо ему знакома «со всеми её людьми и со всеми ее ошибками, бунтами втихомолку и раздумьем, как выйти из болота, породившими движение 60-х годов, продолжающееся и донныне» [Стасюлевич: 351]. Замысел не был осуществлен [Елизаветина: 647–653], но черновые заметки к очерку содержат краткую и точную характеристику обстановки в России в связи с революционными европейскими событиями 1848 г., воссоздают атмосферу всеобщего смятения, подавленности, страха после процесса Петрашевского и целого ряда арестов [Анненков 1983: 518–538].

В этих заметках прозвучала и тургеневская тема. Очевидно, Анненков задумал уточнить, дополнить описание знакомства с Тургеневым, не скрывая реальных обстоятельств. Он говорит о начальном периоде их сложных отношений вполне откровенно: «Мы были тогда далеко не друзьями» [Анненков 1983: 537]. Объяснение Анненковым причин трудного сближения выполнено беспристрастно [Долотова: 614–615], он пишет об обоюдной антипатии их друг к другу: недоверие, подозрительность — с одной стороны, насмешки и эпиграммы — с другой. Тур-

гениев, по словам Анненкова, «вырабатывал себе нравственный характер с чрезвычайным трудом»; «Он явился из Парижа такой амальгамой любезнейших качеств души и ума с ребяческими пороками — лжи, кокетничанья собою», что невозможно было относиться к нему «с определенным чувством и определенным суждением» [Анненков 1983: 537]. В равной степени Анненков обвинял и себя, считая, что он «был груб и не прав» перед Тургеневым, с трудом освобождаясь от «дерзкой <...> охоты к глумлению над людьми», «от склонности считать пустяками чужую душу и относиться к ней с молодечеством» [Анненков 1983: 537–538]. Годы холодности, «горького высматривания истин друг друга» сменялись возвращением веры в то, «что есть какая-то непреодолимая связь», которая мешает им «разойтись хладнокровно в разные стороны» [Анненков 1983: 538].

В очерке Анненкова «Молодость Тургенева» («Вестник Европы», 1884, №2) парадоксы его поведения — аристократические «шалости», «склонность к эффекту» [Анненков 1983: 390], «себявыставление» [Анненков 1983: 538] — получили иное освещение: изменился подход автора к теме. Анненков рассматривает молодые годы Тургенева в контексте всей его жизни [Кулешов: 28]. Статья начинается с перечисления восторженных оценок тургеневского творчества знаменитыми писателями Европы; названы Ж. Занд, Флобер, Карлейль, Тэн, Доде, Золя, Мопассан, Ренан, Шмидт, Пич и др. По словам Анненкова, значение, какое Тургенев получил между «тремя мирами — романским, германским и русским, которых знал одинаково хорошо» [Анненков 1983: 369–370], стало результатом напряженной внутренней работы. Историю развития тургеневской личности Анненков начинает с первой мемуарной статьи о нём — «Молодость Тургенева»; он видит в этом периоде скрытый подготовительный процесс рождения большого писателя. «Проделки его молодости», как писал Анненков Стасюлевичу в декабре 1883 г. [Стасюлевич: 423], автор воспоминаний воспринимает теперь как проявление «бессознательного творчества», наивно-детской ребяческой выдумки. «Удивительно, что он только малой частью был виноват в упреках, которые ему делали. Богато наделенный природою даром фантазии, воображения, вымысла, он по молодости лет не умел с ними справиться и позволил им сделаться своими врагами, вместо того чтобы держать их в качестве своих слуг» [Анненков 1983: 372]. «Цели юного Тургенева были ясны: ...произведение *литератур-*

ного эффекта и достижение репутации *оригинальности*. В этом заключается и ключ к их правильному пониманию» [Анненков 1983: 373]. В то время, по словам Анненкова, «самым позорным состоянием, в какое может попасть смертный», Тургенев считал «то состояние, когда человек походит на других». «Он спасался от этой *страшной* участи, навязывая себе невозможные качества и особенности, даже пороки, лишь бы только они способствовали к его отличию от окружающих» [Анненков 1983: 373].

Оберегая свою независимость, молодой Тургенев, как пишет мемуарист, «умел мастерски скрывать своё положение». «Никто из друзей не догадывался о скудости его средств в это время», «никому в голову не могла прийти мысль, что по временам он нуждался в куске хлеба». До получения наследства в 1850 г. он, по словам Анненкова, вел «жизнь богемы знатного происхождения, аристократического нищенства» [Анненков 1983: 386]. «Впрочем, — продолжает Анненков, — он никогда не терял надежды сделаться большим баринком и однажды, несмотря на свои лишения, обещал Белинскому 100 душ крестьян, как только представится возможность. Белинский принял в шутку подарок. «Жена, — закричал он, — иди благодарить Ивана Сергеевича: он нас помещиками делает» [Анненков 1983: 386]. Внешний, «напускной» характер поведения молодого автора становится очевидным при обращении к тургеневскому творчеству этих лет, к его главной, внутренней жизни: Анненков не признает «ни малейших признаков фальши» даже в ранних стихотворениях Тургенева, он видит в них внутреннюю правду «мысли и ощущения, которой он научился у Пушкина» [Анненков 1983: 373].

Психологический портрет писателя в очерке «Молодость Тургенева» помогает понять секреты мастерства Анненкова-мемуариста. Он учитывал не только исторические обстоятельства и политические, философские взгляды своих персонажей, но и особенности характера, душевный строй человека. набросок портрета Тургенева в «Замечательном десятилетии» и в черновых заметках конца 1870-х гг. вырастает в подробное повествование о нем. Анненков вникает в «непримиримый, сознательный, постоянный разлад», какой воцарился в отношениях сына с матерью Варварой Петровной Тургеневой [Анненков 1983: 375, 377–379, 386]. Уделил внимание Анненков и «меланхолическому оттенку» в жизни Тургенева, формированию в его сознании высокого пред-

ставления о женской душе и женской любви [Анненков 1983: 381–382]. Воззрение Тургенева на русский женский характер как на воплощение «нравственной силы в обществе» подтверждают, по словам Анненкова, его повести 40-х годов [Анненков 1983: 379], «тот Олимп, который он населил благороднейшими женскими существами». Тургенев «сделался идолом прекрасной половины человеческого рода», но «сам он страдал сознанием, что не может победить женской души и управлять ею: он мог только измучить ее» [Анненков 1983: 382].

Упомянув общеизвестные причины ареста Тургенева в 1852 г., Анненков подчеркнул его отношение к этому факту: «... он отзывался всю жизнь о событии без малейшего признака злобы, без чувства оскорбленной личности, почти равнодушно»; арест на месяц — это была «простая полицейская мера», не раз употреблявшаяся и прежде «для обуздания» писателей [Анненков 1983: 388]. Тяжелее было вынести ссылку под надзор полиции в Спасское, сроки которой не были определены. Тургенева раздражала невозможность располагать собою, что подтвердила его самовольная поездка в Москву по подложному паспорту, «к изумлению и ужасу» его приятелей [Анненков 1983: 389]. Анненков не раскрыл реальных обстоятельств этого факта: Тургенев приезжал в Москву, чтобы увидеться с Полиной Виардо¹; он был в Москве десять дней в марте 1853 г. [Долотова: 625]. Эту сугубо личную тему Анненков не считал возможным затрагивать в воспоминаниях.

Несколько фраз в статье об окончании тургеневской ссылки напомнили о тягостной атмосфере последних лет правления Николая I; подробности освобождения Тургенева, конечно, были известны Анненкову. О помощи гр. А. К. Толстого многим опальным литераторам хорошо известно; Толстой был в близких отношениях с великим князем Александром Николаевичем, будущим Императором². Благодаря содействию А. К. Толстого Тургенев получил положительный

¹ О рискованной поездке Тургенева в Москву во время ссылки см.: Лебедев Ю. В. Жизнь Тургенева. Всеведущее одиночество гения. М.: Центр-полиграф, 2006. С. 243–244.

² Об обстоятельствах сближения А. К. Толстого с цесаревичем (будущим Императором) Александром Николаевичем и о его помощи впоследствии опальным литераторам см.: Роднянская И. Б. Толстой Алексей Константинович // Русские писатели 1800–1917. Т. 6. М. — СПб., 2019. С. 238–241.

ответ на официальное прошение¹ о разрешении выезда в столицы с *признанием своей вины* — эти слова Анненков подчеркнул курсивом [Анненков 1983: 389]. Другого выхода из этой ситуации в те годы не существовало. Анненков имел собственный опыт единоборства с административной системой почти в то же время: в 1854 г. ему пришлось защищать в главном правлении цензуры издание сочинений Пушкина в полном составе. Эту красноречивую историю Анненков изложил в статье «Литературная тяжба» («Вестник Европы», 1881, №1), с описанием, по его словам в письме к Стасюлевичу, «балета, который тогда протанцевала С-Петербургская цензура» [Стасюлевич: 391]. «Вина» Тургенева, — тоже литературного характера, — состояла в публикации в Москве некролога о Гоголе, не разрешенного к печати в Петербурге. Но была, по общему признанию, ещё одна причина ссылки — выход отдельной книжкой в 1852 г. «Записок охотника», после чего был уволен от должности цензор князь В. В. Львов. Анненков убежден: «... и администрация, и публика одинаково смотрели тогда на сочинение Тургенева как на проповедь освобождения крестьян» [Анненков 1983: 385]. К 1880-м гг. эти известные события были уже «пережиты». Для Анненкова была важна их нравственная оценка; факт освобождения Тургенева был преподнесен в мемуарах с грустным юмором. Автор воспоминаний приводит эпизод с тургеневских слов: после заключения парижского мира 1856 г. старый князь Орлов, бывший шеф жандармов, «дружески знакомясь» с Тургеневым «и целуя его в лоб», промолвил: «Кажется, Вы не имеете причин сердиться на меня». Анненков продолжает: «Действительно, никто не сердился, начиная с потерпевшего, на событие. Разве можно сердиться на установившиеся нравы и обычаи, против которых не слышится и протеста общественной совести?» [Анненков 1983: 389].

В статье о молодом Тургеневе Анненков отметил его острый интерес к обществу, к людям самого разного положения и образа мыслей: это могли быть люди с громкими именами и никому не известные [Анненков 1983: 382–385]. «...нельзя было никогда угадать, куда увлечет его голова, работающая в различных направлениях, но можно было указать, зная его прямое сердце, место, где он остановится. Было что-

¹ См. письма Тургенева великому князю Александру Николаевичу, управляющему III отделением Л. В. Дубельту, шефу жандармов гр. А. Ф. Орлово [Тургенев. Письма 2, Раздел Официальные письма: 381–385].

то женственное в этом сочетании решимости и осторожности, смелости и расчета, одновременной готовности на почин и на раскаяние, сообщавшее прелесть его меняющемуся существованию» [Анненков 1983: 381]. Определяя характер молодого Тургенева, его желание примерять «к себе множество ролей» и способность быстро забывать о них [Анненков 1983: 375], Анненков вспоминает персонажей произведений европейских авторов, их имена прозвучали в статье — Манфред, Дон-Жуан, *всемирный ребенок* *Weltkind* (так называет Шиллер героя трагедии Гете «Эгмонт») [Анненков 1983: 376, 381]. Подобные наблюдения содержатся в записках Н. А. Тучковой-Огаревой: вспоминая о знакомстве в Париже в 1848 г. с Анненковым и Тургеневым, рассказывая о странностях, дурачествах Тургенева, о его склонности «к представлениям», она воссоздает эпизод встречи с ним через несколько лет в Петербурге, после ее замужества, когда он попросил Огарева познакомиться его с женой — произошла «какая-то сцена из “Онегина”» [Воспоминания: 144]. Странности Тургенева в записках Н. А. Тучковой отмечены как его чудачества; Анненков в воспоминаниях дал этим фактам психологическое объяснение.

В том же июне 1848 г. Анненков и Тургенев стали очевидцами революционных событий в Париже; мемуарист пишет о замечательной способности Тургенева «подмечать характерные общественные явления, мелькавшие у него перед глазами», что позволило писателю позднее, в 1870-е гг. создать очерки о французской революции поразительной верности [Анненков 1983: 388].

Анненков уловил черты характера молодого Тургенева: «...ему было свойственно стремление к переживанию жизни как можно более яркому, полному и непосредственному, не скованному ни соображениями рассудка, ни излишними нравственными обязательствами» [Долотова: 623]. В то же время любовь к игре и эпиграмме, по словам Анненкова, соединялась в Тургеневе с добротой сердца, с недоверием к себе, с потребностью в критике: «Он нуждался в помощи и благорасположении»; «Он радовался всякому разбору своих произведений, выслушивал его с покорностью школьника, обнаруживая и готовность исправления. Одного замечания о неуместности сравнения Хоря и Калиныча с Гете и Шиллером, допущенного им, было достаточно, чтобы сравнение осталось только на страницах “Современника” 1847, где впервые явилось, и не перешло в следующие издания». Только со временем и возрастом

успеха «приобретает он более правдивый, твердый, уверенный взгляд на самого себя» [Анненков 1983: 381].

Анненков повторяет важную мысль, прозвучавшую в «Замечательном десятилетии», — о нежелании молодого литератора принять доктрины кружков: Тургенев стремился «оградить себя от разного вмешательства посторонней силы в дела своей души, в свободное, независимое цветение своей мысли и фантазии» [Анненков 1983: 376]. Эта черта его личности близка мемуаристу: «И Анненков, и Тургенев больше всего дорожили свободой, не примыкая ни к каким “партиям” и не разделяя никаких догм. <...> Главным для друзей была любовь к искусству...» [Мостовская: 290]. Талант художника был для Тургенева высшей ценностью; о беспристрастии и терпимости Тургенева и в молодые годы говорит его отношение к Островскому и Писемскому — этих сотрудников журнала «Москвитянин» он ввел в круг петербургских литераторов [Анненков 1983: 389].

Коротко, как о материале известном, Анненков упомянул о тургеневской «лепте» в дело основания «Современника» Панаевым и Некрасовым, о сборнике статей, купленном у Белинского для нового журнала; «Тургенев был душой всего плана, устройтелем его, за исключением, разумеется, личных особенностей, введенных в него будущими издателями, с которыми делил покамест все перипетии предприятия. Некрасов совещался с ним ежедневно» [Анненков 1983: 386-387]. Характерно в этой фразе уточнение о «личных особенностях», то есть особенностях личности будущих издателей, но пока все участники предприятия действуют в согласии. Отмечен в статье рассказ «Хорь и Калиныч» как блестящая тургеневская «путеводная звезда, восходящая на горизонте». «Дождавшись первой книги “Современника” на 1847 год, Тургенев выехал за границу». Одной фразой Анненков напомнил о замечательных сочинениях, вышедших в то время: «Удивительный был этот 1846 год»; по странной случайности «тогда были кончены и опубликованы “Обыкновенная история” И. А. Гончарова, “Бедные люди” Ф. М. Достоевского, “Антон Горемыка” Д. В. Григоровича — произведения, открывавшие новые дороги талантам и возвещавшие цветение литературы в скором будущем», что не оправдалось из-за наступивших вскоре событий [Анненков 1983: 387].

Подчеркнут факт, важный в творческой и личной биографии молодого писателя, — его прибытие в 1847 г. «в Зальцбрунн с большим Белинским»: «Тургенев писал тогда “Бурмистра” и прилежно учился по-испански» [Анненков 1983: 386–387]. За подробностями Анненков отсылает читателей к своей статье «Замечательное десятилетие».

Долгая, невидимая работа Тургенева над собой, безотчетная, «в силу одного своего тяготения к добру и истине», имела, как пишет Анненков, свои результаты. «Порывы фантазии, жажда говора вокруг его имени, безграничная свобода языка и поступка — всё приходило в нем или складывалось на наших глазах в равновесие» [Анненков 1983: 393]. По словам Анненкова, Тургенев «успел — к половине долгой жизни — привести нравственную природу свою в такое соответствие с благородством писательских своих помыслов и творчества вообще, что они составили вместе один образ» [Анненков 1983: 369].

Именно этот целостный образ Тургенева в сознании Анненкова определил содержание, интонацию его воспоминаний «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым. 1856–1862» («Вестник Европы» 1885, №3–4). По убеждению Анненкова, главное требование к автору биографического повествования — понимать особенности личности героя: «Живой характер, глубоко обдуманый и искренне переданный, носит уже в себе самом пояснение и оправдание всех жизненных подробностей, как бы разнообразны, противоречивы или двусмысленны ни казались они, взятые врозь и отдельно друг от друга». «Физиономия его <...> должна освещаться сама собой, своим внутренним огнем» [Анненков 1983: 58]. Это правило Анненков сформулировал в «Воспоминаниях о Гоголе», напечатанных в февральской книжке 1857 г. «Библиотеки для чтения»¹: «...для биографа чрезвычайно важно смотреть прямо в лицо герою своему и иметь доверенность к его благодатной природе» [Анненков 1983: 58]. Тургенев, прочитав гоголевскую статью Анненкова, писал ему из Парижа 4(16) марта 1857 г.: «...не могу удержаться, чтобы не сказать Вам великое спасибо... Не говоря уже о том, что подробности о Гоголе драгоценны, то, что Вы говорите об обязанностях биографа, о целостном понимании характера и т. д. — золотые слова...» [Тургенев. Письма 3: 102]. Этому правилу биографического повествования Анненков следовал во всех своих мемуарных заметках.

¹ В издании литературных воспоминаний Анненкова статья называется «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года».

В воспоминаниях Анненкова 1885 г. «Шесть лет переписки» личность Тургенева освещается «сама собой, своим внутренним огнем» — по его письмам к автору мемуаров. Анненков предоставил читателю возможность войти в ближнее окружение Тургенева, услышать голос любимого писателя, его интонации, шутки, мнения по различным поводам. В комментариях к письмам Анненков разъясняет обстоятельства литературных и политических событий, в них упомянутых, уточняет отношение к ним Тургенева. Анненков понимал, как опасно выстраивать свои заключения на основании писем: «Каждая переписка заключает в себе столько случайных настроений автора, <...> что часто приговоры ее о людях и вещах противоречат действительному их значению». Об этом он размышлял в той же статье «Шесть лет переписки», когда коснулся темы «устранения распри» Тургенева с Толстым. Но зная «сущность коренных нравственных основ» своего друга, он был уверен, что избежит ошибочных выводов и сумеет различить «мимолетные увлечения его пера» от «чистосердечных откровений» [Анненков 1983: 456–457].

Статья «Шесть лет переписки» начинается с момента, знаменательного для России: 26 августа 1856 г. состоялась коронация Александра II. В этом году, по словам Анненкова, происходит и поворот в судьбе Тургенева. В августе 1856 г., впервые после ареста и ссылки, он уезжает в Париж. Упомянув о шумных спорах вокруг романа «Рудин», о так называемом «обязательном соглашении» четырех литераторов с редакцией «Современника» и довольно быстром нарушении этой «конвенции», Анненков отметил, что после отъезда Тургенева в Париж «всю зиму 1856/57 г. не было о нем ни слуха ни духа» [Анненков 1983: 398]. Это не совсем так. Анненков знал о тяжелом душевном состоянии Тургенева из его писем к общим друзьям и из тургеневских писем в его собственный адрес, не включенных, однако, в воспоминания¹. Анненков предпочел обозначить некий «пропуск» в их переписке. Ещё по поводу нескольких страниц в «Замечательном десятилетии» Тургенев был благодарен Анненкову за человеческий такт: «Спасибо также за то, что Вы не указали на один (и главнейший) мотив моих тогдашних поступков, внезапных отъездов и т.п. Он в публичность не годится» [Тургенев. Письма 12, Кн. 2: 135]. Тур-

¹ В 3-м томе академического издания писем Тургенева (1961) это письма №№ 509, 513, 518, 526, 528, 533, 539, 543.

гевен имел в виду свои отношения с Полиной Виардо. Как видно из решения Анненкова, тургеневские переживания зимой 1856–1857 гг. тоже не годились «в публичность»¹.

Анненков продолжил свои воспоминания в статье «Шесть лет...» с сентября 1857 г., когда к Тургеневу вернулась прежняя реакция на события. В письме от 23 сентября (5 октября) Тургенев сообщил Анненкову, что изумлен, получив от Некрасова предложение участвовать в альманахе в пользу семейства Белинского: «Я глазам не верю — неужели позволили наконец альманах с именем Белинского на заглавном листе и с отзывами о нем! Как бы то ни было — я с восторгом впрягаюсь в эту карету и буду везти из всех сил» [Анненков 1983: 398]. Весьма показательна, по мнению Анненкова, искренняя радость его друга по поводу явных перемен в общественной жизни России. Тургенев собирался вернуться домой, в Россию, но планы внезапно переменялись, — эта внезапность поступков тоже, по мнению Анненкова, характерная черта его друга. Объясняя своё решение уехать в Рим, Тургенев писал: «...после всех моих тревожений и мук душевных, после ужасной зимы в Париже — тихая, исполненная спокойной работы зима в Риме, среди этой величественной и умиряющей обстановки, просто душеспасительна» [Анненков 1983: 399].

Можно услышать в этом письме ответ Тургенева на письма друзей, которые звали его в Петербург. Вернуться к любящим друзьям звал его и Анненков в письме от 29 декабря 1856 г. (10 января 1857 г.): после шуточного определения взгляда на мир каждого, кто участвовал в *мудрых* обедах Боткина (Дружинин, Писемский, Л. Толстой, Панаев), прозвучала характеристика адресата: «Нам недостает только Вашего *элемента*, и мы часто об нём поговариваем и призываем его. Нет у нас Вашего блеска, фосфора и лёгкого дымочка, который предвещает горение, но не есть оно само и никакой опасности не подвергает. Но шутки в сторону — при сходках наших Вы постоянно у всех на уме и на языке. Да хоть весь мир исколесите — не найдете Вы друзей, более любящих Вас» [Анненков 2005: 51–52]. Однако Тургенев был намерен работать: «В Петербурге мне было бы хорошо со всеми вами, друзья мои, — но о работе нечего было бы думать; а мне теперь, после такого

¹ О любви Тургенева к Полине Виардо см.: [Лебедев: 154–161]; о драматических событиях в жизни Тургенева парижской зимой 1856–1857 года см.: [Лебедев: 321–323, 326–328].

долгого бездействия, предстоит либо бросить мою литературу совсем и окончательно, либо попытаться: нельзя ли ещё раз возродиться духом?» [Анненков 1983: 399].

В мемуарном очерке Анненков сразу переходит к тургеневским впечатлениям от Рима. Однако письма Анненкова к Тургеневу 1857 г. позволяют заглянуть в период, предшествующий Риму, и понять, почему мемуарист умолчал об этом времени в воспоминаниях.

Анненков одобрил решение Тургенева ехать в Рим — в письме от 25 января (6 февраля) 1857 г.: «...от души говорю за себя и за всех — бегите Вы в Италию, куда хотите <...> чтобы Вы были здоровы; нам необходима прекрасная, романтическая и поэтическая безалаберщина вашей жизни». Дружеская интонация позволяет совместить серьезную мысль с шутливым упреком: «Вы в литературе нашей представляете олицетворенное чутьё современности. За это прощаются Вам все ваши бесчисленные измены самому себе, другим, делам и лицам. Вы колоссальный изменщик, делающийся всё любезнее сердцу после каждого пируэта, потому что после каждого пируэта Вы ближе к правде, к истине в труде и проч., чем прежде» [Анненков 2005: 54]. Следующее письмо передает тревогу и растерянность Анненкова: «Что с Вами, что с Вами? Болезнь, хандра, самоненавидение — и все оттого, что спутались в счете своей жизни и своих лет. Порываетесь как в 20 лет, затеваете как в 18, страдаете как в 25, ужасаетесь как в 50; а в свою точку никогда не попадаете. Да, Бог с Вами — пожалуй, еще рассердитесь, как гимназист, и обругаете меня» [Анненков 2005: 56]. И Анненков обращается к тому, что поддается анализу, — Тургенев прислал ему «Поездку в Полесье», высказав сомнение: «...мне кажется, что я в этом рассказе слишком расстегнулся, то есть слишком даю читателю заглянуть в свои непотребные и неопрятные кишки. Если и Вам это покажется, то прошу Вас не давать этого рассказа в печать» [Тургенев. Письма 3: 58]. Подробного разбора рассказа Анненков не дает, но в целом его одобряет: «Личный осмотр себя и приличен, истинен и не пошл» [Анненков 2005: 56]. «Поездка в Полесье» — воплощенное в слове, в сюжете, в колорите то состояние автора, которое встревожило Анненкова.

В одном из писем к Тургеневу Анненков размышлял о двух типах интеллектуального и художественного осмысления жизни: «... на известных ступенях нужен мираж, а на других — дело, — и всякий берет, что ему нужно». В настоящий момент «поле остается вполне за *дельца*-

ми» (курсив Анненкова — *Н. Л.*), что приводит «в отчаяние всех, играющих волшебными фонарями» [Анненков 2005: 57]. Примером игры «волшебными фонарями» может быть тургеневская повесть «Ася», которая потрясла и глубоко тронула Анненкова. «Повесть ваша пронесется по нынешней *звериной* литературе нашей, как благовест», — пишет он Тургеневу [Анненков 2005: 63]. По словам Анненкова, современным любителям грубейших нравов будет недоступен тонкий рисунок характера Аси, останется неясной тайна ее души, но от нее будет исходить некая «электрическая атмосфера»: «не будут знать, откуда обаяние, но будут его чувствовать и от него отбиваться, как от неразумной вещи». Одно замечание в коротком отзыве Анненкова приближалось к «реальному» объяснению сюжета Аси: «Холопско-благородная кровь, которая течет в ее жилах, для меня достаточно объясняет внезапное ее сумасшествие любви <...>. Понятнее окажется лицо героя, потому что в нем более будничной правды». Но в целом повесть ближе к волшебному сочинению и Анненков переходит на язык музыки: «Снова дали Вы душе моей либретто, на котором внутри себя строится большая, большая опера. Оперы Вы, по обыкновению, не написали <...>, но либретто чудное, глубокое и поэтическое» [Анненков 2005: 63]. В критической статье «Литературный тип слабого человека. По поводу тургеневской “Аси”» Анненков выступит в защиту исторической роли дворянских героев в русской литературе, оспаривая отрицательные выводы Чернышевского в статье «Русский человек на rendez-vous» о «Ромео» из повести «Ася» и о его литературных предшественниках. Возможно, именно потому, что «Ася» стала предметом отдельной критической статьи, Анненков не затронул ее в мемуарах, только упомянув о ней в конце статьи среди других шедевров Тургенева.

Письма Анненкова отчасти восполнили заявленный мемуаристом «пропуск в переписке», не нарушив его замысла — следовать образу писателя, в котором «в равновесии» соединились черты личности и высокие идеалы творчества. Драматические моменты в жизни Тургенева, о которых пойдет речь в дальнейшем повествовании Анненкова, добавили живых ярких красок к этому образу.

Римские письма Тургенева носили, по выражению Анненкова, «меланхолический оттенок», — мемуарист имел в виду его жалобы на судьбу, на здоровье: «...ему мерещились исключительные бедствия» по причине «неустанно работавшего воображения»; «...с 1857 года Тур-

генов стал думать о смерти и развивал эту думу в течение 26 лет, до 1883 года, когда смерть действительно пришла, оставаясь сам все время, с малыми перерывами, совершенно бодрым и здоровым»; «кроме бронхитов и простудных воспалений горла — наступила эпоха ужасов перед холерой, когда он не пропускал почти ни одной значительной аптеки в Москве, Петербурге, Париже и Лондоне, чтобы не потребовать у них желудочных капель и укрепляющих лепешек»; иногда «он считал себя то укушенным бешеной собакой, то отравленным и сам смеялся над собой, когда припадок его проходил» [Анненков 1983: 403]. Эти наблюдения мемуариста — результат многолетнего общения с писателем; в письмах к Тургеневу Анненков тоже частенько иронически воспринимал мнимые болезни своего друга.

В Риме Тургенев познакомился с Александром Ивановым, замечательным живописцем, видел его картину «Явление Христа народу»¹, которая, по словам писателя в письме к Анненкову, «по глубине мысли, по силе выражения, по правде и честной строгости исполнения вещь первоклассная. Недаром он положил в нее 25 лет своей жизни» [Анненков 1983: 400]. Тургенев увидел в картине А. Иванова «знак к противодействию Брюлловскому марлинизму», считая Брюллова в искусстве и Марлинского в литературе близкими явлениями. В письме Тургенева от 1 (13) декабря 1857 г. нападки на Брюллова были ещё сильнее: «Брюллов — фразер без всякого идеала в душе, этот барабан, этот холодный и крикливый ритор — стал идолом, знаменем наших живописцев!» [Анненков 1983: 406]. Тургеневские «страшные “при” с русскими художниками» Анненков предпочел в воспоминаниях не комментировать, ибо Тургенев отвечать уже не мог. Но Анненков заметил: в презрительной оценке Брюллова Тургенев «совершенно сходился с обычным своим возражателем В. В. Стасовым, который очень горячо и остроумно отстаивал перед ним право русских живописцев не уважать Рафаэля и итальянских идеалистов XVI столетия» [Анненков 1983: 404]. Показался несправедливым Анненкову и «суровый приговор Ивана Сергеевича: “плохо искусству в России”, — оно незаметно шло вперед». В защиту Брюллова Анненков подчеркнул его «смелый выбор тем и замечательную виртуозность при их исполнении» — «ка-

¹ Воспоминания об Александре Иванове, размышления о его таланте в очерке 1861 г. «Поездка в Альбано и Фраскати» будут позднее включены Тургеневым в «Литературные и житейские воспоминания».

чества, которые и сделали его имя необычайно популярным в среде соотечественников» [Анненков 1983: 404]. Размышления Анненкова на весьма специальную тему из истории живописи вызваны, вероятно, категоричностью тургеневских «приговоров» при общении писателя с русскими художниками в Риме.

Римские впечатления Тургенева позволили Анненкову отметить ещё одну важную черту характера своего друга. Анненков понимает тургеневское восхищение воздухом и светом Рима в письме к нему: «Каждый день совершается какой-то светлый праздник на небе и на земле; каждое утро, как только я просыпаюсь, голубое сияние улыбается мне в окна» [Анненков 1983: 405]. В то же время он уверен, что «Тургенев не мог быть жильцом Италии, как ни любил ее» — по «причине психической»: он не мог «заключиться в себе самом и довольствоваться анализом великих ощущений и мыслей, навеваемых Италией». В глазах Анненкова его друг — человек современной европейской культуры, «которому нужен был шум и говор большого, политически развитого центра цивилизации, интересные знакомства, неожиданные встречи, прения о задачах настоящей минуты» [Анненков 1983: 407]. Справедливость этого суждения, считает Анненков, подтвердил тот факт, что с 1858 г. Тургенев «уже более никогда не возвращался в любимый Рим, в превозносимую им Италию» [Анненков 1983: 408].

Значительным событием в судьбе Тургенева в эти годы Анненков называет успех романа «Дворянское гнездо»; после его появления в печати в январской книжке «Современника» 1859 г. репутация Тургенева «как общественного писателя, психолога и живописца нравов устанавливается окончательно» [Анненков 1983: 415]. Наблюдательный Анненков объясняет скрытую от внешних глаз способность Тургенева «в частых и продолжительных своих переездах обдумывать нити будущих рассказов, так же точно, как создавать сцены и намечать подробности описаний, не прерывая горячих бесед кругом себя и часто участвуя в них весьма деятельно» [Анненков 1983: 414–415]. Ещё одно профессиональное качество Тургенева подчеркнул Анненков: «Он не позволил отуманить себя общественными похвалами, а, напротив, ... взгляд его на самого себя приобретал особенную трезвость и ясность» [Анненков 1983: 416]. Тургенев не остался на «том же счастливом мотиве», какой принес ему колоссальный успех, — он тут же обратился к замыслу романа «Накануне» совершенно другого характера.

Тургеневские письма позволили Анненкову показать различные эмоциональные состояния своего друга, передать его восприятие европейских и российских политических событий, его оценки литературных явлений. Веселая насмешливость при описании военных торжеств в Париже в августе 1859 г., вызванная, по словам Анненкова, «плагиатами Наполеона III из императорского Рима» [Анненков 1983: 420], определила стиль и язык письма Тургенева, пересыпанного латинскими изречениями, — «не могу не говорить по-латыни» [Анненков 1983: 422]. От этого триумфа Тургенев сбежал в Виши, а потом в Куртавнель. От природы Тургенев был противником «всего деланного, официально праздничного, декоративного», — заметил Анненков, объясняя ироничное отношение его друга к национальному самолюбию французов, их самообожанию [Анненков 1983: 419]. Юмор смягчает категоричность суждений Тургенева, сообщает письму веселый колорит. Вспоминая, кого из русских он видел за границей, Тургенев особо выделяет Боткина шутливым сравнением: «Боткин тайком пробрался в Англию, кажется на остров Уайт, и не дает знать о себе. Коты так пробираются украдкой по желобам крыш» [Анненков 1983: 422]. В другом письме тема о. Уайт шутливо обыгрывается ещё раз; перечисляя всех русских, которые оказались в августе 1860 г. на острове или намерены были туда прибыть, Тургенев заключает: «Наша коллегия будет так велика, что, право, не худо бы подумать, не завоевать ли кстати этот остров?» [Анненков 1983: 435].

Анненков обратил внимание на выразительность образов друзей, приятелей и знакомых в тургеневских письмах. Л.Н. Толстой, его брат Николай Толстой, гр. Е. Е. Ламберт, В. П. Боткин, Я.П. Полонский, Т.Г. Шевченко, Марко Вовчок (г-жа М. А. Маркович), А.А. Фет, А.А. Слепцов и др. — имена соотечественников мелькают в текстах писем. По словам мемуариста, эти краткие портреты «никого оскорбить не могут»; в них Анненков видит «только незлобивое, остроумно-критическое отношение к личностям, во что обратилась его старая привычка определять их карикатурой» [Анненков 1983: 435].

Три драматических сюжета из жизни Тургенева этих лет вошли в воспоминания «Шесть лет переписки». Во всех трех конфликтных ситуациях для Анненкова более значимым был нравственный смысл события и эмоциональный след от него в душе Тургенева.

Подробно комментирует Анненков разрыв Тургенева с «Современником» и Некрасовым, рассматривая это событие в потоке других впе-

чатлений 1859–1860 гг., — очевидно, намеренно не давая его «в фокусе», чтобы сохранить ощущение реального течения жизни. Формальный разрыв Тургенева с издателями «Современника» происходит с появлением романа «Накануне», но, по мнению Анненкова, «полемика, возникшая позднее по поводу разрыва, преувеличила его размеры в такой степени, какой он сначала вовсе не имел» [Анненков 1983: 424]. «Не разность мнений была первой причиной разрыва с “Современником”, а отказ Тургенева отдать в журнал новую свою повесть и намерение прекратить вообще свои вклады в него» [Анненков 1983: 425]. Анненков явно учитывал прозвучавшие тогда же *мнения* об идейном расхождении Тургенева с «разночинными» авторами «Современника», но настаивал на своем объяснении личностного характера размолвки писателя с редакцией журнала. Некрасов желал иметь повесть «Накануне» в своем журнале и по причине ее либерального содержания и потому, чтобы укрепить в публике мнение о дальнейшей принадлежности Тургенева именно к этому изданию. «Уговоры и обольщения, пущенные в ход Некрасовым», даже денежные предложения, были отвергнуты. Более того, Тургенев через несколько дней «потребовал в конторе “Современника” полного расчета за всё старое время», а счета эти, дружеского характера с 1847 г., были так запутаны, что было неясно, под бременем какого долга он состоит у Некрасова. «Другая сторона не торопилась исполнить его просьбу, может быть, и потому, что понимала выгоду, какую имеет всякий кредитор держать в некоторого рода зависимости своего должника». Счет был все-таки представлен. «Безропотное, покорное очищение его сделалось именно сигналом полного разрыва между старыми друзьями — Тургеневым и Некрасовым» [Анненков 1983: 425].

В письме к Анненкову из Спасского от 23 октября 1859 г. Тургенев упомянул, что Некрасов при встрече с ним в Петербурге, уже зная, что тургеневская повесть будет в «Русском Вестнике», просил позволения напечатать, что журнал получит от него какое-нибудь новое произведение. «Знаменитая, более остроумная и блестящая, чем неотразимо убедительная, речь Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», сказанная им в январе 1860 г. на вечере литературного фонда, явилась, по обыкновению, на страницах «Современника» [Анненков 1983: 427]. Это была последняя публикация Тургенева в «Современнике».

Анненков пытался приостановить наметившийся конфликт: он не выполнил просьбу Тургенева, не передал его «полунасмешливую, полу-

вызывающую» записку И. И. Панаеву в октябре 1860 г., текст которой приведен в статье. «Письмо осталось в моих бумагах. Я не отослал его по адресу из одного соображения: при разгоравшейся ссоре не следовало подкладывать ещё дров и раздувать пламя» [Анненков 1983: 430]. Однако «дипломатическое умолчание Анненкова» [Долотова: 633] не повлияло на ход событий. Уже наметившаяся «несовместимость» Тургенева с ведущими сотрудниками «Современника» привела к неизбежному результату.

Комментируя споры о «Накануне», Анненков специально выделил резко отрицательный отзыв о романе графини Ламберт, ещё до публикации, как весьма характерный и по существу и по реакции на него Тургенева, который тут же сообщил запиской Анненкову об этом «преоригинальном обстоятельстве»: гр. Ламберт «неопровержимо» доказала автору, что его роман «фальшив и ложен от А до Z» [Анненков: 423]. Тургенев, «болезненно прислушливый к мнениям о своих произведениях» [Лебедев: 251], был готов сжечь роман. «Через полчаса размышления сообща» — Тургенева с Анненковым — «Накануне» было спасено. Анненков объяснил, что графиня Ламберт, умная и чуткая почитательница тургеневского таланта, «не любила, чтобы искусство искало помощи и содействия политики, философии, чего-либо постороннего», и не допускала «увлечения болгарской идеей на Руси и особенно в женском сердце» [Анненков 1983: 424].

В спорах о романе «Накануне» после его публикации в «Русском Вестнике» публика разделилась на два лагеря: университетская молодежь, писатели, «энтузиасты освобождения угнетенных племен» одобрили либеральный, возбуждающий тон повести; но светская публика была встревожена, она жила спокойно и «ужаснулась настроению автора, поднимавшего повестью страшные вопросы о правах народа и законности» [Анненков 1983: 423]. Вдохновенная Елена, ее энтузиазм казались этой публике аномалией в русском обществе. Анненков процитировал популярное высказывание: «Это “Накануне” никогда не будет иметь своего завтра» (как уточняют комментаторы академического издания Тургенева, это были слова кн. П. А. Вяземского). Но повесть, по словам Анненкова, «дождалась своего завтра — и притом кровавого — через 17 лет, когда в самой Болгарии русская кровь лилась ручьями за спасение этой несчастной земли» [Анненков 1983: 423]. Размышления Анненкова позволяют сделать вывод, что политический

мотив в «Накануне» Анненков связывает именно с «болгарской идеей», не затрагивая тургеневского понимания этой идеи в контексте романа и русской ситуации 60-х гг.

Одной из причин разрыва Тургенева с «Современником» было, по мнению Анненкова, отрицательное отношение молодых сотрудников журнала к либеральным идеям и героям предшествующего периода общественной истории. Насмешки, «потешание» над самим Тургеневым в «Свистке» не задевали, не оскорбляли его, о чем он пишет Анненкову из Парижа в январе 1861 г., — «всё это в порядке вещей» [Анненков 1983: 453]. Но отрицание исторических заслуг деятелей минувших десятилетий, искажение молодыми критиками смысла произведений на эту тему Тургенева возмущало. Анненков цитирует тургеневское письмо из Парижа от 12 октября н.с. 1860 г., в котором он упоминает о «пассаже» с указанием страницы в июньском номере «Современника» текущего года: «г. Добролюбов обвиняет меня, что я преднамеренно на Рудина сделал карикатуру, для того чтобы понравиться моим *богатым* литературным друзьям, в глазах которых всякий бедняк мерзавец. Это уже слишком — и быть участником в подобном журнале уже не придется порядочному человеку» [Анненков 1983: 428]. Тургенев приписал Добролюбову рецензию Чернышевского на книгу Н. Готорна «Собрание чудес. Повести, заимствованные из мифологии»; не называя имени Тургенева, Чернышевский в своей статье оценил образ Рудина как пародию на Бакунина [Долотова: 633].

Подмена имени рецензента показательна: Добролюбов подчеркнуто иронически, пренебрежительно относился к Тургеневу. Статья Добролюбова о «Накануне» («Когда же придет настоящий день») стала конкретной причиной выхода Тургенева из «Современника». Революционное толкование Добролюбовым смысла сюжета искажало авторский замысел романа. В ситуации выбора («я или Добролюбов») Некрасов предпочел сохранить за журналом актуальное публицистическое направление. Позднее, в декабрьском письме 1861 г. к Анненкову Тургенев сожалел о смерти критика: «Огорчила меня смерть Добролюбова, хотя он собирался меня съесть живым. Последняя его статья <«Забитые люди»>, как нарочно, очень умна, спокойна и дельна» [Анненков 1983: 474].

Ещё одно доказательство, по мнению Анненкова, этических оснований разрыва Тургенева с «Современником» — объявление подпис-

чикам в журнале, что по причине «разности взглядов и убеждений» редакция отказалась от сотрудничества с автором «Записок охотника». Тургенев выступил с публичным опровержением редакционного сообщения в «Письме к издателю “Северной пчелы”». Впоследствии Тургенев сожалел о своей попытке внести ясность в это дело. Анненков процитировал несколько слов Тургенева на эту тему из его статьи 1868–1869 гг. «По поводу “Отцов и детей”», подчеркнув категорический призыв писателя: «Друзья мои, не оправдывайтесь никогда, какую бы ни взводили на вас клевету; не старайтесь разъяснить недоразумения, не желайте — ни сами сказать, ни услышать *последнее слово*. Делайте своё дело, а то всё перемелется...» [Анненков 1983: 430]. Дело всей жизни Тургенева — творчество; своему призванию художника он остался верен¹.

Итак, излагая историю выхода Тургенева из «Современника», Анненков настаивал на этических мотивах конфликта. Заканчивая этот сюжет, Анненков сообщил о покаянных настроениях Некрасова после разрыва с Тургеневым, другом молодости, что усиливало версию сугубо личностных причин события. «Если Тургенев каялся в своем вмешательстве в дело, касавшееся до него лично, то ещё в сильнейшей степени раскаивался и Некрасов в том, что начал его так смело и решительно». Выбор редактора «Современника» в пользу новых героев времени обеспечил громадную популярность журнала, но это «не мешало Некрасову сознавать грехи своей полемики». Анненков рассказал о нескольких визитах Некрасова к нему и о его покаянных воспоминаниях, о высказанном намерении «покончить эту безобразную (так он выразился) ссору». «Никто яснее Некрасова не видел собственных проступков и прегрешений и никто не следовал так постоянно по раз выбранному пути, хотя бы и осужденному его совестью. Это была странная настойчивость, которую подчас он старался искупить великодушием и готовностью на многочисленные жертвы. <...> он всю жизнь состоял под настоятельной потребностью самоочищения и искупления, не исправляясь от грехов, в которых горячо каялся» [Анненков 1983: 431].

И все-таки в конце статьи «Шесть лет переписки» после разговора о романе «Отцы и дети» Анненков признает, хотя и с оговорками, идейные основания разрыва Тургенева с «Современником»: его издатели «были отчасти правы, когда говорили, что разность мнений и убежде-

¹ О причинах разрыва Тургенева с Некрасовым см.: [Лебедев: 268–270].

ний понудила их расстаться с Тургеневым». Обсуждения причин разногласий осенью 1860 г. не прошли даром, в возражениях и объяснениях сформировался план романа «Отцы и дети» и «облик главного его лица — Базарова — с его надменным взглядом на человечество и свое призвание» [Анненков 1983: 476]. Тогда же было найдено «и меткое слово, хотя вовсе и не новое, но отлично определяющее» героя, его единомышленников и самое время — нигилизм. «Русская молодежь долго не могла простить Тургеневу этого слова»; немало огорчений это слово внесло в жизнь Тургенева, начиная с похвал «за счастливое выражение» и кончая «обвинениями в предательстве и отречении от своих убеждений» [Анненков 1983: 477].

Разграничить этические и идеологические причины разрыва Тургенева с Некрасовым и «Современником» невозможно. В воспоминаниях Чернышевского и других деятелей революционно-демократического направления общественной мысли даны социальные и идейные объяснения разногласий внутри «Современника». Это одна крайность. Анненков в воспоминаниях подчеркивает этические мотивы конфликта, хотя роман «Отцы и дети», по его мнению, возник именно в результате столкновения «мнений и убеждений» сторон. В некоторых биографических романах о Тургеневе эти полярные объяснения даны в едином сплаве. Как пишет Б. К. Зайцев, «новых людей, “разночинцев”, весьма лево устремленных, не мог не раздражать Тургенев своею барственностью, громадной просвещенностью, избалованностью, красноречием, французским языком салонов XVIII века, изяществом одежды, <...>, может быть, небрежной снисходительностью иногда, тоном «сверху вниз». А его задевало плебейство их, невоспитанность, грязные ногти, самоуверенность, иногда прямо наглость» [Зайцев: 280–281]. «Накануне» было началом; после «Отцов и детей» «Тургеневу предстояло пройти сквозь строй» [Зайцев: 282].

Рассматривает Анненков второй эпизод из жизни Тургенева того же времени, «немало огорчавший его», — «литературное недоразумение с романистом-художником Иваном Александровичем Гончаровым». Анненков останавливается только на выводах третейского суда 29 марта 1860 г., потребованного Тургеневым из-за обвинения его в литературных заимствованиях из произведений Гончарова. Анненков, один из экспертов, стал свидетелем глубокого нравственного переживания Тургеневым этой истории. Гончаров, казалось, остался доволен реше-

нием экспертов. «Не то, однако же, случилось с Тургеневым», который «дрожащим от волнения голосом» произнес своё заключение о прекращении дружеских отношений с Гончаровым. «Я помню каждое его слово, как и выражение его физиономии, ибо никогда не видел его в таком возбужденном состоянии», — Анненков полностью процитировал высказывание Тургенева: «То, что произошло между нами, показало мне ясно, какие опасные последствия могут являться из приятельского обмена мыслей, из простых, доверчивых связей. Я остаюсь поклонником вашего таланта <...>, но сердечного благорасположения, как прежде, и задушевной откровенности между нами существовать уже не может с этого дня» [Анненков 1983: 433]. Позже они помирились — в 1864 г. на похоронах А. В. Дружинина. Но это примирение, по словам Анненкова, «не могло восстановить вполне прежних добрых их отношений».

Третий сюжет 1861 г. — ссора с гр. Л. Н. Толстым — потребовал от мемуариста особой осторожности, так как, по словам Тургенева в одном из его писем к Анненкову, «дело висело на волосок от дуэли, и теперь ещё волосок не порвался» [Анненков 1983: 462]. Анненков признает противоречивость тургеневских объяснений причин ссоры и не оправдывает своего друга, просто приводит его письма на эту тему, дополняя их сведениями об отношении его противника к конфликту: Толстой был не намерен драться с Тургеневым, «чтобы не сделать их обоих сказкой читающей русской публики, которую он питать скандалами не имеет ни охоты, ни повода» [Анненков 1983: 462]. Тургеневских извинений Толстой, однако, не принял. В письме к Анненкову от 10 июля 1861 г. Тургенев упомянул о дуэли: «Нелепое мое дело с Толстым окончательно замерло, то есть мы окончательно разошлись, но драться уже не будем. То-то была чепуха! Но я повторяю, что *виноватым в ней был я*» (курсив Тургенева — Н. Л.) [Анненков 1983: 464]. Неожиданное обстоятельство прекратило дело, «которому и начинаться не следовало» [Анненков 1983: 463]: слух о распространении по Москве оскорбительного для Тургенева письма Толстого оказался чьей-то выдумкой. Любопытно сопоставить звучание этой темы в воспоминаниях Анненкова и в переписке друзей. Об угрозе дуэли Анненков в письме к Тургеневу от 29 июня (11 июля) 1861 г. высказался категорически отрицательно, с тремя восклицательными знаками: «Дуэль!!! Счастливый Вы человек, что можете иметь перед собой возможность дуэли за разноречие и антипатию». И продолжал с откровенной иронией: «Аристократическая

вещь — дуэль. И так аристократическая, что кроме графчиков дерутся только шулера, да офицеры после волосяной потасовки. С моей плебейской точки зрения, которая может сделаться, кажется, всесветской — дуэль может иметь место, когда вызовут человека или когда он дерется за другого, сестру, жену, мать, а не за себя»; «...известие о дуэли вызвало у меня ряд очень неприятных мыслей, которые со всей откровенностью и складываю в Вашу грудь» [Анненков 2005: 107–108]. Тургенев ответил не сразу, Анненков включил в статью его письмо от 6 (18 августа) 1861 г.: «О моей глупости с Т. (Толстым) говорить не стану, она давно упала в Лету, оставив во мне ощущение стыда и конфуза, которое возобновляется всякий раз, как только воспоминание коснется всей этой нелепой проделки. Мимо!» [Анненков 1983: 465].

Можно признать, что переписка более выразительна, чем изложение истории конфликта в воспоминаниях, — она сохраняет яркость субъективных переживаний. Сопоставление писем с мемуарами позволяет понять принцип отбора фактов Анненковым, механизм его собственной «цензуры»: воспоминания он создавал для истории русской литературы, он стремился сказать о своем друге, художнике и человеке, самое важное, следуя главному требованию к автору биографического повествования — видеть характер героя в целом, «иметь доверенность к его благодатной природе». Анненков не скрывал ошибочных, «неверных» поступков Тургенева, но был уверен, что «нравственная доблесть его превышала все его недостатки, и требовалось много усилий и громадное количество литературных и жизненных неприличий, чтобы из такого человека сделать себе врага и недоброжелателя» [Анненков 1983: 385].

Важнейшая тема воспоминаний «Шесть лет переписки» — «великий 1861 год, который своим днем 19 февраля, то есть днем уничтожения крепостного права, изменил всю нравственную физиономию России» [Анненков 1983: 445]. Анненков подробно освещает атмосферу в русском обществе, «напряженное состояние умов» в годы, предшествующие реформе. «Время, которое мы тогда переживали, — пишет Анненков, — было тревожное вообще как у нас дома, так и на Западе» [Анненков 1983: 440]. День 19 февраля 1861 г. и связанные с ним события — в центре внимания автора. Анненков цитирует тургеневское письмо из Парижа о нетерпеливом ожидании телеграммы из России и последующих сообщений о состоянии Петербурга

в этот день. По словам Тургенева, «великий указ, — указ, ставящий царя на такую высокую и прекрасную ступень» [Анненков 1983: 448], был воспринят в Париже с волнением и слезами умиления. Тургенев описывает «благодарственный молебен в здешней церкви», «очень умную и трогательную речь» священника Васильева; исторические имена присутствующих на службе усиливают впечатление: «Передо мной стоял Н. И. Тургенев и тоже утирал слезы... Тут же находился старик Волконский (декабрист). «Дожили мы до этого великого дня», — было в уме и на устах у каждого» [Анненков 1983: 450]. Тургенева удивила тишина в русской столице, о которой сообщил Анненков: «ни бешеного восторга, ни энтузиазма, достигающего границ анархии, — ничего подобного». «Петербург оставался совершенно покоен» [Анненков 1983: 447].

В переписке Анненкова с Тургеневым содержится более подробная информация об отношении к манифесту в Петербурге и в деревне. В письме Анненкова от 6 (18) марта 1861 г. прозвучали два контрастных мотива — душевного волнения автора, очевидца важнейшего исторического события, и безучастного отношения народа к этому событию. В день объявления манифеста, 5 марта, народ, по словам Анненкова, «не имел никакой физиогномии, кроме обыкновенной масляничной» [Анненков 2005: 103]. Манифест, подписанный царем 19 февраля «в величайшем секрете», 5 марта читали во всех православных церквях России. Анненков находился во Владимирской церкви, разослав своих приятелей в другие храмы Петербурга, так как он был «в секрете» и знал «о сюрпризе»; «езде произошло одно и то же, — рассказывал Анненков в письме. — Вышел поп после обедни, развернул печатный лист, народ вдруг притих, <...> и в мертвом молчании выслушали речь, составленную из помеси канцелярской редакции и ложнобиблейской витиеватости»; только в одном месте «церковь вся зашелестела», где манифест провозгласил: «Осени себя крестом, народ, и призови благословение Божие на свободный труд»; «голос попа Владимирского (честного человека, как видно) задрожал от слёз — и меня ... передернуло внутри, как и всех». В этот же день в утренней опере в антракте оркестр заиграл «Боже, царя храни», «все поднялось как один человек, три раза заставили повторить гимн и заглушили его криками ура. <...> Я никогда не чувствовал в себе такой умилительной преданности к царю, как в эту минуту»; день закончился «по балаганам и кабакам

наиболее привычным образом, как будто народ не получал никакого сюрприза, а только должное, ему следующее и задержанное слишком долго неисправным плательщиком»; смутился народ «от двух лет переходного состояния и ... от усиленного вразумления, что земля не его, а делается его только выкупом и приобретением» [Анненков 2005: 103–104].

В воспоминаниях Анненков дал короткое объяснение равнодушной встречи «со стороны народа громадного переворота в его судьбе»: умиление «совсем не составляло коренной народной принадлежности»; народ давно и постоянно, в течение 200 лет, ожидал восстановления отнятого у него права «свободно располагать собою» [Анненков 1983: 447]. Время манифестаций и контрманифестаций наступит позднее, когда настоящие результаты «Положения о крестьянах» скажутся вполне, когда они обойдут всю империю, когда обнаружится, в чем они противоречат «психическим особенностям народа» [Анненков 1983: 447]. Пока же манифест у «образованного» сословия вызвал разного рода реакцию: в Париже, по словам Тургенева, «господа русские путешественники очень взволнованы и толкуют о том, что их ограбили» [Анненков 1983: 450]. Более понятны Анненкову «слезы умиления», которые «пролились и в Париже почти одновременно с Петербургом». «Ник. Иван. Тургенев и князь Волконский имели основание проследиться ещё и потому, что мечты их молодых годов в эпоху царствования императора Александра I осуществлялись тогда, когда их самих уже ожидала могила» [Анненков 1983: 451]. После описаний событий «энциклопедически-панорамическим пером» Анненкова — такую характеристику дал его эпистолярному стилю Тургенев в своем письме [Анненков 1983: 448] — он признал «близорукость» ожиданий [Анненков 1983: 450].

Откровенные размышления Анненкова о ходе реформы в письмах к Тургеневу весной 1861 г. дополняют краткие сдержанные комментарии к событиям в воспоминаниях 1885 г. и подтверждают близость собеседников в их оценке. Объясняя недоумение крестьян, Анненков заметил, что сложные установки Положения «иногда идут наперекор» народным представлениям «о праве и собственности». И добавил: «Мерзости всегда подходили к нам исподтишка. Так подошло к нам, ползучи на животе, пядень за пяденью, и крепостное право; так подползет, пожалуй, и зависимость от земляного капитала» [Анненков

2005: 104–105]. Он упомянул о частных волнениях крестьян, «у которых в голове не сходятся понятия об уничтожении крепостного права с сохранением на два года его атрибута — барщины» [Анненков 2005: 106]. Новые подробности отношения крестьян к манифесту Анненков сообщил в летних письмах из своей деревни Чирьково в Симбирской губернии: «Что касается до мужиков, то я нашел их мрачными», «они смотрят, как люди, которых обсчитали»; «Политические права им даются у нас, как скрижали Моисею, при громе, молнии и вое бури»; «Крестьяне уже составили убеждение себе, что воля должна вводиться точно так, как рекрутский устав, переселение в Сибирь и ссылка на Амур — с отпором на одной стороне, кнутом и экзекуцией на другой...» [Анненков 2005: 107]. Явный отклик на суждения Анненкова слышен в июльском письме Тургенева из Спасского, включенном в воспоминания: «Но прежде всего — ни слова о крестьянском деле (хотя я очень Вам благодарен за доставленные подробности). Это дело растет, ширится, движется во весь простор российской жизни, принимая формы большей частью безобразные. И хотеть теперь сделать ему какой-нибудь путный *rezume* — было бы безумием, даже предвидеть задолго ничего нельзя. Мы все окружены этими волнами, и они несут нас»; «...мужички поняли одно, — что их бить нельзя и что барская власть вообще ослаблена», крестьяне «на новые свои власти смотрят странными глазами» [Анненков 1983: 464]. Так и пошло дальше: Анненков повторяет в ответном письме: «ни слова о крестьянском вопросе», тут же сообщая очередные факты «крестьянской демократии», признавая, что «социальная идиллия всё же принадлежит искусству, как бы она накладна ни была карману» [Анненков 2005: 108]. Одно несомненно, — делает вывод Анненков в воспоминаниях из тургеневских писем и по собственному опыту, — «освобождение крестьян есть война, а не мир» [Анненков 1983: 459].

Можно заметить, что тема «великого 1861 года» — после первого яркого аккорда — идет в мемуарах вперемешку с историей тургеневской ссоры с Толстым, с рассказом о неприятных потерях Тургенева при издании его сочинений Н. А. Основским [Анненков 1983: 451–456], с объяснением запутанных отношений владельца Спасского с управляющим имением, его дядей Н. Н. Тургеневым [Анненков 1983: 459–460]. В летних тургеневских письмах этого года «крестьянская» тема соседствует с подробностями деревенского быта писателя, охоты, с его

впечатлениями от новой «лающей, рыкающей литературы» [Анненков 1983: 463, 466]. Одним словом, историческое событие, данное в потоке других жизненных явлений совсем иного масштаба, теряет высокое звучание. Вероятно, такое построение воспоминаний имело целью «приглушить» пафос темы, подчеркнуть ущербный характер реформы.

Одновременно с великим событием случилась счастливая перемена в жизни Анненкова — 22 февраля 1861 г. состоялась его свадьба [Анненков 1093: 446]. Отклик Тургенева на это событие, который явно в публичность не годился, Анненков решил включить в воспоминания: «Слава Богу! Свил себе человек гнездо, вошел в пристань — не все мы, стало быть, ещё пропали! То, о чем я иногда мечтал для самого себя, что носилось передо мною, когда я рисовал образ Лаврецкого — свершилось над Вами, и я могу признать всё, что дружба имеет благородного и чистого, в том светлом чувстве, с которым я благословляю Вас на долгое и полное счастье. Это чувство тем светлее, чем гуще ложатся тени на собственное моё будущее; я это сознаю и радуюсь бескорыстию своего сердца». Предлагая читателю это задушевное тургеневское письмо, Анненков заметил: «Пусть упрек в нескромности падет на меня, но скрыть одну черту его характера я не мог» [Анненков 1983: 455]. Возможно, Анненков имел в виду не только «бескорыстие сердца» Тургенева. В этом же письме Тургенев объяснил своё отношение к «делу» издателя Основского, отказ участвовать в протестах против этого «придавленного» человека, который оказался «разорен и опозорен»; слова Тургенева Анненков выделил курсивом: «Я никогда не позволил бы себе осудить окончательно человека бездоказательно» [Анненков 1983: 456].

Воспоминания Анненкова заканчиваются разговором о романе «Отцы и дети», над которым Тургенев, по собственным признаниям, работал «усердно, долго, добросовестно» [Анненков 1983: 466], главным образом, в летние месяцы 1861 г. в своем Спасском. Получив в сентябре от Каткова в Москве рукопись, Анненков «в два дня проглотил роман», признав его «грандиозным созданием» [Анненков 1983: 468], и изложил своё мнение о романе в письме к Тургеневу в Париж [Анненков 2005: 109–112]. Замечания Анненкова отчасти были учтены Тургеневым¹. В воспоминаниях Анненков почти дословно

¹ О роли Анненкова в окончательном оформлении романа см.: [Жекулин 1998: 3–15].

изложил свой спор с Катковым о романе «Отцы и дети». Катков увидел в Базарове «апофеозу радикализму»: «Как не стыдно Тургеневу было спустить флаг перед радикалом и отдать ему честь, как перед заслуженным воином. <...> Подумайте только, молодец этот, Базаров, господствует безусловно надо всеми и нигде не встречает себе никакого дельного отпора. Даже и смерть его есть еще торжество, венец, коронующий эту достославную жизнь, и это, хотя и случайное, но все-таки самопожертвование» [Анненков 1983: 468–469]. Ещё до публикации романа («Русский Вестник» 1862, №2) определились, пишет Анненков, два полюса в его восприятии. «Одни осуждали автора за идеализацию своего героя», другие, напротив, упрекали Тургенева «за антилиберальный дух», какой они чувствовали в образе Базарова. По словам Анненкова, «время обнаружило, что обе точки зрения были одинаково несостоятельны»: лучшее, совершеннейшее творение Тургенева явилось художественным отражением целой эпохи [Анненков 1983: 470].

«Шесть лет переписки с Тургеневым» Анненков готовил тщательно, изучая собственный богатый архив. Летом 1884 г. он последний раз побывал в России. В конце сентября 1884 г. в письме к Стасюлевичу Анненков сожалел: «С горем вспоминаю, что я в Питере не видал двух лучших его обитателей — Пыпина и Кавелина. Всё откладывал до завтра, а на завтра очнулся в Берлине. Со мной это бывает по старческой ветрености. Впрочем надеюсь напомнить о себе Пыпину статьёй, которая, может статься, будет ему любопытна и совершенно свободна от всякой ереси...» [Стасюлевич: 432]. Анненков беспокоился, насколько уместным был *тон* его записок о любимом друге и знаменитом писателе, «прилично ли <...> всё то разоблачение, которое я произвожу над ним» [Стасюлевич: 431]. Анненков был благодарен сотрудникам редакции за постоянную поддержку, в которой он очень нуждался: «...я собственно только и работаю для Стасюлевича и Пыпина и никого другого не имею в виду, всего менее Каткова и Суворина. Эти люди сделали себе мнение о Тургеневе и не расстанутся с ним <...>. Но у Тургенева есть потомство, которого ему бояться нечего» [Стасюлевич: 436].

В письме из Берлина от 1 декабря 1884 г. Анненков сообщил Стасюлевичу, что половина статьи переписана и он надеется за декабрь ее закончить. «Если найдете, что слишком много сказано об истории

с Некрасовым, то ослабьте, а главное — умиротворите А. Н. Пыпина. Нельзя же к остатку своей жизни — всё играть в жмурки, как я делал — увы — до сих пор»; «Не знаю, прав ли я, но я остаюсь ею доволен — никогда не писал я так откровенно и горячо» [Стасюлевич: 433]. Однако, отсылая Стасюлевичу в январе 1885 г. «запутанное писание» — рукопись статьи «Шесть лет переписки», Анненков признается: «...я нахожусь в совершенном неведении, что они представляют из себя — скучное ли повторение всем известных фактов или любопытную оценку событий, в которых вращался Тургенев?» [Стасюлевич: 434]. Подобные сомнения Анненкова звучали и прежде, совершенно искренне, — по поводу его поздних пушкинских работ, по поводу мемуаров о Гоголе, о «Замечательном десятилетии», о Писемском. Эти сомнения не были знаком неуверенности Анненкова в своей позиции; он тщательноверял все факты, учитывал все доступные источники. Сомнения Анненкова связаны с его убеждением, что любой текст не является истинной в последней инстанции, тем более, если в центре внимания автора была *творческая личность*.

О третьем периоде жизни Тургенева Анненков не успел написать полностью, издав только статью «Из переписки с И. С. Тургеневым в 1860-х годах» («Вестник Европы», 1887, №1–2).

Перерыв в два года между появлением в печати второй статьи и третьего очерка воспоминаний возник по причине работы Анненкова с тургеневским архивом. В феврале 1885 г. Анненков получил в Париже от г-жи Виардо русскую переписку Тургенева для разбора ее, по воле писателя. Весь следующий год Анненков читал, просматривал письма — «по объему нечто в роде цепи Юнгфрау или Индейских гор» [Стасюлевич: 438]. По словам Анненкова, для г-жи Виардо вся эта громадная масса русской корреспонденции Тургенева должна была «казаться мраморными колоссальными обломками, испещренными неизвестными ей письменами» [Стасюлевич: 439]. Письма Анненкова к Стасюлевичу 1885 г. позволяют понять, какую громадную нагрузку он выдержал [Стасюлевич: 440–444]. В итоге он сообщил, что бумаги, полученные из Парижа, содержали «возы глупостей», но он обрел в этих бумагах и «обильную жатву для внутренней литературной нашей истории» [Стасюлевич: 449]; воспользоваться этими материалами Анненков уже не смог: «...смерть Тургенева сломила меня, приходится сводить итоги» (из письма от 14 мая 1886 г.) [Стасюлевич: 446].

В письмах Анненкова к Стасюлевичу 1880-х гг. немало откликов на литературные события, на общественную деятельность редактора «Вестника Европы». «Вы по-прежнему воюете с Министром [гр. Д. А. Толстой] и одерживаете над ним победы, которые обрушиваются на Вас в виде придирок и притеснений, — пишет он в мае 1885 г. — Но на это нечего обращать внимания. <...> Господь за Вас» [Стасюлевич: 438]. «Читал протест Губернатора об издержках Думы на похороны Тургенева, — пишет Анненков 17 (29) октября 1883 г. — Храбрый это генерал, который не щадит своего имени, и отдает его на позор людям (Петербургский градоначальник — Грессер, прим. М. К. Лемке). Что всего более изумляет меня — это пренебрежение к доброй славе своего имени, которое у нас господствует. <...> Все спрашивают — в недоумении — отчего без всякой причины падает наш курс? <...> Я держусь того мнения, что цинизм безнравственности, заявляемый открыто и поминутно, играет тут большую роль» [Стасюлевич: 420].

Последние письма Анненкова к Стасюлевичу печальны. Все известия Стасюлевича из области литературы «не хорошего запаха», они «сулят могилы — кажется, литературу русскую мы похоронили с Тургеневым» [Стасюлевич: 445].

Любопытный штрих к портрету Тургенева обнаружил Анненков, сообщая Стасюлевичу о своих «отчетах» г-же Виардо по содержанию писем просителей, «которых легион»: «Представьте, есть и такие, которые рекомендовали ему воспользоваться премией, кажется, “Нивы” за лучшую повесть, посидеть дня два-три и полученную премию выдать как пособие просителю. Вы думаете, Тургенев был возмущен наглостью просителя. Нимало. Он отыскал его и облагодетельствовал» [Стасюлевич: 445–446]¹.

В письмах Анненкова к Стасюлевичу зашла речь и о рассказе “Une fin” — о «предсмертной повести, продиктованной Тургеневым смесью французского языка с немецким и даже итальянским» [Стасюлевич: 439]. Г-жа Виардо передала ее для Стасюлевича по-французски и объяснила запиской ее происхождение, надеясь на публикацию: «M-me Viardot уже намекала мне о гонораре, — сообщал Анненков редактору в июне 1885 г., — это женщина добрая, но и цифровая по преимуще-

¹ О безграничной щедрости Тургенева, о его помощи начинающим писателям, русским эмигрантам, всем “потерянным” в чужом мире просителям см.: [Лебедев: 517–519].

ству. Она не позволяет шутить ни с собой, ни с тем, что, по ее мнению, ей следует, но вместе понимает и принимает к сведению соображения ответчика» [Стасюлевич: 440]. Стасюлевич отказался и от повести, и от записки г-жи Виардо, — это его решение Анненков признал правильным: нельзя принимать на страницы журнала после лучших произведений Тургенева — «то, чему сам редактор не верит, в чем сомневался ещё до появления рукописи» [Стасюлевич: 441]. Отношение лично Анненкова к этому факту было иное: «Что же касается до моего мнения, то ведь я слепой поклонник всего тургеневского производства, даже до суеверия. Так например чепуха, которую Вы так метко уловили в разъяснениях г-жи Виардо — мне кажется, ещё свидетельствует, что она была инструментом в руках автора и писала под его диктовку, не очень разумея то, что делает» [Стасюлевич: 441]. Поэтому Анненков, понимая решение Стасюлевича, просит переслать *оба* документа В. П. Гаевскому: г-жа Виардо «в бытность мою в Париже просила его <...> заняться этим делом и пристроить ее рукопись» [Стасюлевич: 441]¹.

Третий мемуарный очерк Анненкова «Из переписки с И. С. Тургеневым в 1860-х годах» («Вестник Европы», 1887, №1–2) не был включен в книгу «Литературные воспоминания» (1983): по словам автора комментария, он представлял собою «просто публикацию писем с короткими повествовательными связками» [Долотова: 614]. Однако эта статья существенно дополняет образ Тургенева: личность писателя овещается здесь «сама собой, своим внутренним огнем», как писал Анненков, формулируя требования к автору биографического повествования [Анненков 1983: 58]. Письма Тургенева, включенные в третий мемуарный очерк, содержат новые краски к его портрету, обозначают новые моменты в его творческом развитии. Кроме того, драгоценен сам факт публикации тургеневских писем и в третьей и во второй статье, так как воспоминания Анненкова в «Вестнике Европы» стали единственным их источником: подлинники писем не сохранились. Исследователи предполагают, что тургеневские материалы, в частности письма, которые хранились у дочери Анненкова Веры Павловны, пострадали при бомбардировке Дрездена в ночь с 13 на 14 февраля 1945 г. [Жекулин 2005: 283].

¹ Рассказ в переводе Д. В. Григоровича был опубликован в журнале «Нива» 1886, №1. Текст рассказа «Une fin» и комментарий к нему см.: [Тургенев Сочинения 13: 365–392; 727–730].

Анненков начинает третью мемуарную статью небольшим вступлением, связывая новую публикацию с заключительной темой второй статьи — с горячими спорами вокруг романа «Отцы и дети». «Критики и толки, вызванные “Отцами и детьми”, долгое время производили удручающее впечатление на Тургенева» [Анненков 1887: 5]. Темное состояние души Тургенева передают три письма 1862 г., открывающие очерк. Первое из них написано в апреле 1862 г. по возвращении из Лондона в Париж: «...ох, какая безжалостная мельница — жизнь! — Так людей и превращает в муку? — спросите вы. Нет, просто в сор. Но всё это иносказательно». Принято считать, что эти слова передают потрясение Тургенева от встречи в Лондоне с М. Бакуниным, вернувшимся «с того света» после 14 лет казематов и ссылки, сбежавшим из Сибири [Лебедев: 457–459]. Но реплика в письме к Анненкову отвечала и душевному состоянию Тургенева. Такое настроение не располагало к творчеству: «... ни за какую работу пока не принимался — чувствую, что теперь в течение года могу писать только сказки. Я одну задумал и даже начал. Сказками я называю личные, как бы лирические, шутки <штуки >¹, в роде “Первой любви”» [Анненков 1887: 6].

«Очевидно, — пишет Анненков, — и поездка в Англию не совсем развлекла Тургенева» [Анненков 1887: 6]. За этой фразой можно услышать невысказанные Анненковым размышления о впечатлениях Тургенева от встреч с Герценом и Бакуниным. В двух следующих письмах (одно из них написано до поездки в Лондон) раскрываются личные и общероссийские причины мрачного тургеневского настроения. 25 марта (6 апреля) 1862 г. Тургенев, перечислив полученные им разноречивые отзывы об «Отцах и детях», писал из Парижа Анненкову: «Дела происходят у вас в Петербурге — нечего сказать! Отсюда это кажется какой-то кашей, которая пучится, кипит <...>, а там внизу, как черный фон картины, народ-сфинкс...» [Анненков 1887: 6]. Безрадостные, удручающие события в Петербурге усиливали ощущение душевной опустошенности, неизбежное после завершения большого труда: «...если бы вы знали, как я состарился, отяжелел и опустился! — Последние 15 лет промелькнули как сон; я никак не могу понять, каким образом мне вдруг стало 43 года и как это я очутился

¹ В академическом издании писем Тургенева слово “шутки” признали ошибочным в журнальной публикации.

каким-то, почти чужим мне самому, стариком?» [Анненков 1887: 7]. В письме от 12 июля 1862 г. из Спасского Тургенев заметил: «А тяжел пришелся России ее 1000-й год! <...> Никогда ещё я, такой *темный* и *тайный* приверженец правительства, как вы знаете — с таким волнением не глядел издали на нашего Государя, от которого, можно сказать, теперь все зависит. Дай Бог ему удержаться неизбежно на единственно спасительном пути!» [Анненков 1887: 8]. Анненков, видимо, из осторожности, не включил в статью письмо Тургенева, тоже из Спасского, от 8 (20) июня 1862 г. с описанием петербургских пожаров, хотя оно объясняет тургеневское отношение к событиям: «Приехал я в Петербург в самый Троицын день, накануне грозного пожара, истребившего Апраксин двор, Министерство внутренних дел и т. д. — и пробыл там четыре дня, видел и пожар, и народ вблизи, слышал толки... и можете себе представить, что перечувствовал и передумал. Эти безумия, эти злодеяния, весь этот хаос — что же тут можно выразить в письме!» [Тургенев. Письма 5: 11]. Хлынувшие на Тургенева пересуды о романе «Отцы и дети» («тоже своего рода хаос») по-иному были восприняты писателем в свете пожаров: «Эта повесть попала в настоящий момент нашей жизни, словно масло на огонь <...>. Я во всяком случае не раскаиваюсь, хотя большая часть молодежи на меня негодует; я даже имею смелость думать, что я принес пользу» [Тургенев. Письма 5: 12]. Эти не прозвучавшие в очерке впечатления Тургенева от событий в Петербурге летом 1862 г. подготавливают его выводы в письме, процитированном в публикации: «Мое старое литературное сердце дрогнуло, когда я прочел о прекращении “Современника”. Вспомнилось его основание, Белинский и многое...<...> Неизвестность о том, действительно ли участвовали “агитаторы” в поджогах — мучительна; темные намеки, попадающиеся в газетах, раздражают и волнуют ещё более. Это — безумие, это — бессмысленное самоистребление, это — преступление, наконец. Право, я не могу теперь без трепета распечатывать ни одного пакета с журналами. Вот до чего мы дожили, вот куда должна была прийти неизбежная реакция против 30-летней тьмы!» [Анненков 1887: 8]. Размышления Тургенева о российском обществе после «30-летней тьмы» интонационно напоминают мотивы романа «Дым», над которым скоро писатель начнет работать: «Общество наше, легкое, немногочисленное, оторванное от почвы, закружилось, как перо, как пена; теперь оно готово отхлынуть или отлететь за тридевять земель от той

точки, где недавно еще вертелось; а совершается ли при этом, хотя неловко, хотя косвенно, действительное развитие народа, этого никто сказать не может» [Анненков 1887: 8]. Достойную авторскую оценку получил в письме роман «Отцы и дети»: «Что касается до моего последнего произведения: “Отцы и Дети”, я могу только сказать, что стою сам изумленный перед его действием; и не то что радуюсь — радоваться тут особенно нечему — а в первый раз серьезно доволен своим делом, хотя мне иногда сдается, что я тут — сторона, а всю эту штуку выкинул какой-то другой, которому это было нужно, и которому я с моим романом попался под руку. Но и это счастье. “Отцы и Дети” скоро появятся в Москве отдельным изданием (Кетчер за это взялся), с посвящением Белинскому» [Анненков 1887: 8].

Это письмо из третьего мемуарного очерка Анненкова содержит важную тургеневскую мысль о роли автора в создании романа «Отцы и дети», об отсутствии субъективного подхода к теме: «Мне иногда сдается, что я тут — сторона, а всю эту штуку выкинул какой-то другой, ... которому я с моим романом попался под руку». Эта фраза подтверждает вывод Анненкова о природе тургеневского таланта, прозвучавший в финале первой статьи «Молодость Тургенева», об осмыслении писателем своего назначения — «служить зеркалом, в котором отражаются здоровые и болезненные черты родины» [Анненков 1983: 393]. Возможно, поэтому Тургенев, добиваясь безупречной чистоты «зеркала», дорожил замечаниями и рекомендациями Анненкова, доверяя полностью его художественному чутью. Это удивительное сотворчество художника и его друга-критика — достаточно редкое явление в русской литературе. Анненков был литературным советником Тургенева «на предпоследнем этапе творческой работы», между черновым и беловым автографами или в корректуре, при подготовке произведения к печати [Жекулин 1998: 14].

Несколько новых штрихов к портрету Тургенева содержится и в других публикациях третьего очерка. Официальный вызов Тургенева в Сенат в связи с «Делом 32-х», обвиняемых «в сношениях с лондонскими пропагандистами», обсуждается в нескольких письмах, включенных в статью. Тургенев недоумевает, почему его общение «с товарищами молодости, которые находятся в изгнании», и с которыми «давно и окончательно разошлись в политических убеждениях», может вызывать подозрение правительства (письмо от 25 января 1863 г.).

«Да и какой я политический человек? Я — писатель, как я это представил самому Государю, — писатель независимый, но добросовестный и умеренный писатель, — и больше ничего» [Анненков 1887: 12].

Интересны тургеневские оценки собственных сочинений этих лет и его отклики на литературные новинки. В письме от 10 октября (28 сентября) 1863 г. Тургенев, отвечая Анненкову на его мнение о повести «Призраки», признался: «Что касается до фантазии, то я даже дрогнул, прочтя слово: “автобиография”, и невольно подумал, что когда у доброго лягавого пса нос чуток, то ни один тетерев от него не укроется, в какую бы он ни забился чащу. Тетерев, разумеется, я» [Анненков 1887: 14]. Анненков, с его чутьем, услышал в повести «Призраки» «историю художнической души», высоко оценив красоту этого «*автобиографического* очерка» [Анненков 2005: 141]. Он не сомневался, что повесть публике покажется странной, вызовет насмешки, что в «Искре» появится карикатура на «автора, летающего по поднебесью». Но десяток человек поймут, сколько здесь «жизненности, душевной исповеди, грусти и теплоты», — ради них и надо печатать фантазию. Нельзя же спокойно переносить «смрадный запах» современной беллетристики: «Вот время — Чернышевского безобразия, Писемского безобразия, Крестовского безобразия: публика купается в безобразиях, а те, у кого есть светлые вещи, кроются с ними. Нет, надо печатать “фантазию”» [Анненков 2005: 142].

Во вступлении ко второй части третьего очерка, куда вошли письма Тургенева 1865–1866 гг., Анненков подчеркнул особое оживление в эти годы литературной жизни: «...в эту эпоху появились или начали появляться такие произведения как «Преступление и наказание» Достоевского, «Война и мир» гр. Л. Н. Толстого; ходили слухи о новых драмах Островского («Дмитрий Самозванец») и гр. Алексея Толстого («Смерть Иоанна Грозного»). В это же время Тургенев готовил свой роман «Дым», вышедший в 1867 г. [Анненков 1887: 461]. Отметил Анненков и перелом в это двухлетие в нашей политической жизни, усиление реакционных настроений в правительстве. Знаковым событием этих лет Анненков назвал реформу в нашем законодательстве о печати («Временные правила о печати»), вступившие в действие с 1 сентября 1865 г.).

Анненков не успел написать в третьем очерке свои комментарии к переменам в общественной жизни России 1865–1866 гг. Но письма

Анненкова к Тургеневу содержат характеристику этих перемен, вполне допустимо судить по ним о близости в умонастроении друзей.

Ироничный тон Анненкова в письме к Тургеневу от 25 ноября (7 декабря) 1865 г. помогает передать обстановку смуты, неразберихи в общественной жизни России — в банковской сфере, на бирже, в торговле, в политике, в литературе: «...мы теперь живем с такой судорожной быстротой, с какой положительно ни в одном углу Европы не живет. А происходит это от простой причины. Начиная с первого министра до последнего мужика никто не знает, что теперь позволено и что запрещено. Можете представить — какой из этого происходит спектакль. Журналист, поджигатель, молодая Грузия, разбойник, чиновник, Дворянское собрание, Земская управа, латыш, остзейский барон, студент, плясунья, офицер — все пробуют, что может сойти с рук в нынешнее время. Администрация поминутно бросается в середину всех их, сама не зная хорошенько, кто из них в законе и кто по своей собственной дорожке идет, останавливает одного и тут же позволяет другому улететь далее первого, наносит удары и тотчас же раскаивается в них, сама получает пощечины и принимается бить того, кто ее защищал. Словом образовались колоссальные жмурки, сопровождаемые, как и следует, необычайной бегогней, неслыханным движением, туманом...». И эта характеристика, заключает Анненков, «не есть фантазия» [Анненков 2005: 178–179].

В письме от 15(27) декабря 1865 г. Анненков в своей иронической манере дает картину парадоксальных последствий «Временных правил о печати»: отмена предварительной цензуры изданий, казалось бы, даровала свободу печати, но за слишком вольные публикации издатель мог оказаться под судом, а издание после трех предостережений закрывали навсегда.

«Печать переживает кризис, которого и не ожидала со свободой. Предостережения и отдачи под суд дождем сыплются. “Современник”, получивший уже два предостережения, просился назад в цензуру. Отказали. Будь свободен — хочешь не хочешь. <...> Дело в том, что вдруг потребовалась новая небывалая обязанность от публициста и писателя — размышлять о своих словах и думать о всех последствиях своих слов. Кто же когда думал об этом и как к этому приучаться со свободой, которая, по мнению самого образованного русского человека и самого пьяного русского мужика, в том и заключается, чтоб ни о чем

не думать. К этому ещё и другое требование, не менее нелепое, вышло на свет — именно желают образовать журнальный, полемический и политический тон, который не походил бы на революционный и памфлетный, каким пишется вся текущая литература у нас, а где эдакого тона найти. Нет его, да и только. А между тем говорят — пиши и говори, что хочешь и о чем хочешь, только сочини для этого особенный тон. Как сочинить, когда о таком тоне ни отцы, ни деды понятия не имели и когда в душе писателя, кроме ярого либерализма и хмельных фраз ничего другого не обретается. Вот какая шутка разыгралась с печатью, благодаря новому уставу. Тон, где ты? Тон — спаси!» [Анненков 2005: 179–180].

«Все это, государь мой, наша конституционная сыпь, отличная от всех известных сыпей тем, что как ее ни вгоняют внутрь, она все лезет наружу» (из письма от 4(16) марта 1866 г.) [Анненков 2005: 186].

Анненков явно спешил напечатать свой последний очерк, он был уже очень болен и отобрал для публикации самое ценное — письма Тургенева, в основном литературного содержания.

В письме к Тургеневу от 25 января (6 февраля) 1865 г. Анненков одобряет предполагаемый «жизненный маршрут» своего друга, его намерение приехать в Петербург и Россию после свадьбы дочери, ибо «беда случится» с теми, «кто долго воздерживается» от встреч с Отечеством: «Бог отбирает от них всякое чутье правды, действительности и реальности...» [Анненков 2005: 167]. Тургенев подтверждает слова Анненкова в письме из Парижа от 31 января (12 февраля) 1865 г., включенном в третий очерк: «...действительно плохо писателю долго не видать отечества; но в таком случае есть одно верное средство не провираться — а именно: молчать» [Анненков 1887: 464], и вскоре обещает выслать ему отрывок «Довольно», — «...этот вздор я едва осилил»; по прочтении его «мои читатели, вероятно, воскликнут: “действительно довольно!”» [Анненков 1887: 465]. Анненков, как всегда, откровенно высказал свои впечатления о новом сочинении Тургенева: «...и у Вас мало таких ярких и очаровательных картин, как воспоминания первой половины рассказа; вторая его половина, по временам, глубока, но имеет несчастье походить на мрачную католическую проповедь». «...Надо иметь непременно 55 лет, одышку, запор и водянку, чтобы усвоить себе все впечатления этой второй половины, как должно, а написано все мастерски» [Анненков 2005: 171]. «...Действительно, я кажется конец пе-

ресолил, — согласился Тургенев (это письмо включено в очерк). — Но дело в том, что я задумал эту штуку в тяжелое время, а окончил ее в эпоху сравнительно приятную <...>. Все равно, переделывать теперь некогда, да и не для чего — пусть отправляется так, как есть» [Анненков 1887: 467].

Тургенев в письме от 12 февраля (31 января) 1865 г. просит подписаться от его имени на «Русское Слово», «в котором, как говорят, Писарев за меня сражается с “Современником”»: «Пришлите мне в Баден какую-нибудь его статью об этом интересном предмете» [Анненков 1887: 464]. По поводу Писарева Анненков ответил Тургеневу в письме от 4 (16) октября 1865 г.: сообщая о наслаждениях «свободой цензуры», он отмечает: «Оказывается в самой нашей крови нет ничего противоцензурного, хотя и есть много нелепого». Самая чудовищная нелепость, появившаяся как раз к открытию свободы, — статьи, объявившие Пушкина «кретином, идиотом, развратителем общества и часто бессмысленным версификатором. Статьи принадлежат любимому вашему Писареву, которому, по слухам, вы преподнесли экземпляр своих сочинений нового издания. Счастливец, если это правда, но не стоит — разве уж что в крепости сидит» [Анненков 2005: 175–176]. Статья Писарева «Пушкин и Белинский» вышла в двух частях в «Русском слове» (1865, №4 и 6); Тургенева эти статьи возмутили.

В письме от 19 декабря 1865 (1 января 1866) г. Тургенев просит выслать сочинения А. Слепцова: «У этого юноши больше таланта, чем у всех остальных “молодых”» [Анненков 1887: 469]. Правда, вскоре уточняет: «Что за бедность и пустота содержания, а талант есть» [Анненков 1887: 470]. «Получил “Воеводу” Островского, прочел, умилился (за исключением чепухи а la Barbe Blue в 5-м акте) и хочу написать ему мой восторг» [Анненков 1887: 468].

В этом же письме Тургенева к Анненкову от 1 апреля (20 марта) 1865 г. — его короткий отклик на роман Л. Толстого «Тысяча восемьсот пятый год», первые две части будущей «Войны и мира»: «Прочел также роман Л. Н. Толстого и почувствовал... Этак нельзя, нельзя, нельзя» [Анненков 1887: 468]. Анненков «в объяснение такого восклицания и предшествующего ему многоточия» приводит на этой же странице в примечании «слова Тургенева в его письме к Я. П. Полонскому три года спустя» от 6 (18) марта 1868 г.: «Роман Толстого — вещь удивительная;

но *самое слабое* в нем — именно то, чем восторгается публика: историческая сторона и психология. История его — фокус, битые тонкими мелочами по глазам; психология — капризно-однообразная возня в одних и тех же ощущениях. — Все бытовое, описательное, военное — это первый сорт, и подобному Толстому мастера у нас не имеется» [Анненков 1887: 468].

К теме прозы Толстого Тургенев возвращается ещё раз, рассказывая Анненкову в письме от 8 марта (24 февраля) 1866 г., какая с ним «случилась странная вещь»: «Я рекомендовал г-же Виардо для чтения на русском языке (вместе со мною) “Детство” Толстого, как произведение в своем роде классическое. Стал я читать — и вдруг убедился, что это пресловутое “Детство” — просто плохо, скучно, мелкотравчато, натянуто — и устарело до невероятности. Открытие это меня огорчило — стало быть, и это мираж? И когда же конец миражам? — Или, может быть, я устарел и оупел?» [Анненков 1887: 473]. Огорчение Тургенева связано, вероятно, с тем, что изменилось его отношение к творческой манере Толстого, — прежде он давал восторженные оценки его таланту в первых повестях, они прозвучали в его переписке. Анненков в качестве комментария вновь в примечании отсылает читателей к своей сноске на письмо Тургенева к Я. Полонскому о романе Толстого. Но письма Анненкова и Тургенева 1850-х гг. содержат более точные объяснения тургеневской реакции 1866 г. на «Детство» Толстого. В письме Анненкова к Тургеневу от 25 января (6 февраля) 1857 г. прозвучало «общее» мнение о трилогии Толстого, в связи с повестью «Юность», напечатанной в «Современнике»: «“Юность” Толстого восхищает здесь всех, но с одной *общей* оговоркой — несколько растянута и менее поэзии и свежести, чем в первых частях. По мне, однако ж, просто изумительно, как много мыслил этот человек о нравственности, добре и истине — и с каких ранних пор. <...> В последнее время я пришел к такому убеждению, что между нами нет лица, более *нравственного*, чем Толстой. Он способен к героизму внутренней честности или, по крайней мере, понимает ее в героических размерах» [Анненков 2005: 55]. Тургенева смущала особенность психологизма Толстого в его сочинениях, пристальное внимание его к процессу “чувствования”, ко всем оттенкам душевного состояния своих героев. Даже при общении с ним Тургенев слышал «скрып и треск его внутренней возни», как писал он Анненкову из Парижа 16 (28) февраля 1857 г., сообщая

о встрече с Толстым и радуясь встрече [Тургенев. Письма 3: 88]. В декабре 1857 г. Тургенев из Рима пишет Толстому: «Вы хотите во всем полноту и ясность — и хотите всё это тотчас. Вы беспрестанно щупаете пульс своим отношениям с людьми и собственным ощущениям: всё это мешает гладкому и легкому течению дня» [Тургенев. Письма 3: 169]. По мнению Тургенева, «метаться из стороны в сторону» — значит мешать своему главному делу, спокойной литературной работе. Уже в 1850-е гг. определяется собственный путь Толстого в литературе, который кажется Тургеневу отступлением от призвания. Он затронул и эту тему в том же письме: «Боткин мне очень хвалил начало Вашего Кавказского романа <«Казачи»>. Вы пишете, что очень довольны, что не послушались моего совета — не сделали только литератором. Не спорю, может быть, Вы и правы, только я, грешный человек, как ни ломаю себе голову, никак не могу придумать, что же Вы такое, если не литератор: офицер? помещик? философ? основательного религиозного учения? чиновник? делец? Пожалуйста, выведите меня из затруднения и скажите, какое из этих предположений справедливо». Правда, тут же Тургенев меняет интонационную окраску: «Я шучу — а в самом деле, мне бы ужасно хотелось, чтобы Вы поплыли, наконец, на полных парусах» [Тургенев. Письма, 3: 170]. В декабрьском письме 1857 г. Анненкову из Рима Тургенев откликается на известие о лесных затеях Толстого: «Оказывается, что он лесовод», «Вот человек! с отличными ногами непременно хочет ходить на голове» [Тургенев. Письма, 3: 175]. Тургенев вернулся к теме литературного призвания в январском письме 1858 г. к Толстому, объяснив свой совет быть только литератором: это значит — быть специалистом, профессионалом, обрести художественную силу, исключить дилетантизм; «дилетантом быть — значит быть бессильным». «До сих пор в том, что Вы делали — всё ещё виден дилетант, необычайно даровитый, но дилетант» [Тургенев. Письма, 3: 188]. Вряд ли Толстой прислушивался к советам и размышлениям Тургенева, его творческий дар был совершенно самобытным. Анненков, рассказывая в своей первой мемуарной статье о встрече Тургенева с Толстым зимой 1855 г., отметил оригинальный ум молодого автора, «сектантский ум по преимуществу», то есть замкнутый в себе, независимый от внешних источников: «Он искал пояснения всех явлений жизни и всех вопросов совести в себе самом, не зная и не желая знать ни эстетических, ни философских их пояснений, не признавая никаких традиций, ни

исторических, ни теоретических»; его занимали поиски «жизненной правды и простоты и здравосмысленности существования» [Анненков 1983: 390–391].

И в третий раз Анненков отсылает в примечании к тому же тургеневскому высказыванию об особенностях психологизма Толстого в связи с откликом Тургенева в письме от 6 апреля (25 марта) 1866 года на продолжение романа «1805 год»: «мелкота и какая-то капризная изысканность отдельных штрихов — и потом это вечное повторение той же внутренней возни: что, мол я трус или не трус? и т.д. Странный исторический роман!» [Анненков 1887: 474].

Более точное объяснение тургеневского отношения к роману «Война и мир» содержится в его статье «По поводу «Отцов и детей»: роман Толстого для Тургенева — «печальный пример отсутствия истинной свободы»; «без правдивости, без образования, без свободы в обширнейшем смысле — в отношении к самому себе, к своим предвзятым идеям и системам, даже к своему народу, к своей истории, — немислим истинный художник; без этого воздуха дышать нельзя» [Тургенев. Сочинения 14: 107–108]. Толстовскую философию истории, его объяснение причин и характера войны 1812 г., его решение темы народа в романе Тургенев считает нарушением художественной правды, которая достигается только свободой от любых систем и предвзятых идей. При этом Тургенев считает, что «по силе творческого, поэтического дара» роман «Война и мир» стоит едва ли не во главе всего, что явилось в европейской литературе с 1840 года» [Тургенев. Сочинения 14: 107]. Подобная двойственность оценки прозвучала и в письмах Тургенева. В письме к И.П. Борисову от 27 февраля (10 марта) 1868 г. о первых трех томах «Войны и мира» Тургенев писал: «Я с великим наслаждением прочел роман Толстого — хотя многим не совсем остался доволен. Вся *бытовая* сторона (и военная) удивительна: есть тут вещи, которые не умрут, пока будет существовать русская речь. Но вся историческая сторона — извините за выражение — кукольная комедия. Не говоря уже о том, что настоящего воспроизведения эпохи и помина нету; что мы узнаем об Александре, Сперанском и пр., как только самые мелочи, капризно выбранные автором и возведенные в характерные черты? Это своего рода шарлатанство: публика, которой с таким эффектом подносятся эти «острые носки Александровских сапогов» и т.п., невольно должна подумать, что автору самые личности должны

быть у! как хорошо известны — коли он даже мелочи такие знает... а автору, вероятно, только такие мелочи и знакомы. Прочтите очень умную (хотя, по обыкновению, несколько темноватую) статью Анненкова по поводу романа Толстого в «Вестнике Европы» («Исторические и эстетические вопросы в романе Л. Толстого «Война и мир» — «Вестник Европы, 1868, №2). И настоящего развития характеров нет — все они подвигаются вперед прыжками — а зато есть бездна этой старой психологической возни («что, мол, я думаю? что обо мне думают? Люблю ли я или терпеть не могу? и т.д.) — которая составляет положительно мономанию Толстого. Но со всем тем — в этом романе столько красот первоклассных, такая жизненность, и правда, и свежесть — что нельзя не сознаться, что с появления «Войны и мира» — Толстой стал на первое место между всеми нашими современными писателями» [Тургенев. Письма, 7: 76].

В письме к Анненкову от 13 (25) апреля 1868 г. о 4-м томе романа: «Много там прекрасного, но и уродства не оберешься! Беда, коли автодидакт, да ещё во вкусе Толстого, возьмется философствовать: непременно оседлает какую-нибудь палочку, придумает какую-нибудь систему, которая, по-видимому, всё разрешает очень просто, как например исторический фатализм, да и пошел писать! Там, где он касается земли, он, как Антей, снова получает все свои силы: смерть старого князя, Алпатыч, бунт в деревне, всё это — удивительно» [Тургенев. Письма, 7: 122]. Эти и многие другие тургеневские письма подтверждают суждения Анненкова об отношении Тургенева к роману «Война и мир» и к особенностям художественного мира Толстого.

В последнем письме третьего очерка от 26 октября (7 ноября) 1866 г. Тургенев сообщает Анненкову о романе «Дым»: «Работа моя подвигается — и если не встретится каких-нибудь неожиданных препятствий, я привезу ее с собой готовой. Господь ведает, что такое у меня выходит — я так давно не писал, что <...> чувствую себя новичком. А впрочем, что будет, то будет. Это у меня все — сбоку припёка» [Анненков 1887: 476].

Завершая статью, Анненков упоминает о публикации «Дыма» в «Русском Вестнике», о разладе Тургенева с московской редакцией: «С 1868 года и до самой своей смерти в 1883 году он печатал свои произведения исключительно в Петербурге» [Анненков 1887: 477].

* * *

Воспоминания Анненкова о Тургеневе — уникальное явление в мемуарной литературе о писателе — прежде всего, по причине имени мемуариста. Друг и единомышленник Тургенева, вкусу и художественному чутью которого полностью доверял писатель, Анненков в течение многих лет был в переписке с ним. Он был свидетелем первых литературных опытов Тургенева в 1840-е гг. и в дальнейшем — первым читателем почти всех тургеневских произведений.

Воспоминания Анненкова привлекают вниманием к нравственному миру Тургенева, к его «психическим» (от греческого *психея*) особенностям, помогают понять характер, строй души одного из лучших художников России. Мемуары Анненкова близки к литературной биографии писателя: это история развития личности художника и его таланта. Анненков следует главному принципу повествования в биографическом жанре, который он принял, работая над пушкинской биографией, над воспоминаниями о Гоголе: понимать особенности личности героя, его живой характер, «смотреть прямо в лицо герою своему и иметь доверенность к его благодатной природе» [Анненков 1983: 58]. Мемуарист обозначил переломные вехи жизни Тургенева его произведениями: «Рудин» завершил период молодости писателя, время его исканий. Тургенев почувствовал свою роль в истории Отечества и русской литературы, — «служить зеркалом, в котором отражаются здоровые и болезненные черты родины; но для этого необходимо было держать зеркало в надлежащей чистоте» [Анненков 1983: 393]. Базаров и роман «Отцы и дети» завершил период тургеневской жизни, о котором шла речь во второй мемуарной статье Анненкова — «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым 1856–1862»; Базаров «был истинный представитель своей эпохи» [Анненков 1983: 475]. Важнейшей вехой третьего периода развития Тургенева стал роман «Новь», опубликованный в 1877 г., воссоздавший «замечательную страницу из истории внутреннего быта России»; «поэтически-реальное» изображение героев времени содержит «картину их волнений, страданий и надежд» [Анненков 1983: 476]. Анненков отмечает в тургеневских романах «художественное провидение, свойственное одним одаренным натурам» [Анненков 1983: 475]. Тургенев «шел своей дорогой, рассыпая по пути такие ценные цветы, как «Ася», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Первая любовь» [Анненков 1983: 475–476]. О третьем периоде тургеневского творческого

пути Анненков не успел написать полностью, его письма к Тургеневу дополняют последнюю мемуарную статью.

Мемуары Анненкова привлекают своей сдержанной манерой изложения, «это воспоминания-размышления, воспоминания-постижения» [Фридлянд: 7]. Автор не навязывает своё понимание событий; главная роль в них принадлежит Тургеневу, герою воспоминаний. Годы близости с Тургеневым позволили Анненкову воссоздать в воспоминаниях образ своего друга, передать особенности художественного мира писателя, лирическую выразительность и актуальность его произведений: «Вы в литературе нашей представляете олицетворенное чутьё современности» [Анненков 2005: 54].

Воспоминания Анненкова о Тургеневе подтверждают близость их воззрений: и Тургенев, и Анненков — западники, сторонники умеренного либерализма и европейского пути развития России; высшей ценностью для каждого была внутренняя свобода. Идеализации личности Тургенева нет в мемуарах Анненкова. Образ Тургенева в воспоминаниях Анненкова привлекателен не потому, что западник пишет о западнике, а по причине позиции мемуариста: сочувствие, полное доверие, любовь к своему герою. Можно ли выяснить степень объективности воспоминаний — жанра, субъективного по своей природе?

Анненков видит в Тургеневе гармоничную личность русского художника-европейца, гуманистические идеалы которого воплотились в его произведениях. Судьба Тургенева рассматривается Анненковым в контексте исторических событий, важным документальным источником мемуариста становятся тургеневские письма. Анненков — тонкий, чуткий наблюдатель — передает тургеневское понимание политических событий времени, проблем общественной жизни; улавливает оттенки отношений Тургенева с современниками, сближения и расхождения с коллегами по литературе, подчеркивая его верность собственной природе, его чувство современности, пушкинскую основу его мировосприятия.

Список литературы

- Анненков П. В.* Из переписки с И. С. Тургеневым в 1860-х годах // Вестник Европы. 1887. Т. 1. №1, 2. С. 5–29; 461–477.
- Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М.: Худ. лит, 1983. 694 с.
- Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. СПб: Наука, 2005. 532 с.
- Егоров Б. Ф.* П. В. Анненков // Борис Егоров. Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. СПб.: Летний сад, 2009. С. 232–282.
- Долотова А. М.* Комментарии к очеркам «Молодость И. С. Тургенева. 1840–1848» и «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым. 1856–1862» // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Худлит, 1983. С. 614–638.
- Елизаветина Г. Г.* Комментарии к очерку «Замечательное десятилетие. 1838–1848» и «Две зимы в провинции и деревне...» // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Худлит, 1983. С. 571–613, 647–653.
- И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Переписка И. С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей. М.: Правда, 1988. 560 с.
- Жекулин Н. Г.* Добросовестный очевидец. Материалы для биографии П. В. Анненкова // Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. СПб: Наука, 2005. С. 260–283.
- Жекулин Н. Г.* П. В. Анненков и «Отцы и дети» // Русская литература. 1998. №1. С. 3–15.
- Зайцев Б. К.* Жизнь Тургенева // Зайцев Б. К. Жуковский. Жизнь Тургенева. Чехов. М.: Дружба народов, 1994. С. 185–356.
- Кулишов В. И.* П. В. Анненков — мемуарист // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Худ. лит, 1983. С. 5–32.
- Лебедев Ю. В.* Жизнь Тургенева. Всеведущее одиночество гения. М.: Центрполиграф, 2006. 607 с.
- Мостовская Н. Н.* История одной дружбы. Переписка П. В. Анненкова с И. С. Тургеневым // Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. СПб: Наука, 2005. С. 284–298.
- Стасюлевич М. М. и его современники в их переписке: в 5 т / под ред. М. К. Лемке. СПб: Тип. М.Стасюлевича, 1912. Т. 3. С. 292–451.
- Тургенев И. С.* Полное собр. соч. и писем: в 28 т. Письма в 13 т. М.-Л.: Наука, 1960–1968.
- Тургенев И. С.* Полное собр. соч. и писем: в 28 т. Сочинения в 15 т. М.-Л.: Наука, 1960–1968.
- Фридлянд В. Г.* Жизнь для искусства // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Переписка И. С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей. М.: Правда, 1988. С. 5–33.

References

Annenkov P. V. *Iz perepiski s I. S. Turgenevym v 1860-kh godakh* [From the correspondence with I. S. Turgenev in 1860 years]. *Vestnik Evropy* [Messenger of Europe], 1887, Vol. 1, №1, pp. 5–29; №2, pp. 461–477. (In Russ.)

Annenkov P. V. *Literaturnye vospominaniia* [Literary memoir]. Moscow, Khud. Lit Publ., 1983, 695 p. (In Russ.)

Annenkov P. V. *Pis'ma k I. S. Turgenevu* [The letters to I. S. Turgenev]. Kn. 1. Vol. 1, S-Peterburg, Nauka Publ., 2005, 533 p. (In Russ.)

Dolotova A. M. *Kommentarii k ocherkam «Molodost' I. S. Turgeneva. 1840–1856» i «Shest' let perepiski s I. S. Turgenevym. 1856–1862»* [Commentary at articles «The youth of I.S. Turgenev. 1840 — 1856» and «Six years of the correspondence with I.S. Turgenev. 1856 — 1862»]. Annenkov P.V. *Literaturnye vospominaniia* [Literary memoir]. Moscow, Khud.lit. Publ., 1983, pp. 614 — 638. (In Russ.)

Elizavetina G.G. *Kommentarii k ocherku «Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848» i «Dve zimy v provintsii i derevne...»* [Commentary at articles «The remarkable decade. 1838–1848» and «Two winters in the province and in the country. January 1849–August 1851»]. Annenkov P. V. *Literaturnye vospominaniia*. [Literary memoir]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1983, pp. 57–613, 647–653. (In Russ.)

Zhekulin N. G. *Dobrovestnyy ochevidets. Materialy dlia biografii P. V. Annenkova* [Conscientious eye-witness. Materials for biography of P. V. Annenkov]. Annenkov P. V. *Pis'ma k I. S. Turgenevu* [The letters to I. S. Turgenev], Vol. 1, S-Peterburg, Nauka Publ., 2005, pp. 260–283. (In Russ.)

Zhekulin N. G. *P. V. Annenkov i «Ottsy i deti»* [P. V. Annenkov and «Fathers and children»]. «*Russkaia literature*» [Russian literature], 1998, №1, pp. 3–15. (In Russ.)

Zaycev B. K. *Zhizn' Turgeneva* [The life of Turgenev]. Zaycev B.K. Zhukovskiy. Zhizn' Turgeneva. Chehov. Moscow, Druzhba narodov. Publ., 1994, pp. 185–356. (In Russ.)

Kuleshov V. I. *P. V. Annenkov — memuarist* [Annenkov-memoirist]. *Annenkov P. V. Literaturnye vospominaniia* [Literary memoir]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1983, pp. 5–32. (In Russ.)

Lebedev Iu. V. *Zhizn' Turgeneva. Vsevedushchee odinochestvo geniia* [The life of Turgenev. Omniscient loneliness of genius]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2006, 607 p. (In Russ.)

Mostovskaia N. N. *Istoriia odnoi druzhby. Perepiska P. V. Annenkova s I. S. Turgenevym* [The history of one friendship. The correspondence of P. V. Annenkov with I. S. Turgenev]. Annenkov P. V. *Pis'ma k I. S. Turgenevu* [The letters to I. S. Turgenev]. Vol. 1, S-Peterburg, Nauka Publ., 2005, pp. 284–298. (In Russ.)

Stasiulevich M. M. *i ego sovremenniki v ikh perepiske, v 5 t.* [Stasyulevich M. M. and his contemporaries in their correspondence, in 5 vols.] ed by M. K. Lemke. S-Peterburg, Tip. M. Stasiulevicha Publ., 1912, Vol. 3, pp. 292–451. (In Russ.)

Turgenev I. S. *Polnoe sobr. soch. i pisem: v 28 t. Pis'ma v 13 t.* [Complete works and letters in 28 vols. Letters in 13 vols]. M.-L.: Nauka Publ., 1960–1968. (In Russ.)

Русская литература XVIII и XIX столетий

Н. А. Лобкова. Из истории публикаций воспоминаний П. В. Анненкова ...

Turgenev I. S. *Polnoe sobr. soch. i pisem: v 28 t. Sochineniia v 15 t* [Complete works and letters in 28 vols. Works in 15 vols]. M.-L.: Nauka Publ., 1960–1968. (In Russ.)

Fridliand V. G. *Zhizn' dlia iskusstva. I. S. Turgenev v vospominaniakh sovremnikov. Perepiska I. S. Turgeneva s Polinoi Viardo i ee semei* [Life for art. I. S. Turgenev in the memoirs of contemporaries. Correspondence of I. S. Turgenev with Polina Viardot and her family]. M.: Pravda Publ., 1988, pp. 5–33. (In Russ.)

© 2020. Н. П. Генералова
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург, Россия

На какую картину Рафаэля молился в детстве А. А. Фет (Из комментариев к «Ранним годам моей жизни»)

На основании анализа фрагмента детских воспоминаний А. А. Фета, которого мать научила молиться на образ Девы Марии, изображенный на картине Рафаэля, в статье делается вывод о том, что в доме Шеншиных была копия с картины Рафаэля «Святое семейство под дубом». Автор отмечает, что искусство Рафаэля вдохновляло Фета на протяжении всей жизни, рассматривает лирические шедевры поэта, посвященные Деве Марии, и делает вывод об огромном влиянии детских впечатлений Фета на его творчество. В статье подчеркивается, что в ранних произведениях Фет обращается к Богородице интимно и доверительно, как к близкой ему защитнице. Автор считает, что ранние стихотворения Фета, навеянные образом Божией Матери, написанные примерно в одно время, могли быть обращены к гувернантке, имя которой не дошло до нас (она была изгнана из дома), а трагическая развязка любовной истории поэта могла стать толчком к созданию небольшого цикла и напомнить поэту детские впечатления от картины Рафаэля.

Ключевые слова: Фет, Мадонна, Рафаэль, сонет, детские впечатления, цикл стихотворений.

Информация об авторе: Генералова Наталья Петровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: generalovanatalia@gmail.com

Дата поступления: 11.04.2020

Дата публикации: 17.06.2020

Для цитирования: Генералова Н. П. На какую картину Рафаэля молился в детстве А. А. Фет (Из комментариев к «Ранним годам моей жизни») // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 184–191. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-184-191

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Natalya P. Generalova
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

What Raphael's painting Afanasy Fet prayed in his childhood with (From commentary on "The Early Years of My Life")

Based on the analysis of the details of the description from the childhood memoirs of Afanasy Fet whom his mother taught to pray with the image of Virgin Mary, depicted in Raphael's paintings, the article concludes that the Shenshins had a copy of Raphael's painting "Holy Family under an Oak Tree". The author notes that Raphael's art inspired Afanasy Fet throughout his life, examines the poet's lyrical masterpieces dedicated to Virgin Mary, and comes to the conclusion that Afanasy Fet's childhood impressions had a huge impact on his oeuvre. The article emphasises that in his early works, Afanasy Fet addresses Saint Mary intimately and confidentially, as if to a protectress close to him. The author of the article believes that Afanasy Fet's early poems, inspired by the image of the Mother of God and written at about the same time, could have been addressed to a governess whose name remains unknown (she was expelled from the house), and the tragic outcome of the poet's love affair could have spurred him to create a short cycle and reminded of childhood impressions from Raphael's painting.

Keywords: Afanasy Fet, Madonna, Raphael, sonnet, childhood experiences, cycle of poems.

Information about the author: Natalya P. Generalova, DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, nab. Makarova st. 4, 199034, St. Petersburg, Russia

E-mail: generalovanatalia@gmail.com

Received: April 11, 2020

Published: June 17, 2020

For citation: Generalova N. P. What Raphael's painting Afanasy Fet prayed in his childhood with (From commentary on "The Early Years of My Life") // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 2, pp. 184–191. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-184-191

Вспоминая свои детские годы, А. А. Фет поведал о том, как мать научила его молиться на прекрасный образ Девы Марии, изображенной на масляной копии картины Рафаэля, однако названия картины он не дал, оставив лишь ее описание. «Не менее восторга возбуждала во мне живопись, высшим образцом которой являлась на мои глаза действительно прекрасная масляная копия Святого Семейства, изображающая Божию Матерь на кресле с Младенцем на руках, младенцем Иоанном Крестителем по левую и Св. Иосифом по правую сторону. Мать растолковала мне, что это произведение величайшего живописца Рафаэля, и научила меня молиться на этот образ. Сколько раз мне казалось, что Божия Матерь тем же нежным взором смотрит на меня, как и на своего Божественного Младенца, и я проливал сладкие слезы умиления...» [Фет, 1893: 18].

Среди сохранившихся 42-х Мадонн Рафаэля немногие подходят под описание той, копия которой находилась в усадьбе А. Н. Шеншина в Новоселках. Речь могла бы идти о многофигурной композиции «Мадонна на троне с младенцем и святыми» (1504–1505), написанной Рафаэлем в качестве центральной части алтаря семейства Колонна. Однако упомянутого в описании Фета св. Иосифа на этой картине нет: по правую руку Богоматери изображен св. Петр, по левую — св. Павел. Кроме того, на заднем плане присутствуют св. Екатерина и св. Сесилия, а на люнете изображен Бог-отец в окружении ангелов. Высокий трон под балдахином, на котором восседает Богоматерь, вряд ли можно назвать креслом. Скорее следует предположить, что в доме Шеншиных была копия с более поздней картины Рафаэля «Святое семейство под дубом» (1518), на которой Мадонна изображена сидящей с младенцем Христом на колене и нежно взирающей на него, левой рукой она облокотилась на подобие мраморной консоли. Слева от нее младенец Иоанн Креститель протягивает Христу пергамент с надписью «Agnus Dei» (Агнец Божий), справа — св. Иосиф, также облокотившийся на

резную консоль и глядящий на Христа (ныне картина находится в мадридском музее Прадо). Искусство Рафаэля вдохновляло Фета на протяжении всей жизни. Восторженное описание «Сикстинской Мадонны» он оставил в первом письме «Из-за границы»: «Когда я смотрел на эти небесные, воздушные черты, мне ни на мгновение не приходила мысль о живописи или искусстве; с сердечным трепетом, с невозмутимым блаженством я веровал, что Бог сподобил меня быть соучастником видения Рафаэля. Я лицом к лицу видел тайну, которой не постигал, не постигаю и, к величайшему счастью, никогда не постигну. Пусть эта святая тайна вечно сияет, если не перед моими глазами, по крайней мере, в моем воспоминании... В растворенном окне, под раздвинутыми зелеными занавесками, на облаке появилась Пречистая с Божественным Младенцем на руках. С правой Ее стороны, на коленях перед Ней, св. Сикст, с левой — великомученица Варвара. Два младенца-ангела, опершись на подоконник, ищут глазами своих владык. Разве это картина? разве это сочинено? <...> взглянув раз на лики Пречистой и Божественного младенца, вы не будете и не можете глядеть ни на что. Такого ясного, лучезарного чела, таких глаз не может быть у человека» [Фет, 2002 4: 34]. Именно к этой картине обращено стихотворение «К Сикстинской Мадонне» (1864):

Вот Сын ее, — он тайна Иеговы, —
Лелеем девы чистыми руками.
У ног ее земля под облаками,
На воздухе нетленные покровы.

И преклонясь с Варварою готовы
Молиться ей мы на коленях сами,
Или как Сикст блаженными очами
Встречать того, кто рабства сверг оковы.

Как ангелов, младенцев окрыленных,
Узришь и нас, о дева! не смущенных:
Здесь угасает пред тобой тревога.

Такой тебе, Рафаэль, вестник Бога,
Тебе и нам явил твой сон чудесный
Царицу жен — царицею небесной [Фет 2002 5, кн. 1: 144].¹

Однако более ранние стихотворения, обращенные к Деве Марии, возможно, были навеяны детскими впечатлениями от копии картины, описанной в «Ранних годах моей жизни». Так, в стихотворении «Мадонна» («Я не ропщу на трудный путь земной...»), впервые напечатанном в «Москвитянине» (1842, № 4), поэт, кажется, обращается к детским воспоминаниям о картине «Святое семейство под дубом»:

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйного не слушаю невежды;
Моим ушам понятен звук иной,
Моей душе приятен глас надежды.

С тех пор, как Санцио передо мной
Изобразил склоняющую вежды,
И этот лик, и этот взор святой,
Смиренные и легкие одежды,

И это лоно матери, и в нем
Младенца с ясным радостным челом,
С улыбкою к Марии наклоненной —

О! как душа стихает вся до дна!
Как много ты с святого полотна
Мне шлешь, мой Бог, с пречистою Мадонной! [Фет 2002 1: 110].²

Принято сопоставлять это стихотворение, написанное также в сонетной форме, со стихотворением «К Сикстинской Мадонне», однако некоторые детали указывают на другую картину. Как известно, Сикстинская

¹ Здесь приводим позднюю редакцию, напечатанную впервые в первом выпуске «Вечерних огней».

² Здесь в комментариях, вслед за Б. Я. Бухштабом — см. [Фет 1937: 711], [Фет 1957: 758], дается отсылка к картине Рафаэля «Сикстинская Мадонна» [Фет 2002: 443].

Мадонна, как и младенец, смотрят прямо перед собой, их взгляды устремлены на зрителя. В раннем же стихотворении Мадонна смотрит, склонившись, вниз («склоняющую вежды»), а младенец-Христос «с улыбкою» смотрит на мать, как на картине «Святое семейство под дубом» — сюжет, надо подчеркнуть, редко встречающийся у Рафаэля, исключая «Мадонну с гвоздиками» (1506–1507), на которой мать и сын смотрят друг на друга.

Не исключено, что еще одно стихотворение, обращенное к Богородице, связано с картиной Рафаэля, описанной в «Ранних годах моей жизни», а именно стихотворение «Владычица Сиона, пред тобою...», впервые опубликованное в сборнике «Стихотворения А. Фета» (1850). Написанное, как было установлено Б. Я. Бухштабом, не позднее 1842 г. и сохранившееся в списке (под заглавием «Молитва») в архиве С. П. Шевырева вместе со списком стихотворения «Мадонна», это стихотворение также имеет форму сонета:

Владычица Сиона, пред тобою
Во мгле моя лампада зажжена.
Все спит кругом — душа моя полна
Молитвою и сладкой тишиною.

Ты мне близка... Покорною душою
Молюсь за ту, кем жизнь моя ясна.
Дай ей цвести, будь счастлива она –
С другим ли избранным, одна, или со мною.

О нет! прости наитие недуга!
Ты знаешь нас: нам суждено друг друга
Взаимными молитвами спасать.

Так дай же сил, простри святые руки,
Чтоб ярче мог, в полночный час разлуки,
Я пред тобой лампаду возжигать [Фет 2002 1: 109].

В пользу нашего предположения говорит особое, интимное отношение к Деве Марии («Ты мне близка...»), к которой поэт обращается с молитвой, прося о милости к своей возлюбленной. Зажженная лампада свидетельствует о том, что лик Богородицы находится в комнате

молящегося, это знакомый ему образ. То, что оба стихотворения создавались приблизительно в одно и то же время (до 1842 г.), наводит на мысль, что между ними существует какая-то связь. По какой причине «Молитва» не была опубликована в «Москвитянине», неизвестно.

Еще одно стихотворение, представляющее переложение молитвы, славящей Богоматерь, было опубликовано в том же номере «Москвитянина», что и стихотворение «Мадонна» (1842, № 4). Это стихотворение «Ave Maria»:

Ave Maria — лампада тиха,
В сердце готовы четыре стиха:
Чистая Дева, скорбящего Мать,
Душу проникла Твоя благодать.

Неба Царица! не в блеске лучей,
В тихом предстань сновидении ей!
Ave Maria, — лампада тиха,
Я прошептал все четыре стиха [Фет 2002 1: 174].

Здесь повторяется ситуация, изображенная в стихотворении «Молитва»: поэт вновь обращается к Деве Марии как к близкой ему защитнице и просит ниспослать свою благодать на ту, за которую молится. Характерно, что он просит Богоматерь явиться к возлюбленной не в сияющем «блеске лучей», как она нередко изображалась на иконах, а в более интимном, знакомом виде. Возможно, именно в том, в каком она предстает на картине Рафаэля «Святое семейство под дубом». То, что молитва звучит на латыни, может быть напоминанием о той молитве, которой учила будущего поэта мать.

Этот небольшой цикл стихотворений, написанных примерно в одно время, мог быть обращен к той, чьими усилиями был в 1840 г. опубликован первый поэтический сборник Фета «Лирический Пантеон». Не случайно списки стихотворений были подписаны Фетом тем же криптонимом «А. Ф.», что и первый поэтический сборник. Трагическая развязка любовной истории поэта и гувернантки, имя которой не дошло до нас (она была изгнана из дома), могла стать толчком к созданию этого небольшого цикла и напомнить поэту детские впечатления от картины Рафаэля.

Список литературы

- Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет: Очерк жизни и творчества. Л.: Наука, 1990. 137 с.
Фет А. А. Полное собрание стихотворений / вступит. ст., редакция и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л.: Советский писатель, 1937. 817 с.
Фет А. А. Полное собрание стихотворений / вступит. ст., подготовка текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л.: Советский писатель, 1959. 897 с.
Фет А. А. Ранние годы моей жизни. М.: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1893. 548 с.
Фет А. А. Собр. соч.: в 20 т. СПб., 2002–...

References

- Bukhshtab B. Ia. A. A. *Fet: Ocherk zhizni i tvorchestva* [A. A. Fet: Essay on life and creativity]. Leningrad: Nauka Publ., 1990, 137 p. (In Russ.)
Fet A. A. *Polnoe sobranie stikhotvorenii / vstupit. st., redaktsiia i primech.* B. Ia. Bukhshtaba [Complete collection of poems]. Leningrad.: Sovetskii pisatel' Publ., 1937, 817 p. (In Russ.)
Fet A. A. *Polnoe sobranie stikhotvorenii / vstupit. st., podgotovka teksta i primech.* B. Ia. Bukhshtaba [Complete collection of poems]. Leningrad.: Sovetskii pisatel' Publ., 1959, 897 p. (In Russ.)
Fet A. A. *Rannie gody moei zhizni* [Early years of my life]. Moscow, t-vo tip. A. I. Mamontova Publ., 1893, 548 p. (In Russ.)
Fet A. A. *Sobr. soch.: v 20 t.* [Collected works in 20 vols.]. St. Petersburg, 2002–... (In Russ.)

© 2020. В. Г. Андреева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л. Н. Толстого

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-012-00102*

В статье рассматривается образ земли в романах Толстого как одна из нескольких «эпических констант» художественного творчества писателя. Толстой констатирует, что полный отрыв человека от земли постепенно приводит к забвению духовной жизни, к потере понимания ценности народного единства. Образ земли связывает все романы Толстого, способствует организации религиозного сознания, становится ключевым в позднем творчестве писателя, мечтавшего о передаче земли в народное пользование по системе американского публициста и политэконома Генри Джорджа. *Рождение и смерть*, ситуация *войны* и образ *земли* становятся своеобразными критериями в эпических художественных мирах Толстого — все эти четыре константы являются не только смысловыми центрами, но и мерилami для толстовских героев. Анализируемые в статье непреходящие эпические основы позволяют осмыслить особенности толстовского историзма, связи личности и народа. Автор статьи показывает, что после «Войны и мира» ориентация Толстого на эпическую широту была вызвана желанием сохранить найденный масштаб, воплотить его на новом материале современной ему жизни. В художественном мире «Анны Карениной» отмечается особая концентрация эпических основ, а в «Воскресении» эпическая сущность романа объясняется катастрофой государственного масштаба, угрозой, нависшей над русским народом и поставившей его на грань вымирания.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, роман-эпопея, эпический роман, эпические основы, образ земли, земельный вопрос, война, рождение, смерть, народное единство.

Информация об авторе: Андреева Валерия Геннадьевна, ORCID 0000-0002-4558-3153, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия

E-mail: lanfra87@mail.ru

Дата поступления: 12.04.2020

Дата публикации: 17.06.2020

Для цитирования: Андреева В. Г. Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л. Н. Толстого // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 192–227. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Valeria G. Andreeva

A.M. Gorky institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The image of the earth as one of the epic foundations of the artistic worlds of Leo Tolstoy's novels

*The reported study was funded by RFBR,
project number 20-012-00102*

The article considers the image of the earth in Leo Tolstoy's novels as one of several "epic constants" of the writer's artistic work. Leo Tolstoy states that the complete separation of man from the earth gradually leads to oblivion of spiritual life, to a loss of understanding of the value of national unity. The image of the earth connects all Leo Tolstoy's novels, promotes the organisation of religious consciousness, and becomes key in the late work of the writer who dreamed of transferring land for public use according to the system of American publicist and political economist Henry George. Birth and death, the situation of war and the image of the earth become original criteria in Leo Tolstoy's epic artistic worlds — all four of these concepts are not only semantic centres, but also measures for Leo Tolstoy's heroes. The enduring epic foundations analysed in the article make it possible to comprehend the features of Leo Tolstoy's historicism, the connection between the individual and the people. The author of the article shows that after the "War and Peace", Leo Tolstoy's orientation to epic breadth was caused by a desire to maintain the scale found, to embody it on new material of his contemporary life. In the artistic world of "Anna Karenina", a special concentration of epic foundations is noted, and in "Resurrection" the epic essence of the novel is explained by a national catastrophe, a threat hanging over the Russian people and putting it on the brink of extinction.

Keywords: Leo Tolstoy, epic novel, epic foundations, image of earth, land issue, war, birth, death, national unity.

Information about the author: Valeria G. Andreeva, ORCID 0000-0002-4558-3153, DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia

E-mail: lanfra87@mail.ru

Received: April 12, 2020

Published: June 17, 2020

For citation: Andreeva V. G. The image of the earth as one of the epic foundations of the artistic worlds of Leo Tolstoy's novels // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 2, pp. 192–227. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227

Среди всех русских писателей XIX в. именно Л. Н. Толстой смог приблизиться к эпическим широте и масштабу и воссоздать их в своих самых крупных произведениях. Новаторский жанровый характер «Войны и мира» отметили, как уже не раз было подчеркнуто в литературоведении, многие современники Толстого. После выхода романа-эпопеи «Война и мир» и классики русской литературы, и многие второстепенные писатели обратились к находкам Толстого, осознав возможность реализации эпических основ. Так, Ф. М. Достоевский, размышляя над романом «Житие великого грешника», в подготовительных материалах указал на соответствующий объем будущего произведения, поставив его в один ряд с романом-эпопеей Толстого: «Это будет мой последний роман. Объемом в “Войну и мир”» [Достоевский: 117]. И сложный художественный полилог, происходивший между русскими романистами второй половины XIX в., включивший идейные споры и сложные переключки, во многом был начат с «Войны и мира», продолжен после выхода романа «Анна Каренина» и фактически завершен «Воскресением» [Андреева 2016: 382].

Толстой смог аккумулировать многие достижения своих предшественников: как русских, так и зарубежных писателей разных времен, европейских авторов эпохи Возрождения, писателей периода античности, в том числе Гомера, которого Толстой читал в разные периоды жизни, а в оригинале — перед написанием «Анны Карениной». В процессе аналитического изучения круга источников, которые могли повлиять на создание Толстым эпопеи нового времени, открываются возможные воздействия различных произведений: Толстой творчески обобщил многие литературные достижения, но именно у него они получили эпопейный масштаб. Необходимо оговориться, что на возникновение эпопеи и эпического романа в середине XIX в. в русской литературе большое значение оказала древнерусская литература, изучение фольклора и народной жизни: «Именно в эпоху захватившего почти всех

народознания (в самых различных его формах), на гребне фольклорной и исторической волны, и мог возникнуть гениальный замысел Толстого. Причем не только возникнуть, но и реализоваться. 60-м годам XIX в. выпала честь открыть новую страницу в системе жанров: «Война и мир» явила собой первый образец современной эпопеи в мировой литературе» [Бекедин: 53]. А после «Войны и мира» ориентация Толстого на эпическую широту была вызвана, по нашему мнению, желанием писателя сохранить найденный масштаб, воплотить его на новом материале современной ему жизни.

Как отмечает Б. М. Эйхенбаум, для Толстого «после “Войны и мира” были естественны и возможны два пути: либо показать исторический “узел” русской жизни и тем самым разгадать современные ее общественные и бытовые загадки, либо, наоборот, взять человека вне всякой истории. Эти две области были в сознании Толстого соотносительными, как это видно по “Войне и миру”» [Эйхенбаум: 110–111]. Сложно в данном случае не согласиться с ученым в том, что после написания романа-эпопеи для Толстого были легко воссоздаваемы оба пути, причем в одном произведении. Историческое время и реальные его условия были для писателя чрезвычайно важны: толстовское жизнелюбие не позволило бы ему абстрагироваться от реальности, взаимоотношений людей и их переживаний, но писатель искал сюжет, который мог бы помочь ему наиболее четко и полно передать духовные поиски героев и их душевную жизнь.

Особенности воспитания, натуры и характера Толстого, его безудержное стремление к самосовершенствованию и борьбе, военная служба, по-своему устроенная семейная жизнь в Ясной Поляне, ставшей центром хозяйственных, педагогических и других опытов Толстого, непрекращающийся поиск смысла существования, открытие и объяснение себе и людям истинных ценностей, выработка наилучшего и правильного пути — все это влияло на обнаружение, осознание Толстым непреложных основ жизни и воплощение их в произведениях. Художественное творчество писателя необычайно многогранно, а при этом цельно и монолитно. К. Н. Ломунов справедливо отметил, что не только по отношению к роману-эпопее «Война и мир», но и применительно ко всем произведениям Толстого, в том числе и к «Анне Карениной» можно говорить о принципе «всеохватности»: «Принцип “всеохватности” руководил писателем и в пору создания “Воскресе-

ния”, доказательством чего служит не только его намерение объединить в этом романе множество ранее намеченных сюжетов, а и такая композиция романа, которая давала Толстому возможность показать русскую пореформенную жизнь и в “горизонтальном” (от столицы до самых дальних окраин государства) и в “вертикальном” (все классы и слои общества) разрезах» [Ломунов: 46–47].

Целью данной статьи является рассмотрение образа земли в романах Толстого как одной из нескольких «эпических констант» художественного творчества писателя. До сих пор образ земли в произведениях Толстого не был предметом специального исследования, не рассматривался в совокупности с другими подобными основами в осмыслении нарастания и сохранения эпического и эпического начал в произведениях Толстого. Обозначим кратко указанные эпические константы, чтобы далее перейти к непосредственному их анализу, так как именно глубинное осмысление художественного текста Толстого позволяет увидеть все многообразие связей между идеями писателя, их воплощением в образах и мотивах, сложными и дополняющими друг друга принципами организации произведений и их жанровыми особенностями. По нашему мнению, *рождение* и *смерть*, ситуация *войны* и образ *земли* становятся своеобразными критериями в художественных мирах Толстого — все эти четыре эпические константы являются не только смысловыми центрами, но и мерилami для толстовских героев. Указанные эпические основы были использованы Толстым и в романе-эпопее «Война и мир», в ситуации катастрофы национального масштаба; и при создании эпических романов, в относительно спокойное время, но не лишенное серьезных внутренних кризисов, расшатывавших основы народной жизни.

Рассматриваемые эпические основы позволяют писателю представить глубинные связи личности и народа. Благодаря идее ощущения человеком себя частью большого народного мира и рождается великий толстовский эпос. Более того, понятия и обозначаемые ими явления рождения, смерти, войны, земли непреходящи, они неизменно сопровождают человечество, через них Толстой выходит к глобальным проблемам и конфликтам, к огромному эпическому охвату действительности. Указанные понятия позволяют осмыслить особенности толстовского историзма; они способствовали организации писателем ясной и стройной иерархии героев, оцениваемых не с позиции положе-

ния в обществе, состояния, степени влияния, а с позиции системы их нравственных идеалов и стремлений. Толстовские герои, как и персонажи всей русской классической литературы, по справедливому замечанию Н. Ю. Алексеевой, нуждаются в оценке с позиций христианской антропологии: «Христианская антропология мыслит человека вне времени, в том смысле, что время, согласно ей, не оказывает решающего воздействия на природу человека, человек первых веков по своей сущности неотделим от человека последних» [Алексеева: 13].

Впервые эпическое мироощущение и эпическое видение жизни, связанные с народным, национальным единством, появляются у Толстого в Севастопольских рассказах. В финале рассказа «Севастополь в декабре месяце» мы видим эпическое спокойствие: автор представляет его с помощью фигуры наблюдателя, находящегося под ядрами и пулями, но двигающегося вперед со «спокойным, возвысившимся духом» [Толстой 4: 16]. По мнению Ю. В. Лебедева, в этом рассказе Толстого «формируется эпически широкий взгляд, с высоты которого Толстой рассматривает последующие, драматические для России “фазы” обороны», а “взгляд со стороны”, взгляд “новичка” здесь постоянно корректируется другим, несущим <...> “коллективную народную мудрость”» [Лебедев 1976: 68].

Защитники Севастополя в данном эпизоде представлены как эпические герои, причем автор не выделяет кого-то одного, но указывает на единую силу, масштаб которой чрезвычайно велик и во много раз превосходит физические возможности людей: «То, что они делают, делают они так просто, так малонапряженно и усиленно, что, вы убеждены, они еще могут сделать во сто раз больше... они все могут сделать» [Толстой 4: 16]. Начиная именно с Севастопольских рассказов, любые значительные герои Толстого немислимы вне народного единства.

Эпическое начало в Севастопольских рассказах проявляется благодаря особой ситуации, в которой оказываются русские военные: не штабные командиры, а принимающие непосредственное участие в боевых действиях. Внешняя угроза, кровопролитные бои за Севастополь способствуют выдвиганию на первый план самых существенных вопросов. По словам Г. Д. Гачева, чтобы эпопея состоялась, «искусственное» общезитие должно встать перед одной ситуацией — смерти (войны не шуточной, а той, где речь идет о его жизни и смерти), и здесь, на ее рубеже, ощутить свою полную зависимость от естественного те-

чения жизни и естественного общежития» [Гачев: 83]. Образ смерти и мотив страха смерти в Севастопольских рассказах уже достаточно подробно проанализирован литературоведами, но не менее значим в рассказах образ земли, связанный с идеей эпического общенационального единения, ведь и сражаются люди за русскую землю, за Севастополь. В финале рассказа «Севастополь в августе 1855 г.» Толстой описывает два противоположных чувства, испытываемых всеми защитниками: желание поскорее выбраться «из этого страшного места» и чувство, «похожее на раскаяние, стыд и злобу» [Толстой 4: 118]. Значимы не только контрастные ощущения, но и перечисление переживающих эти чувства людей (раненый солдат, ополченец, генерал, матрос, раненый офицер, артиллерист, флотские, каждый солдат), создающее соборный эпический образ. И в Севастопольских рассказах, и далее во всех романах Толстой использует знаковый прием: попытку подняться вверх над грешной землей, политой кровью: «...Сотни людей — с проклятиями и молитвами на пересохших устах — ползали, ворочались и стонали, — одни между трупами на цветущей долине, другие на носилках, на койках и на окровавленном полу перевязочного пункта; а все так же, как и в прежние дни, загорелась зарница над Сапун-горою, побледнели мерцающие звезды, потянул белый туман с шумящего темного моря, зажглась алая заря на востоке...» [Толстой 4: 52–53]. У Толстого небо часто появляется как образ антитетичный земле, полной грехов и страданий: в отличие от земли, постоянно сотрясаемой и оскорбляемой людьми, которые именно в силу своей близости к земле забывают ее ценность, высокое небо напоминает о вечных ценностях, о совершенстве.

Рассказ «Три смерти» условно можно назвать одним из «этюдов» Толстого на пути к «Воине и миру»: тема смерти и образ живого существа перед лицом вечности как эпическая основа всегда чрезвычайно интересовали Толстого. В «Казаках» тема смерти реализована на фоне природной, почти дикой жизни. Лукашка, выстреливший в плывшего по реке абрека, хвастается дяде Ерошке: «Ты вот ничего не видал, дядя, а я убил зверя» [Толстой 6: 85]. Но старик-охотник совсем по-другому воспринимает ситуацию. Ерошка знает о тонкой грани между жизнью и смертью: «Чего не видать! — с сердцем сказал старик, и что-то серьезное и строгое выразилось в лице старика. — Джигита убил, — сказал он как будто с сожалением» [Толстой 6: 85]. В «Казаках» Толстой не

уделяет большого внимания образу земли, однако именно земля и необходимость постоянной ее защиты определяют характер жизни местного населения. «Иван Грозный приезжал на Терек, вызывал с Гребня к своему лицу стариков, дарил им землю по сю сторону реки, увещевал жить в дружбе и обещал не принуждать их ни к подданству, ни к перемене веры», — пишет Толстой о гребенских казаках [Толстой 6: 15–16]. Жизнь казака, как показывает писатель, определена защитой своего «уголка земли», для них «свои» — это люди, которые населяют место «за Терекком, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни» [Толстой 6: 15].

Произведения Толстого, предшествующие «Войне и миру», еще не содержат образа глобального национального единства, появляющегося впервые в романе-эпопее: мы видим нападение на Россию французов, тяжелое положение всей страны под угрозой завоевания, вооруженный конфликт двух армий, народ, переживающий бедствия и встающий на защиту русской земли. Как пишет Г. Д. Гачев, для возникновения собственно эпопеи необходима ситуация, «когда народ и государство справляют свой день рождения на краю смерти, небытия», и в этих условиях происходит «творение, перворождение мира, всех вещей и отношений» [Гачев: 87]. В художественном мире романа-эпопеи Толстой не раз акцентирует внимание на том, что и жизнь конкретного человека, и судьба всего народа находятся в ситуации внешней угрозы, вневременного исчезновения.

Рождение и смерть в «Войне и мире» соединяют военные и мирные главы: эти рубежи земной жизни и в относительно спокойное время заставляют человека осознавать скрытые смыслы, думать о душе, а в состоянии войны, близости смерти многие люди осознают высшие ценности, и почти все неизменно чувствуют близость конца земного существования. В эпизоде перехода русской армии через Дунай появляется внутренний монолог, который можно отнести и к повествователю, и к каждому из героев: «Один шаг за эту черту, напоминающую черту, отделяющую живых от мертвых, и — неизвестность, страдания и смерть. И что там? кто там? там, за этим полем, и деревом, и крышей, освещенной солнцем? Никто не знает, и хочется знать; и страшно перейти эту черту, и хочется перейти ее; и знаешь, что рано или поздно придется перейти ее и узнать, что там, по той стороне черты, как и неизбежно узнать, что там, по ту сторону смерти» [Толстой 9: 174].

В «Войне и мире» о жизни и смерти больше всего рассуждают любимые герои Толстого и простые солдаты. Интересна сцена, в которой Андрей Болконский слышит разговор офицеров в балагане и узнает голос Тушина — «того самого капитана, который стоял без сапог у маркитанта» [Толстой 9: 217]. На фоне прочих реплик слова Тушина звучат спокойно и мудро, он не отвергает страха смерти, столь необходимого в бою для спасения солдат: «Я говорю, что коли бы возможно было знать, что будет после смерти, тогда бы и смерти из нас никто не боялся» [Толстой 9: 217].

Толстой уделяет особое внимание самым важным в жизни человека событиям: рождение и смерть близких людей, отношение к своей предстоящей кончине становятся проверкой на прочность толстовских героев в «Войне и мире», определяют вехи и переломы в их жизни. Так, после смерти графа Безухова начинается для Пьера самостоятельная жизнь богатого наследника, к которой он не готов. Два ранения Андрея Болконского определяют для него переоценку ценностей, в том числе финальную, предсмертную. Рождение сына маленькой княгиней и ее смерть не просто объединяют Болконских, но открывают Андрею и Марье неведомый до того смысл жизни. Смерть старого князя Болконского освобождает Марию и объясняет ей многое в неизвестном до этого большом мире. Гибель Пети Ростова необратимо сказывается на здоровье и силах графини и заставляет Наташу пробудиться от своих эгоистических переживаний. Все эти события имеют значительный масштаб в жизни отдельных семей, но соотносятся и с гибелью множества русских солдат — в художественном мире романа-эпопеи демонстрируется соотношение личного и народного при неизменном главенстве последнего. Самым существенным для Наташи Ростовской, ухаживающей за раненым князем Андреем, является вопрос его дальнейшей жизни и своей судьбы, связанной с этим человеком, однако во время угрозы гибели России личный вопрос отступает на второй план: «Хотя вследствие теперь установившегося сближения между раненым князем Андреем и Наташей приходило в голову, что в случае выздоровления прежние отношения жениха и невесты будут возобновлены, никто, еще менее Наташа и князь Андрей, не говорил об этом: нерешенный, висящий вопрос жизни или смерти не только над Болконским, но над Россией заслонял все другие предположения» [Толстой 11: 389].

К образу и мотиву смерти в романе-эпопее «Война и мир» исследователи уже не раз обращались, но подробно и многосторонне рассмотрены, в основном, перемены в сознании главных героев, особенно — Андрея Болконского. И. П. Карпов обращается к смерти Андрея Болконского, анализируя ее как разновидность онтологической ситуации, рассматривает ее объемную передачу автором: «Создание ситуации смерти происходит в четырех повествовательных планах, два из которых — собственно объектных, предметных (жизнь глазами живого человека и глазами человека умирающего) и два плана субъектных, поэтических (единая воссоздаваемая картина — как событие изображаемое и событие изображения)» [Карпов: 94]. Литературоведы справедливо подчеркивают, что князь Андрей лишь в высшие минуты своей жизни, обусловленные внешними факторами, становится причастен народному ее пониманию. Испытав единение с миром, он вскоре вновь отчуждается. Обосновывая глубинные причины смерти Болконского, Ю. В. Лебедев отмечает: «Князь Андрей умер не только от раны. Смерть вызвана особенностями его характера и положения в мире людей. Его поманили, позвали к себе, но ускользнули, оставшись недосыгаемыми, те духовные ценности, которые разбудил в русских людях 1812 год» [Лебедев 2016: 100].

Читатель романа-эпопеи понимает, что ситуация всеобщего кризиса позволила нивелировать значение мелкого и преходящего, а также всего «своего», актуализировав онтологические ценности и нужны народа. Ситуация войны определяет масштаб всех жизненных событий: «Эпопеи Гомера (как и те, что будут создаваться позднее другими авторами) обычно повествуют о войне, что объясняется как жадной подвергнуть героев максимальным испытаниям, так и неизбежной в этих условиях ситуацией “пограничья” между жизнью и смертью, а значит, вечностью и тленностью бытия. Отсюда следует и статус события в эпопее. Оно многопроекционно. Среди прочего событие свидетельствует о главном и существенном в мироустройстве. Опротечивый шаг героя или же неблагоприятный поступок не могли замыкаться в локальных пределах дома и племени» [Беглов: 13].

Образ земли и мотив смерти неизменно взаимосвязаны в произведениях Толстого. Земля выступает одним из главных мерил героев: те персонажи, которые не осознают ее ценности и святости, не могут приблизиться к народным идеалам, испытать соборное единение. Об-

раз земли у Толстого вбирает множество смыслов: как фольклорных, так и православных, но они не вступают между собой в противоречие. С древности образ земли был связан с жизнью, плодородием, рождением. Образ матери-земли часто встречается в фольклорном эпосе, в духовных стихах. Г. П. Федотов отмечает: «Солнце, месяц, звезды и зори — ближе к Богу: они происходят от Божия лица. Но не к ним обращено религиозное сердце народа. Греческое православие знало персонафикацию мира: царя-космоса, который изображается в короне под апостолами на иконе Пятидесятницы. Этому мужскому и царственному греческому образу соответствует русский — женский. Из всего космоса личное воплощение получает только мать-земля» [Федотов: 9]. С. И. Смирнов рассматривает отношение к земле в Древнем Риме и Древней Греции, рассуждает о древнерусском двоеверии и исповеди земле, характерной для времени становления христианства. Автор говорит о присущих многим образованным людям, в том числе русским писателям «трогательной мысли и глубоко затаенном чувстве ответственности пред нашей матерью-землей» как «одном из проявлений могучей “власти земли” над народом, живущим землею» [Смирнов]. А. Н. Паршин рассматривает соотнесение матери-земли с образом Богородицы. Исследователь упоминает развернувшееся в русской религиозной философии обсуждение фразы Хромоножки из разговора Шатова и Марьи Тимофеевны в «Бесах» Достоевского, отождествляющей Богородицу и великую мать сыру землю. Исследователь приводит мнения отцов Церкви и ученых по поводу данного отождествления, анализирует опыт православного богослужения и констатирует: «Мы видим, что Богородица называется землей, и рождение Спасителя сравнивается с произрастанием из земли (или сада) колоса или дерева. Земля эта неоранная, т. е. неводеланная, и упоминание о рае говорит, что это райская земля» [Паршин: 77]. Ученый подытоживает, что представление о Богородице как земле возможно, если только речь идет о «земле не здешней, падшей, <...> а земле девственной, райской» [Паршин: 78].

Русская земля в «Войне и мире» словно чувствует всю тяжесть разворачивающихся на ней сражений. Показывая падение ядра, с нечеловеческой силой взрывающего землю, Толстой отмечает: «Земля как будто ахнула от страшного удара» [Толстой 9: 217]. Образ земли занимает важнейшее место в рассуждениях Андрей Болконского и Пьера на пароме. «Вы говорите, что не можете видеть царства добра и правды на

земле. И я не видал его; и его нельзя видеть, ежели смотреть на нашу жизнь как на конец всего. На земле, именно на этой земле (Пьер указал в поле), нет правды — все ложь и зло; но в мире, во всем мире есть царство правды и мы теперь дети земли, а вечно — дети всего мира» [Толстой 10: 116]. Но эти рассуждения Пьера нисколько не умаляют ценности земной жизни человека, наоборот, писатель выводит тут своих героев за рамки текущей войны, напоминает о высшем единении: общемировом, вселенском.

Обратим внимание на знаковое обращение, повторяющееся в художественном мире романа-эпопеи. При переезде через Дунай князь Несвицкий становится свидетелем обращения фурштатского солдата к другим, загораживающим ему дорогу: «Но фурштат, не обращая внимания на наименование генерала, кричал на солдат, запружавших ему дорогу: “Эй! *землячки!* держись влево, стой!”» (курсив мой — В. А.) [Толстой 9: 169]. Только масштаб обращения и особая вложенная в него сила позволяют солдату в данном случае проигнорировать генерала. В эпизоде привала солдат, обращающийся к артиллеристам с сердечной просьбой, называет их землячками: «Огоньку горяченького в пехоту! Счастливо оставаться, *землячки*, благодарим за огонек, мы назад с процентой отдадим, — говорил он, унося куда-то в темноту краснеющую головешку» (курсив мой — В. А.) [Толстой 9: 240]. Еще раз рассматриваемое обращение появляется во время отъезда Пьера Безухова из Можайска: «Один раненый старый солдат с подвязанной рукой, шедший за телегой, взялся за нее здоровой рукой и оглянулся на Пьера. “Что ж, *землячок*, тут положат нас, что ль? Али до Москвы?” — сказал он» (курсив мой — В. А.) [Толстой 11: 190]. Таким образом через традиционное солдатское обращение констатируется приближение Пьера к земле и народу, он стал своим для солдат, землячком.

По мере того, как война в романе-эпопее перерастает в народную, освободительную, увеличивается смысловая нагрузка на образ земли: о России, о ее просторах в целом и каждом участочке родной земли переживают все: от Императора до крестьян. Когда французские войска переходят Неман, государь отправляет Балашова к Наполеону со строгим наказом: потребовать от французов ухода с русской земли. «Государь с волнением лично оскорбленного человека договаривал следующие слова: “Без объявления войны вступить в Россию. Я помирюсь только тогда, когда ни одного вооруженного неприятеля не останется

на моей земле», — сказал он» [Толстой 11: 13–14]. В отличие от других эпизодов в «Войне и мире», где поведение государя изображено как эгоистическое, в данном случае император не случайно оскорблен лично: он ответственен за русскую землю, за ее свободу и судьбу перед Богом и народом. Словосочетание «на моей земле» звучит из уст Александра I еще и так, как произнес бы его каждый русский человек-патриот.

Трогательно и благожелательно, без иронии, свойственной описаниям церковных обрядов у позднего Толстого, представлена в «Войне и мире» обедня в домовых церкви Разумовских, на которой по обыкновению присутствуют Ростовы. Понимание и ощущение происходящего передано Толстым в том числе благодаря чуткой и внимательной Наташе. «Миром, — все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединенные братской любовью — будем молиться», — думала Наташа» [Толстой 11: 74]. Одним из центральных образов в тексте молитвы о спасении России от вражеского нашествия, полученном из Синода, является образ земли: «Се враг смущаяй землю Твою и хотяя положить вселенную всю пугу, восста на ны; се людие беззаконии собрашася, еже погубити достояние Твое, разорити честный Иерусалим Твой, возлюбленную тебе Россию» [Толстой 11: 75].

Еще более примечательна сцена молитвы Кутузова и его преклонения перед иконой Смоленской Божией Матери. «Когда кончился молебен, Кутузов подошел к иконе, тяжело опустился на колена, *кланяясь в землю*, и долго пытался и не мог встать от тяжести и слабости. Седая голова его подергивалась от усилий. Наконец он встал и с детски-наивным вытягиванием губ приложился к иконе и опять поклонился, *дотронувшись рукой до земли*» (курсив мой — В. А.) [Толстой 11: 197]. С одной стороны, повествователь указывает, что Кутузов долго не может встать от тяжести и слабости. Однако в художественном мире романа-эпопеи важно наблюдать за сменой точек зрения. Всезнающий взгляд Толстого переключается на изображение увиденного Пьером: «Толпа, окружавшая икону, вдруг раскрылась и навалила Пьера. Кто-то, вероятно, очень важное лицо, судя по поспешности, с которой перед ним сторонились, подходил к иконе. Это был Кутузов, объезжавший позицию» [Толстой 11: 197]. Читатель понимает, что описание Кутузова дано глазами Пьера, которому (при его значительной физической силе) кажется, что командующий армией стар и слаб. Однако, скорее всего, еще один факт побуждает Кутузова не только задержаться перед

иконой, но и дважды прикоснуться к земле. Земной поклон Кутузова является символом смирения, принятия воли Божией и благоговения перед Творцом. Кроме того, известно, что «земля — неисчерпаемый источник здоровья для человека. Прикосновение к ней дает ему новые силы. Русские богатыри набираются сил, упавая на мать сыру землю. «В народной сказке богатырский конь дважды ударяет пятой доброго молодца — так, что хоть падает на землю, и вслед затем спрашивает его: “Много ль силы прибыло?” — “Прибыла сила великая”, — отвечает молодец» [Смирнов].

Кланяется в землю после незамысловатой молитвы и Платон Каратаев. А одно из лучших состояний прозрения Андрея Болконского, во время которого герою становится осмысленно близко народное «мы», связано с его рассуждением о Барклае де Толли, не понимающим духа русской армии: «Ну и в Смоленске он тоже правильно рассудил, что французы могут обойти нас и что у них больше сил. Но он не мог понять того, — вдруг как бы вырвавшимся тонким голосом закричал князь Андрей, — но он не мог понять, что мы в первый раз дрались там за русскую землю, что в войсках был такой дух, какого никогда я не видал, что мы два дня сряду отбивали французов и что этот успех удесятерил наши силы. Он велел отступить, и все усилия и потери пропали даром. Он не думал об измене, он старался все сделать как можно лучше, он все обдумал; но от этого-то он и не годится. Он не годится теперь именно потому, что он все обдумывает очень основательно и аккуратно, как и следует всякому немцу» (курсив мой — В. А.) [Толстой 11: 197].

Аналитическое сопоставление двух эпизодов, в которых присутствует образ земли, показывает читателю значимость фигуры Кутузова, смогшего увидеть и понять народную волю. Во время Бородинского сражения флигель-адъютант Вольцоген достаточно спокойно и невозмутимо докладывает Кутузову о том, что все русские войска бегут, что отбивать атаки невозможно. Кутузов принимает единственное верное решение, перебивая Вольцогена и настаивая на том, что неприятель отбит: «“Отбиты везде, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Неприятель побежден, и завтра погоним его из священной земли русской”, — сказал Кутузов, крестясь; и вдруг всхлипнул» (курсив мой — В. А.) [Толстой 11: 250]. Кутузов решителен и деятелен именно потому, что знает стремления русского народа. Уже гораздо позднее, в финале

романа-эпопеи, Толстой отметит: «Цель народа была одна: очистить свою землю от нашествия» [Толстой 12: 170]. Кутузов может и перебивать, и говорить не совсем правдивые вещи, далекие от фактов с поля сражения, так как это нужно для победы: поступая так, Кутузов выражает волю народа.

Мы обратились лишь к самым ярким примерам, иллюстрирующим значимость образа земли в романе-эпопее «Война и мир» и его связанность с другими эпическими основами. В художественном мире можно провести еще и множество ассоциативных связей. Так, Пьер навсегда запоминает Платона Каратаева как «олицетворение всего русского, доброго и круглого» [Толстой 12: 48]. Эти эпитеты не случайны: кроме описания фигуры и личности Каратаева, они позволяют читателю обратиться к идее народного единства, даже более — общечеловеческого единства, основанного на любви и вере. И очень символичным выглядит то, что пленный солдат-мужик Каратаев, встреченный Пьером, круглый (ассоциативно тут возникает образ Земли как планеты, всего мира). Каратаев способствует тому, что «прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, воздвигался в его (Пьера — В. А.) душе» [Толстой 12: 48].

Образ земли в творчестве Толстого до сих пор не был предметом пристального рассмотрения, между тем, именно он является одним из самых ярких компонентов образительности, поддерживающим эпопейный масштаб произведения. Многие исследователи творчества писателя обращались к справедливым, но достаточно абстрактным понятиям естественного и неестественного (искусственного) у Толстого, жизни и отражений жизни. Конечно, и сам Толстой, склонный к рассуждениям и постоянному анализу, в том числе мыслил этими категориями. Однако в романах писателя мы видим не абстрактную жизнь, поэтому глубину толстовских эпических констант нельзя заменить какими-либо отвлеченными понятиями.

Как мы указали выше, в романе-эпопее проверка каждого из героев, выпадающее ему на долю личное испытание неразрывно связаны с ситуацией, переживаемой Россией. В. А. Беглов отметил, что в эпопее «положение в обществе самих героев также имеет особенность», что «исследователи давно обратили внимание на слово “каждый” в гомеровских текстах». Далее ученый цитирует наблюдения И. В. Шталь о гомеровском эпосе, в котором совокупность единообразных волей каж-

дого есть общая воля всех [Беглов: 13]. Подобное соотношение личности и мира мы видим и в романе-эпопее Толстого, а образ земли выступает как исконно народное, крестьянское понятие, отношение к которому выявляет и истинную сущность дворян, интеллигенции.

Эпопейная сущность «Войны и мира» могла выразиться только в обнаруженной писателем эпохальной ситуации — такого же объемного изображения в творчестве Толстого мы более не найдем, если рассматривать его последующие произведения с точки зрения жанровых особенностей. «Созидаются новые отношения между людьми, на совершенно иной основе, чем прежде, невозможной до этой войны, да и после нее, но такие отношения, которые должны были бы быть всегда, — “общая жизнь”, человеческое единство во имя простой и ясной, не разделяющей разных людей, но связующей их задачи», — отметил Бочаров [Бочаров: 17]. Однако мы убеждены в том, что найденный Толстым эпопейный масштаб оказал огромное влияние на создание писателем двух последующих романов — «Анны Карениной» и «Воскресения». В литературоведении стало традиционным представление о различии стиля Толстого в романе-эпопее и последующих романах. Конечно, выводы исследователей о нарастании емкости и сжатости, лаконичности манеры Толстого по мере его приближения к финалу XIX в. справедливы. Но при этом важно рассмотреть и идею жанровой преемственности произведений Толстого, поиска в разных его романах не просто общих мотивов или символов, но тех основ, которые позволяют показать неизменное отношение писателя к ключевым идеям жизни каждого человека.

Толстой в силу особенностей своей личности и постоянно идущих параллельно нравственного и творческого поиска уже не мог отказаться от тех *глубинных эпопейных основ связи всего живого*, которые были найдены им в «Войне и мире». Как справедливо отметил Г. Д. Гачев, «потребность в эпопейном осмыслении бытия существует всегда и везде; и эпопейное, так сказать состояние мира тоже существует как возможность и как зов сознания людей <...> — всегда» [Гачев, 82].

Истинно эпопейной ситуации, в которой народ и страна сталкиваются с явной и конкретной внешней угрозой в «Анне Карениной» и «Воскресении» Толстой не представил, однако в этих двух романах, на фоне относительно мирного и спокойного внешнего существования страны и народа, мы видим глубокие кризисы и переломы, ставящие

отдельных героев на грань жизни и смерти, а фактически каждого человека — перед жизненным и нравственным выбором, определяющим его будущее.

В связи с указанным отсутствием эпопейной ситуации, но отмечаемой в романах Толстого особой жизненной полнотой, о которой мы далее и будем говорить, анализируя эпические константы художественных миров романов, мы считаем уместным определять жанровую характеристику произведений «Анна Каренина» и «Воскресение» термином «эпический роман», рассматривая его как особую вершинную, доминантную форму жанра, характерную для русской литературы второй половины XIX в., и в первую очередь для творчества Толстого [Андреева 2016: 45–74; 269–290].

В романах «Анна Каренина» и «Воскресение» эпический масштаб воплощен Толстым по-разному, однако открытые писателем эпические константы неизменно являются основополагающими при создании художественной целостности произведения.

В «Анне Карениной» рождение и смерть связаны и идейно, и композиционно: после рождения дочери Анна серьезно заболевает, так что близкие ее думают уже о возможном конце. Сам Константин Левин связывает два близко стоящих в своей жизни происшествия: смерть брата и беременность жены: «Не успела на его глазах совершиться одна тайна смерти, оставшаяся неразгаданной, как возникла другая, столь же неразгаданная, вызывавшая к любви и жизни» [Толстой 19: 75], причем мысль о смерти жены и ребенка не раз приходит ему на ум, когда он ожидает появления младенца.

На фоне внешне мирной ситуации в романе «Анна Каренина» изображено немало смертей и положений, в которых герои оказываются между жизнью и смертью. Можно условно сказать об особой «концентрации» эпических основ в художественном мире Толстого. В «Анне Карениной» мотив смерти представлен множеством реализаций: мысли о конце и созерцание тяжелой болезни людей заставляют многих героев Толстого измениться, знаменуют начало новой фазы в их жизни, а рядом с упоминанием о смерти часто появляются рассуждения о душе. Конечно, приход Константина Левина к вере, его страх смерти и прозрения автобиографичны, однако нам важнее другое: обе сюжетные линии эпического романа сцеплены в том числе и отношением персонажей к смерти, их готовностью обратиться в размышлениях к

этому вопросу, способностью осознать жизнь вечную. Как уже не раз отмечали исследователи романа «Анна Каренина», символична в начале романа смерть сторожа под колесами поезда: «Сторож, был ли он пьян или слишком закутан от сильного мороза, не слышал отодвигаемого задом поезда, и его раздавили» [Толстой 18: 69]. Но очень значима в романе и реакция жены сторожа, пересказанная Облонским: «И жена его тут... Ужасно видеть ее... Она бросилась на тело. Говорят, он один кормил огромное семейство. Вот ужас!» [Толстой 18: 69]. Не будем в данном случае подробно останавливаться на том моменте, что сам Стива Облонский, устраивающий роскошные обеды, не приспособлен к бытовым сложностям жизни, что именно он виноват в финансовых сложностях семьи (вспомним Долли Облонскую, вынужденную перешивать детям одежду и заботиться о самом насущном). Нам важнее в данном случае указание Толстым на реакцию близких людей, теряющих дорогого им человека и на тот факт, что семья, оставшаяся без кормильца, также оказывается на грани, в бедственном состоянии (эта тема будет подробно рассмотрена нами далее, при анализе романа «Воскресение»).

В рамках данной статьи излишне подробное рассмотрение всех эпизодов романа, в которых встречается мысль о смерти. Кратко перечислим их, обозначив особенную роль этих сцен в общем движении героев. Серьезная послеродовая горячка заставляет саму Анна Каренина и Вронского думать о скорой смерти. Вронский совершает в романе попытку самоубийства, он также оказывается на грани жизни и смерти. Мучительно и тяжело умирает брат Левина Николай. Все эти эпизоды производят своеобразный переворот в жизни героев, определяют для них новую фазу существования на пути к Богу.

Большинство героев Толстого, внезапно сталкивающихся с мыслью о смерти, испытывают ужас. «Ах, какой ужас! Ах, Анна, если бы ты видела! Ах, какой ужас!» — говорит Стива Облонский сестре про задавленного сторожа [Толстой 18: 69]. «Ах, это ужасно, ужасно! Зачем ты приехала?» — скажет жене Константин Левин, когда Кити будет ухаживать за его умирающим братом [Толстой 19: 61]. Толстой очень хорошо передает не только естественный страх смерти, свойственный каждому человеку, но и ужас, отвращение и тот панический страх, который при мысли о смерти неверующего человека делает бессмысленным все его существование, заставляет раз за разом возвращаться

к этому вопросу. Константин Левин в романе постепенно приходит к вере, и сначала он не замечает значимых фраз, которые могли бы открыть ему мысль о бессмертии души. После слов Левина, рассказывающего няне о том, что он заботится не о мужиках, а о себе, подразумевая под этим свою выгоду, Агафья Михайловна отвечает: «О своей душе, известное дело, пуще всего думать надо. <...> Вон, Парфен Денисыч, даром что неграмотный был, а так помер, что дай Бог всякому» [Толстой 18: 364]. Судя по вариантам романа, Толстой продумывал сцену с известием о смерти Парфена Денисовича. Первоначально, по задумке автора, именно эта сцена, а не кончина брата Николая, должна была показать Левину ужас смерти воочию. Толстой предполагал столкнуть Левина с мыслью о смерти, а потом представить реальную угрозу его собственной жизни. В вариантах романа Левин отправлялся проститься с Парфеном Денисовичем, приходил уже после его смерти, в задумчивости стоял некоторое время в доме Парфена Денисовича, а на обратном пути сталкивался с бешеной собакой, о которой еще до выхода из дома упоминал Левину охотник Семен.

Несколько эпизодов в вариантах, относящихся к данной сцене, все-таки не вошедшей в основной текст, дополняют один другой. В рук. № 71 Толстой большее внимание уделяет описанию состояния и ощущениям героя, которые могут быть охарактеризованы как недоумение: «Левин стоял, дожидаясь сам не зная чего. Он испытывал то чувство недоумения, которое он всегда испытывал при близости к смерти» [Толстой 20: 327]. А в рук. № 70 мы видим несколько иное описание внутреннего мира героя, связанное с размышлениями о смерти и ее фактическим приближением. Так, Толстой мастерски соединяет в душе Левина два чувства: *жалость* к взбесившейся собаке, которую придется застрелить, и *ужас*, связанный с приближением смерти старика. Интересно, что писатель показывает градацию ужаса. Не пренебрегает Толстой эпитетом «ужасный», когда описывает впечатления героя. Так, Левин, подходящий к дому Парфена Денисовича, ощущает ужасный запах из открытой двери. Заставляя своего героя задуматься о конце, Толстой передает, как ужас завладевает его мыслями: «Тот самый туманный день, который ему казался так хорош, когда он верхом возвращался с постройки, теперь новым ужасом обхватил его. “Как он умер? Что думал? Зачем звал меня?” — думал он...» [Толстой 20: 322]. Но пика ужас достигает, когда Левин сталкивается с бешеной собакой.

Когда он замечает Помчишку и ее странные движения, «мороз ужаса пробегает по его спине». Приближение собаки позволяет Левину осознать реальную угрозу своей жизни, ужас дорастает до невероятных пределов: «Ужас, какого никогда не испытывал Левин, обхватил его. Он бросился бежать своими сильными, быстрыми ногами что было духа. Он испытывал страшный ужас, но в ту минуту, как он побежал, ужас еще усилился» [Толстой 20: 323].

В окончательном тексте романа остается лишь известие о смерти Парфена Денисовича, которое почти не задевает Левина, а сцены с бешеной собакой нет. Однако ощущение отвращения и нарастающего ужаса, прекрасно переданные в вариантах, и даже эффект мороза, пробегающего по спине, Толстой переносит в эпизод смерти брата Левина, Николая. Образ Николая нужен писателю в том числе для того, чтобы показать тайну смерти, уход самого родного Левину по крови человека. При сравнении вариантов романа и окончательного текста становится ясно, почему Толстой сталкивает Левина со смертью именно родного брата: в этом случае писателю не требовалась сцена с собакой, наводящая на Левина ужас уже на физическом уровне. Наблюдая за болезнью Николая и осознавая приближение смерти, Константин Левин не только глубоко задумывался над вопросами преходящей сущности человека, но за счет родства ощущал особую близость смерти к себе: «Вид брата и близость смерти возобновили в душе Левина то чувство ужаса перед неразгаданностью и вместе близостью и неизбежностью смерти» [Толстой 19: 75].

Обратим внимание на то, что стадии восхождения Левина к вере и значимые диалоги, знаменующие постепенное прозрение героя (два разговора с няней Агафьей Михайловной и разговор с подавальщиком Федором), соединяют в восприятии читателя эпические основы: рождение, смерть, образ земли и даже войну (спор о войне Левина и Кознышева в последней части романа). Финальное прозрение Левина напрямую связано с образом земли, испытанием человека землей и отношением к ней:

«Подавальщик был из дальней деревни, из той, в которой Левин прежде отдавал землю на артельном начале. Теперь она была отдана дворнику внаймы. Левин разговорился с подавальщиком Федором об этой земле и спросил, не возьмет ли землю на будущий год Платон, богатый и хороший мужик той же деревни.

— Цена дорога, Платону не выручить, Константин Дмитрич, — отвечал мужик, выбирая колосья из потной пазухи.

— Да как же Кириллов выручает?

— Митюхе (так презрительно назвал мужик дворника), Константин Дмитрич, как не выручить! Этот нажмет, да свое выберет. Он *хрестьянина* не пожалеет. А дядя Фоканыч (так он звал старика Платона) разве станет драть шкуру с человека? Где в долг, где и спустит. Ан и не добрет. Тоже человеком.

— Да зачем же он будет спускать?

— Да так, значит — люди разные; один человек только для нужды своей живет, хоть бы Митюха, только брюхо набивает, а Фоканыч — правдивый старик. Он для души живет. Бога помнит» (курсив мой — В. А.) [Толстой 19: 376].

К реплике о душе диалог выходит после разговора о земле. Не случайно и «этимологическое» напоминание о происхождении слова «крестьянин» — «христианин»: Толстой представляет глубинную связь православной веры и земледельческого народа. Интересно, что этот эпизод воскрешает в памяти фигуру Платона Каратаева, который по натуре своей был хорошим и дельным хозяином, любящим землю и все живое: «Вотчина у нас богатая, *земли много*, хорошо живут мужики, и наш дом, слава тебе Богу. Сам-сем батюшка косить выходил. Жили хорошо. *Хрестьяне настоящие были*» (курсив мой — В. А.) [Толстой 12: 47].

В жизни Левина, как и в жизни самого Толстого, огромное значение имела земля. Дочь Толстого, Татьяна Львовна, отметила особую привязанность отца к земледельческому труду: «Любовь отца к земле и уважение его к земельному труду были не только принципиальными, но и органическими. До его так называемого переворота, или перелома, отец страстно занимался хозяйством, совершенствуя все его отрасли, насколько это было в его силах. С крестьянским земледельческим трудом он всегда близко соприкасался и часто в нем участвовал» [Сухотина: 351]. Писатель считал, что труд на земле — это необходимая потребность человека, облагораживающая его душу. Так же живет и автобиографический герой Константин Левин, оберегающий ценности, стоявшие для Толстого на первом месте не только в 1860–70-е годы, но и на протяжении всей жизни. Как отмечает Н. А. Никитина, «Ясная Поляна стала местом духовной самореализации личности, особым типом жизни, исповедания, образа мыслей ее обитателей... Дед и отец

писателя создали здесь свою философию сельского существования, понимаемую как культ семьи, как состояние счастливой безмятежности и покоя» [Никитина: 40].

В произведениях Толстого нет случайных фраз, все максимально продумано и связано с авторской концепцией. Весенним утром Левин после осмотра скотных дворов и орудий едет с хозяйственными планами в поля. Короткий диалог с мужиком демонстрирует читателю закономерный и веками установленный ход земледельческих работ, к которым привык народ, которыми он живет: «Его не рассердили ни вид крестьянской лошади и стригуна, топтавших его зелена (он велел согнать их встретившемуся мужику), ни насмешливый и глупый ответ мужика Ипата, которого он встретил и спросил: “Что, Ипат, скоро сеять?” — “Надо прежде вспахать, Константин Дмитрич”, — отвечал Ипат» [Толстой 18: 165].

Значим и следующий эпизод, в котором Левин указывает мужикам на то, что «земля в телеге, с которою смешаны были семена, была не размята, а слезалась или смерзлась комьями» [Толстой 18: 166]. Читатель Толстого фактически становится свидетелем нелегкого земледельческого труда: Левин, показывая пример мужикам, сам идет рассевать клевер. Писатель затрагивает и тему крестьянского труда на барской земле (пока без отрицательных коннотаций, характерных для позднего творчества Толстого).

Левин — это не просто помещик, это один из лучших в России хозяев, переживающий за землю и ее будущее, в том числе и за свое родовое имение. Обратим внимание, что в романе несколько раз утверждает мысль о наследовании земли, но как особой ценности, за которую необходимо держать ответ. Левин у Толстого не просто хозяйствует по-старому, он видит и осознает необходимость экономических перемен в новых условиях, на собственном примере знает минусы наемного труда в России и пытается представить собственный взгляд на положение помещиков и крестьян, земельный вопрос. В гостиной своего знакомого помещика Свияжского Левин рассуждает о ренте, он задумывает и пишет сочинение о хозяйстве. Несколько раз в романе Толстой сообщает о том, что Левин возвращается к своему сочинению, герой постоянно думает о земле и правильной организации земледельческого труда, не раз высказывает свои мысли по поводу особенного призвания русского народа: «Он думал, что русский народ, имеющий

призвание заселять и обрабатывать огромные незанятые пространства сознательно, до тех пор, пока все земли не заняты, держался нужных для этого приемов и что эти приемы совсем не так дурны, как это обыкновенно думают. И он хотел доказать это теоретически в книжке и на практике в своем хозяйстве» [Толстой 18: 362].

Как и сам Толстой, Левин не увлекается политикой, в его взглядах на рабочих нет и намека на социалистические настроения. В разговоре с приятелем Катавасовым и известным Метровым Левин отстаивает не систему социально-политических взглядов, а отстаивает свое понимание земельного вопроса: «...Он продолжал излагать свою мысль, состоящую в том, что русский рабочий имеет совершенно особенный от других народов взгляд на землю. И чтобы доказать это положение, он поторопился прибавить, что, по его мнению, этот взгляд русского народа вытекает из сознания им своего призвания заселить огромные, незанятые пространства на востоке» [Толстой 19: 255].

Бережное отношение Левина к земле можно оценить по его реакции на легкую продажу Облонским рощи купцу Рябину: «Тут арендатор-поляк купил за полцены у барыни, которая живет в Ницце, чудесное имение. Тут отдают купцу в аренду за рубль десятину земли, которая стоит десять рублей. Тут ты безо всякой причины подарил этому плуту тридцать тысяч» [Толстой 18: 180]. Для Облонского, не отказывающего себе в удовольствиях, учет деревьев в роще и торги с Рябининым кажутся мизерным считаньем, но Толстой показывает, что причина такого взгляда кроется в незнании Стивой настоящего труда — герой не проходит толстовское испытание землей.

Все положительные герои романа «Анна Каренина» демонстрируют, что земледельческий труд — дело тяжелое, не могущее принести большой материальной выгоды в новых экономических условиях. Несколько раз в романе звучит фраза об обязанности к земледельческому труду. В шестой части романа Левин участвует в губернских выборах и в разговоре со знакомым помещиком затрагивает вопрос о земле. Левин и его собеседник четко разводят землевладельцев (тех, кто только владеет землей и считает ее просто материальной ценностью) (вспомним Вронского с его имением Воздвиженское) и помещиков, а также высказывают православное понимание труда. Хотя Левин с гордостью думает о сыне, оба помещика трудятся не для себя и даже не для сыновей («Сын не имеет никакой охоты к хозяйству», — отмечает помещик

с белыми усами [Толстой 19: 234]), а ради дела: «Я всегда чувствую, что нет настоящего расчета в моем хозяйстве, а делаешь... Какую-то обязанность чувствуешь к земле» [Толстой 19: 233]; «И дворянское дело наше делается не здесь, на выборах, а там, в своем углу» [Толстой 19: 234].

Обратим внимание на тот факт, что рифмующиеся эпизоды сюжетных линий Левина и Анны: возвращение после первой поездки в Москву (Левина — в деревню, а Анны — в Петербург), косьба и крокет [Андреева 2012: 105–124] демонстрируют, что несмотря на мелкие неудачи и множество переживаний, Левин у земли набирается сил, а Анна в атмосфере лжи и зависти в Петербурге силы только тратит, но не восполняет. Во время косьбы с мужиками Левин чувствует удивительное единение с народом, он забывает про свою роль хозяина, помнит исключительно про дело. Несмотря на огромную физическую усталость, на минуты когда «Левину уже страшно становилось, что он не выдержит: так он устал» [Толстой 18: 264], герой чувствует себя великолепно.

Уместно тут вспомнить о силе земли, передаваемой человеку. Фразу об этой силе в романе произносит Николай Левин — душевно близкий Константину человек, но запутавшийся в делах, сбившийся с пути и больной. Умиравший брат Левина приезжает к нему в деревню: «Николай сказал, что он приехал теперь получить эти деньги и, главное, побывать в своем гнезде, *дотронуться до земли, чтобы набраться, как богатыри, силы для предстоящей деятельности* (курсив мой — В. А.) [Толстой 18: 366]. Николаю уже не суждено набраться силы у земли, но его слова применимы к Константину Левину. Интересно в приведенном отрывке упоминание о богатырях: в конце 1860-х гг. Толстой читал русские народные сказки и былины и, как предполагают исследователи, «в это время, в связи с чтением былин, и возник у Толстого замысел написать роман, героями которого были бы люди, одаренные характерами русских богатырей» [Мишин: 390]. В начале 1870 г. (не позднее 14 февраля 1870 г.) Толстым были написаны «Заметки к роману о русских богатырях» (образ русской земли в былинах встречается достаточно часто). Е. Н. Купреянова подробно рассматривает возможное влияние записанных Толстым былинных сюжетов на последующее создание писателем романа «Анна Каренина», отмечая, что Толстой хотел «противопоставить нравственным нормам жизни и психологии образованных классов совершенно иные и истинные, с точки зрения

писателя, нормы и ценности патриархальной народной морали, ярко выраженные в былинном эпосе» [Купреянова: 327].

Итак, духовные изменения Левина связаны с образом земли. Испытания, предлагаемые герою, лишь очень условно могут быть сопоставлены, к примеру, с обрядом инициации, который исследователи отмечают и в жизни восточных славян: «На протяжении всей жизни, человек, меняя свой социальный, возрастной или иной статус, проходил через обряд инициации, которой чаще всего в ритуальной форме иллюстрировал «смерть» и «рождение». Смерть означала возвращение в лоно Матери — Сырой Земли и начало новой жизни. При рождении и смерти человек проходил один и тот же порог, границу — Землю» [Пушкина: 292]. Языческие образы могли оказать влияние на Толстого, но при этом были переосмыслены и включены в стройную систему христианских, православных образов и символов в романе. Эпический образ земли способствовал воплощению в романе религиозного сознания, позволяющего оценить художественный мир романа не с позиции стороннего наблюдателя, но с точки зрения, обнимающей совокупность стремлений и движения всех героев. В беседе Левина со священником на исповеди герой говорит батюшке, что во всем сомневается: «Я сомневаюсь иногда даже в существовании Бога», — невольно сказал Левин и ужаснулся неприличию того, что он говорил» [Толстой 19: 7]. Однако батюшка не реагирует на слова Левина, он приводит ему систему безапелляционных доводов: «...Кто облек землю в красоту ее? Как же без Творца?» [Толстой 19: 7]. Это упоминание о земле, по нашему мнению, глубоко осмыслено и связано в романе с одним из самых интересных мотивов — мотивом снятия покровов [Андреева 2012: 79–95].

Постепенный приход Левина к вере происходит незаметно, но всеми условиями своей жизни герой Толстого направляется по верному пути и незаметно для себя сердцем выбирает нужное, спустя какое-то время приходя к его осознанию. Этот процесс в романе символично изображен и с помощью развернутой метафоры и образа земли: «Теперь он, точно против воли, все глубже и глубже врзывался в землю, как плуг, так что уж и не мог выбраться, не отворотив борозды» [Толстой 19: 372].

В художественном мире эпического романа «Анна Каренина» нет внешнего кризиса, серьезной катастрофы национального масштаба,

однако писатель выходит к эпическим обобщениям через важнейшие для каждого человека онтологические ценности. Толстой проводит своих героев через ряд испытаний, описывает их способность приблизиться к народному миру, предлагает читателю оценку окружающего с позиции религиозного сознания. Роман «Воскресение» также имеет эпопейную широту и относится к доминантной форме эпического романа. И в «Анне Карениной», и в «Воскресении» на первый план выходит идея возможности или невозможности приближения каждого из героев к народному миру и нахождения им себя. Однако в «Воскресении» читатель констатирует еще и подобие катастрофы государственного масштаба. В последнем романе Толстого эпопейные элементы появляются, поскольку речь вновь (почти как в «Войне и мире») идет о страшной угрозе, нависшей над русским народом и поставившей его на грань жизни и смерти, небытия. Конечно, масштаб этой угрозы кажется не таким огромным, как в романе-эпопее, поскольку русскому народу угрожает не явный внешний враг в виде военной силы. Но ведь ситуация народа на грани небытия может быть вызвана и природным катаклизмом, социальным бедствием или их совокупностью (наводнение, эпидемии, голод и пр.). При внимательном чтении романа «Воскресение» появляется общая картина вымирания, исчезновения народа, обуславливающая эпический характер произведения: «Народ *вымирает*, привык к своему *вымиранию*, среди него образовались привычки жизни, свойственные *вымиранию*, — *умирание* детей, сверхсильная работа женщин, недостаток пищи для всех, особенно для стариков. И так понемногу приходил народ в это положение, что он сам не видит всего ужаса его и не жалуется на него. А потому и мы считаем, что положение это естественно и таким и должно быть» (курсив мой — В. А.) [Толстой 32: 217].

Исследователи творчества Толстого не раз акцентировали внимание на том, что Толстой в письме к В. В. Стасову от 18 октября 1905 г. назвал себя «адвокатом 100-миллионного земледельческого народа»: «Ваше упоминание о Герцене побудило меня перечислить “С того берега”. И я поблагодарил Вас за это напоминание. Я во всей этой революции состою в звании, добро и самовольно принятом на себя, адвоката 100-миллионного земледельческого народа. Все, что содействует или может содействовать его благу, я сорадуюсь, всему тому, что не имеет этой главной цели и отвлекает от нее, я не сочувствую. На всякие же

насилия и убийства, с какой бы стороны ни происходили, смотрю с омерзением» [Толстой 76: 45]. Но повторяя это словосочетание Толстого, исследователи, как правило, обращались к характеристике позиции писателя как защитника народных масс, крестьянства, упуская само собой подразумевающееся определение «земледельческого». Между тем, оно у писателя чрезвычайно важно. Писатель не раз говорил о глубинной связи крестьян с землей, об организующей народ работе на земле, придающей его жизни смысл и особую размеренность, о грозящем бедствии отрыва от почвы.

По мнению Толстого, вина и беда Дмитрия Нехлюдова в начале романа «Воскресение» заключается не в том, что он просыпается «на своей высокой, пружинной с пуховым тюфяком, смятой постели», расстегивает «ворот голландской чистой ночной рубашки с заутюженными складочками на груди» [Толстой 32: 12] — это описание призвано создать контраст благополучной жизни человека по сравнению с рассказом о Катерине Масловой и ее судьбе, о судах и тюрьмах, наполненных не только преступниками, должными пребывать в исправительных учреждениях, но и невинными людьми — заключенными по ошибке или нелепости. Беда и вина Нехлюдова и большого числа образованных людей, чиновников в том, что они не хотят и не могут взглянуть на жизнь с позиции народа, часть которого обречена на каторжный труд, постоянный голод и преждевременную смерть.

Дмитрий Нехлюдов осознает масштабы народного бедствия только тогда, когда сам едет в свои два имения: большое — Кузьминское и меньшее — Паново. В последнем Нехлюдов видит поразившую его бедность. Он заходит в избу к разговорчивому старику и наблюдает все жалкое устройство и скудный обед крестьян, а потом общается к двум мальчиками, никак не могущим ответить на вопрос Нехлюдова, кто же самый бедный, поскольку в их диалоге открываются все более и более бедные, нищие семьи:

«— Ну, а кто у вас самый бедный? — спросил Нехлюдов.

— Кто бедный? Михайла бедный, Семен Макаров, еще Марфа дюже бедная.

— А Анисья — та еще бедней. У Анисьи и коровы нет — побираются, — сказал маленький Федька.

— У ней коровы нет, да зато их всего трое, а Марфа сама пята, — возражал старший мальчик.

— Все-таки та вдова, — отстаивал розовый мальчик Анисью» [Толстой 32: 212].

Идя далее по улице, герой встречает измученных голодом женщин и детей, которые потом надолго остаются в его памяти. Наконец, эта картина бедствия народного непосредственно проецируется и на жизнь самого Нехлюдова, который узнает, что его ребенка не довели до воспитательного дома потому, что просто не кормили:

«— А хороший был ребенок? — спросил Нехлюдов.

— Такой ребеночек, что надо было лучше, да некуда. Как есть в тебя, — прибавила старуха, подмигивая старым глазом.

— Отчего же он ослабел? Верно, дурно кормили?

— Какой уж корм! Только пример один. Известное дело, не свое детище. Абы довезть живым» [Толстой 32: 215].

Толстой открывает причины этого страшного положения, заключающиеся в отсутствии у народа земли и как следствие — постоянном голоде, в глубочайшей духовной деградации земледельцев и властителей, поработивших народ. Прозревающий герой Толстого пытается донести найденную им правду до своей тетки, графини Чарской, до ее знакомой Mariette, но со стороны тетки видит лишь шутки и предупреждения о странных мыслях, а со стороны Mariette — пустое кокетство женщины, делающей вид заинтересованности во время рассказа Нехлюдова.

«— Да ведь народ бедствует. Вот я сейчас из деревни приехал. Разве это надо, чтоб мужики работали из последних сил и не ели досыта, а чтобы мы жили в страшной роскоши, — говорил Нехлюдов, невольно добродушием тетушки вовлекаемый в желание высказать ей все, что он думал.

— А ты что же хочешь, чтобы я работала и ничего не ела?

— Нет, я не хочу, чтоб вы не кушали, — невольно улыбаясь, отвечал Нехлюдов, — а хочу только, чтобы мы все работали и все кушали.

Тетушка, опять опустив лоб и зрачки, с любопытством уставилась на него.

— *Mon cher, vous finirez mal,*¹ — сказала она» [Толстой 32: 250].

В романе представлена целая галерея властвующих лиц и чиновников, к которым обращается Нехлюдов в поисках правды по делу Масловой и ряду других судебных дел. В данной статье мы не будем

¹ Мой дорогой, ты плохо кончишь (франц.)

останавливаться подробно на толстовском «обвинительном приговоре беспримерной обличительной силы» [Галаган: 848], который направлен Толстым против чиновников, военных, порочной государственной системы. Укажем лишь, что это обличение на фоне народных страданий получает в романе поистине эпический масштаб. Несмотря на все свои давние связи и знакомства, Нехлюдов, ищущий правды по решению дела Масловой, почти отчаивается. Б. И. Бурсов точно подчеркнул, что «широта его жизненных столкновений на коротком отрезке времени исключительна...» [Бурсов: 581].

В «Анне Карениной» и даже в романе-эпопее «Война и мир» рождение и смерть, как мы говорили выше, стали своеобразными мерилami, испытаниями для человека. В «Воскресении» эти эпические основы представлены так, что у читателя до самого финала романа нарастает ощущение безысходности: писатель мельком упоминает о рожавшей женщине в арестантском вагоне, зато показывает множество народных смертей, смерти арестантов, идущих по этапу, казнь поляков Розовского и Лозинского, смерть Крыльцова.

Однако одной из главных эпических основ романа «Воскресение» становится именно образ земли — ключевой во всем позднем творчестве Толстого, мечтавшего о передаче земли в народное пользование по системе американского публициста и политэконома Генри Джорджа и не раз описывающего его идеи в письмах и поздних статьях. Так, в работе «Единственное возможное решение земельного вопроса» (1906) писатель констатирует несправедливость, заключающуюся в «исключительном праве одних людей на владение землей, лишавшее других людей возможности пользоваться ею» [Толстой 36: 283] и предлагает установление на всю землю единого налога, опираясь на труды и рассуждения Генри Джорджа.

В «Воскресении» Толстой подробно рассказывает о нехватке земли у народа, делая вывод: «Совершенно ясно, что все бедствие народа или, по крайней мере, главная, ближайшая причина бедствия народа в том, что земля, которая кормит его, не в его руках, а в руках людей, которые, пользуясь этим правом на землю, живут трудами этого народа» [Толстой 32: 218]. Об этой же ситуации писатель повествует в статье «Где выход?» (1900): «И первый ответ, представляющийся рабочему земледельцу, тот, что это оттого, что у него отнята земля и отдана тем, которые не работают на ней. Есть надо с семьей. А земли у работаю-

щего крестьянина или вовсе нет, или мало, так мало, что она не прокормит его с семьей. Так что либо умирай с голода, либо бери землю, которая тут же под дворами, но принадлежит не работающему; бери землю, соглашайся на те условия, которые поставят тебе» [Толстой 34: 208]. А статья «Великий грех» (1905) начинается с символической фразы, обозначающей именно *эпический масштаб* бедствия: «Россия переживает важное, долженствующее иметь громадные последствия время» [Толстой 36: 206]. В этой статье повествователь, как и Нехлюдов в романе «Воскресение», беседует с народом, едущим в вербную субботу на базар, а потом подытоживает: «С кем ни поговоришь, все жалуются на нужду, и все одинаково с той или другой стороны приходят к единственной причине. Хлеба не хватает, а хлеба не хватает оттого, что земли нет» [Толстой 36: 209].

Земельному вопросу в публицистике Толстого 1900-х гг. уделено огромное внимание: писатель считал этот вопрос одним из основных в устроении нормальной жизни всего общества, а его правильное решение приравнивал к масштабам отмены крепостного права. Рассуждая о волновавших Толстого общественных и социальных проблемах, К. Н. Ломунов отмечает их значение в создании романа «Воскресение». Исследователь подчеркивает, что еще до голода 1891 г., Толстой столкнулся со страшным голодом крестьян, наблюдаемым им летом 1873 г. в районе своего самарского имения [Ломунов: 242]. Также Ломунов отмечает, что земельный вопрос был гораздо шире представлен в первых редакциях произведения: «В первых редакциях романа “Воскресение” вопрос о земле выдвинулся на первый план, и Толстой с необыкновенной чуткостью к “мере вещей” увидел в этом опасность нарушения гармонии в композиционном построении романа» [Ломунов: 258]. Ученый цитирует запись Толстого в дневнике от 24 октября 1895 г.: «Брался за “Воскресение” и убедился, что это все скверно, что центр тяжести не там, где должен быть, что земельный вопрос развлекает, ослабляет то и сам выйдет слабо. Думаю, что брошу. И если буду писать, то начну все сначала» [Толстой 53: 62]. К. Н. Ломунов, комментируя приведенные строки из дневника Толстого, считает, что писателем был убран акцент с земельного вопроса: «Это признание свидетельствует не об отказе писателя от “Воскресения”, а о стремлении “повести” его на более широкие дороги, отказаться от акцента на земельном вопросе и повернуть главного героя романа лицом к лицу со всем комплексом социальных,

политических, нравственных, бытовых и других вопросов времени» [Ломунов: 81]. В. А. Туниманов также недооценивает образ земли в художественном мире романа: «Попытка поставить земельный вопрос в центре романа оказалась неудачной — Генри Джордж и единый налог не исчезли совсем, слишком дороги были эти идеи Толстому, однако переместились на обочину повествования» [Туниманов: 554–555]. По нашему мнению, Толстой был недоволен самой формой присутствия земельного вопроса в произведении: писатель очень чутко ощущал необходимость не просто освещения социальной проблемы на сюжетном уровне, но изображения и выражения глубинных смыслов, заключенных в образе земли. Скорее всего, Толстой искал линии единого и целостного представления «вопроса» и эпического образа земли, который и в этом романе, но уже на ином материале жизни, должен был способствовать выходу героя к вере и осознанию им православных ценностей.

Нехлюдов, бывший одним из крупных землевладельцев, в романе вспоминает свои юношеские мечты об отдаче земли крестьянам и реализует их перед отправкой вслед за Масловой в Сибирь. Однако герою с трудом дается освобождение от *власти земли*: в имении Нехлюдов не раз возвращается к мысли о том, что земля ему может пригодиться. В своих имениях Нехлюдов переживает поистине испытание землей. Лишь признавая Божественную власть, ощущает собственную волю и силу, заключающуюся не в способности распоряжаться другими людьми, а в возможности изменять себя к лучшему.

В «Анне Карениной» и в «Воскресении» Толстой констатирует, что полный отрыв человека от земли, от почвы постепенно приводит к забвению душевной жизни, к потере понимания ценности народного единства. Начало романа «Воскресение» стало почти хрестоматийным, однако исследователи всегда обращают внимание лишь на весну, ставшую центральным образом начала романа. Однако еще перед образом весны мы видим ключевой и изначальный образ этого эпизода — *образ земли*: «Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту *землю*, на которой они жались, как ни забивали камнями *землю*, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, — весна была весной даже и в

городе» (курсив мой — В. А.) [Толстой 32: 3]. Роман начинается с прославления рождающей силы земли, не утрачивающей ее, несмотря на все издевательства людей. Повествователь в данном случае говорит с позиции всего православного русского народа, страдающего вместе с землей. «Образ Матери — Сырой Земли отражает представления восточных славян-земледельцев о плодородии земли, поскольку вся их жизнь была подчинена годичному аграрному циклу. Поскольку основным видом деятельности наших предков было земледелие, то ежегодное обновление земли, ее способность каждую весну как бы заново возрождаться, давать плоды всему живому, отразилось и в их миропонимании», — отмечает О. И. Пушкина [Пушкина: 291]. С началом романа можно соотнести еще один эпизод, обозначающий вступление Дмитрия Нехлюдова в новую фазу. В атмосфере невыносимой жары в накаленном солнцем за день вагоне третьего класса Нехлюдов размышляет об умершем арестанте, не выдержавшем перехода, называя его смерть убийством. Герой переключается от этих мыслей с приходом дождевой тучи: «Он перешел на другую сторону и, вдыхая влажную свежесть и хлебный запах давно ждавшей дождя земли, смотрел на мимо бегущие сады, леса, желтеющие поля ржи, зеленые еще полосы овса и черные борозды темно-зеленого цветущего картофеля» [Толстой 32: 350].

Накануне признания большого народного мира с его правдой и настоящими трудовыми интересами Нехлюдов приходит к утверждению любви и сострадания к людям, смотря *на землю* и рассуждая о ее естественном предназначении: «Все эти люди, очевидно, были неуязвимы, непромокаемы для самого простого чувства сострадания только потому, что они служили. Они, как служащие, были непроницаемы для чувства человеколюбия, как эта мощеная земля для дождя, — думал Нехлюдов, глядя на мощный разноцветными камнями скат выемки, по которому дождевая вода не впитывалась в землю, а сочилась ручейками. — Может быть, и нужно укладывать камнями выемки, но грустно смотреть на эту лишенную растительности землю, которая бы могла родить хлеб, траву, кусты, деревья, как те, которые виднеются сверху выемки. То же самое и с людьми, — думал Нехлюдов, — может быть, и нужны эти губернаторы, смотрители, городовые, но ужасно видеть людей, лишенных главного человеческого свойства — любви и жалости друг к другу» [Толстой 32: 351].

Образ земли и в романе-эпопее «Война и мир», и в эпических романах Толстого соотносится с другими эпическими основами, связывает все сферы жизни человека, способствует созданию определенных фаз, периодов жизни героев, постепенно приближающихся к осмысленной вере. В финале «Войны и мира» и «Анны Карениной» образ земли получает особый вселенский масштаб. Приведем отрывок из заключительных страниц романа-эпопеи: «Как для астрономии трудность признания движения земли состояла в том, чтобы отказаться от непосредственного чувства неподвижности земли и такого же чувства движения планет, так и для истории трудность признания подчиненности личности законам пространства, времени и причин состоит в том, чтобы отказаться от непосредственного чувства независимости своей личности» [Толстой 12: 341]. А в финале «Анны Карениной» Левин, глядя на звездное небо, рассуждает об относительности взгляда человека: «И разве астрономы могли бы понять и вычислить что-нибудь, если бы они принимали в расчет все сложные разнообразные движения земли?» [Толстой 19: 398]. Нам в данном случае не важны астрономические смыслы представленных цитат: используя образ земли как планеты, небесного тела, писатель утверждает вечные божественные законы (в «Воскресении» это финальное осознание героем высшего смысла жизни завершается упоминанием Царства Божьего и притчи о виноградарях, в центре которой также находятся люди, трудящиеся в саду, то есть на земле).

Итак, образы *рождения, смерти, войны и земли* можно считать в романах Толстого, да и во всем творчестве писателя своеобразными эпическими основами, имеющими огромное значение в процессе жанровой организации произведений. В статье впервые подробно рассмотрен многозначный образ земли, способствующий воплощению религиозного сознания и идейной связи всех художественных миров Толстого, а также показано, как найденная Толстым широта романа-эпопеи «Война и мир» была позднее реализована им в эпических романах «Анна Каренина» и «Воскресение».

Список литературы

Алексеева Н. Ю. Некоторые замечания по поводу работы над историей русской литературы // Русская литература. 2018. № 4. С. 7–14. DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-7-1

Андреева В. Г. «Бесконечный лабиринт сцеплений» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Кострома: Авантитул, 2012. 296 с.

Андреева В. Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома: КГУ, 2016. 492 с.

Бекедин П. В. Эпопея: некоторые вопросы генезиса жанра // Русская литература. 1976. № 4. С. 34–60.

Бочаров С. Г. Роман Толстого «Война и мир». М.: Худ. лит., 1987. 156 с.

Бурсов Б. И. Лев Толстой // История русской литературы в 9 т. Т. 9. М., Л.: Акад. Наук, 1956. С. 435–625.

Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой // История русской литературы в 4 т. Т. 3. Л.: Наука, 1982. С. 797–851.

Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм. М.: Просвещение, 1968. 302 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 29, кн. 1. Ленинград: Наука, 1986. 573 с.

Зверев А. М., Туниманов В. А. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2007. 782 с.

Карпов И. П. Поэтика онтологической ситуации (Л. Н. Толстой. «Война и мир». Смерть Андрея Болконского) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 1. С. 85–94.

Купрянова Е. Н. «Война и мир» и «Анна Каренина» Льва Толстого // История русского романа в 2 т. Т. 2. М., Л.: Наука, 1964. С. 270–349.

Лебедев Ю. В. Л. Н. Толстой на пути к «Войне и миру» (Севастополь и Севастопольские рассказы) // Русская литература. 1976. № 4. С. 61–82.

Лебедев Ю. В. О религиозных мотивах в «Войне и мире» Л. Н. Толстого // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 2. С. 95–100.

Ломунов К. Н. Над страницами «Воскресения». История создания романа Л. Н. Толстого. Проблемы, образы, характеры. Первые отклики. Наши современники о романе. М.: Современник, 1978. 381 с.

Масолова Е. А. Становление эпического в Севастопольских рассказах Л. Н. Толстого // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 1. С. 133–145.

Мишин В. С. Комментарии // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 90 М.: Худ. лит., 1958. С. 355–417.

Никитина Н. А. Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне. М.: Молодая гвардия, 2007. 395 с.

Паршин А. Н. «Богородица — мать сыра земля» (О трех лекциях в Московской духовной академии) // Вестник православного Свято-тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Философия. 2011. № 5(37). С. 71–81.

Пушкина О. И. Образ матери — сырой земли как экспликация аксиологических доминант восточных славян // Аксиологический диапазон художественной литературы. Витебск.: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2017. С. 290–293.

Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М.: Правосл. Св.-Тихон. Богосл. ин-т, 2004. 553 с.

Сухотина Т. А. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1976. 541 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Федотов Г. П. Мать-Земля. К религиозной космологии русского народа // Путь. 1935. № 46. С. 3–18.

Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л.: Худ. лит., 1974. 360 с.

References

Alekseeva N. Iu. *Nekotorye zamechaniia po povodu raboty nad istoriei russkoi literatury* [Some comments on the work on the history of Russian literature]. *Russkaia literature* [Russian literature], 2018, № 4. pp. 7–14. DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-7-1

Andreeva V. G. «*Beskonechnyi labirint stseplenii*» v romane L. N. Tolstogo «*Anna Karenina*» [“The Endless Labyrinth of Couplings” in the novel by Leo Tolstoy “Anna Karenina”]. Kostroma, Avantitul Publ., 2012, 296 p.

Andreeva V. G. *O natsional'nom svoebrazii russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka* [About the national identity of the Russian novel of the second half of the XIX century]. Kostroma, KGU Publ., 2016, 492 p.

Bekedin P. V. *Epopeia: nekotorye voprosy genezisa zhanra* [Epic: some questions of the genesis of the genre]. *Russkaia literature* [Russian literature], 1976, № 4, pp. 34–60.

Bocharov S. G. *Roman Tolstogo “Voina i mir”* [Tolstoy’s novel “War and Peace”]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1987, 156 p.

Bursov B. I. *Lev Tolstoi* [Leo Tolstoy] *Istoriia russkoi literatury v 9 t. T. 9*. [History of Russian literature in 9 vols. Vol. 9]. Moscow, Leningrad, Akad. Nauk Publ., 1956, pp. 435–625.

Galagan G. Ia. L. N. Tolstoi [Leo Tolstoy]. *Istoriia russkoi literatury v 4 t. T. 3*. [History of Russian literature in 4 vols. Vol. 3]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 797–851.

Gachev G. D. *Soderzhatel'nost' khudozhestvennykh form* [The content of art forms]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968, 302 p.

Dostoevskii F. M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t. T. 29, kn. 1*. [Full collection of works in 30 vols. Vol. 29, book 1]. Leningrad: Nauka Publ., 1986, 573 p.

Zverev A. M., Tunimanov V. A. *Lev Tolstoi* [Leo Tolstoy]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2007, 782 p.

Karpov I. P. *Poetika ontologicheskoi situatsii (L. N. Tolstoi. «Voina i mir». Smert' Andreia Bol'konskogo)* [Poetics of the ontological situation (L. N. Tolstoy. “War and Peace.” Death of Andrei Bolkonsky)] *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University], 2009, № 1, pp. 85–94.

Kupreianova E. N. "Voina i mir" i "Anna Karenina" L'va Tolstogo ["War and Peace" and "Anna Karenina" by Leo Tolstoy] *Istoriia russkogo romana v 2 t. T. 2* [History of the Russian novel in 2 vols. Vol. 2.]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, pp. 270–349.

Lebedev Iu. V. L. N. Tolstoi na puti k "Voine i miru" (Sevastopol' i Sevastopol'skie rasskazy) [L. N. Tolstoy on the way to "War and Peace" (Sevastopol and Sevastopol Stories)] *Russkaia literatura* [Russian literature], 1976, № 4, pp. 61–82.

Lebedev Iu. V. *O religioznykh motivakh v "Voine i mire" L. N. Tolstogo* [On religious motives in "War and Peace" by Leo Tolstoy] *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma state university], 2016, № 2, pp. 95–100.

Lomunov K. N. *Nad stranitsami "Voskreseniia". Istoriia sozdaniia romana L. N. Tolstogo. Problemy, obrazy, kharaktery. Pervye otkliki. Nashi sovremenniki o romane* [Above the Resurrection pages. The story of the creation of the novel by L. N. Tolstoy. Problems, images, characters. First responses. Our contemporaries about the novel]. Moscow, Sovremennik Publ., 1978, 381 p.

Masolova E. A. *Stanovlenie epicheskogo v Sevastopol'skikh rasskazakh L. N. Tolstogo* [The formation of the epic in the Sevastopol stories of Leo Tolstoy] *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities]. 2016, Vol. 158, № 1, pp. 133–145.

Mishin V. S. *Kommentarii* [Comments] Tolstoi L. N. *Poln. sobr. soch. v 90 t. T. 90*. [Full collection of works in 90 vols. Vol. 90]. Moscow: Khud. lit. Publ, 1958, pp. 355–417.

Nikitina N. A. *Povsednevnaia zhizn' L'va Tolstogo v Iasnoi Poliane* [The daily life of Leo Tolstoy in Yasnaya Polyana]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ, 2007, 395 p.

Parshin A. N. "Bogoroditsa — mat' syra zemlia" (O trekh lektsiakh v Moskovskoi dukhovnoi akademii) ["The Virgin Mary is the mother of the earth's cheese" (On three lectures at the Moscow Theological Academy)] *Vestnik pravoslavnogo Sviatikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii 1. Bogoslovie. Filosofiia* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 1. Theology. Philosophy]. 2011, № 5(37), pp. 71–81.

Pushkina O. I. *Obraz materi — syroi zemli kak eksplikatsiia aksiologicheskikh dominant vostochnykh slavian* [The image of mother — raw land as an explication of axiological dominants of the Eastern Slavs] *Aksiologicheskii diapazon khudozhestvennoi literatury* [Axiological range of fiction]. Vitebsk, Vitebskii gosudarstvennyi universitet im. P. M. Masherova Publ, 2017, pp. 290–293.

Smirnov S. I. *Drevnerusskii dukhovnik* [Old Russian confessor]. Moscow, Pravosl. Sv.-Tikhon. Bogosl. in-t Publ, 2004, 553 p.

Sukhotina T. A. *Vospominaniia* [Memories]. Moscow, Khud. lit. Publ, 1976, 541 p.

Tolstoi L. N. *Poln. sobr. soch. v 90 t.* [Full collection of works in 90 vols.]. Moscow: Khud. lit. Publ., 1928–1958. (In Russ.)

Fedotov G. P. *Mat'-Zemlia. K religioznoi kosmologii russkogo naroda* [Mother Earth. To the religious cosmology of the Russian people]. *Put'* [Way] 1935, № 46, pp. 3–18.

Eikhenbaum B. M. *Lev Tolstoi. Semidesiatye gody* [Leo Tolstoy. Seventies]. Leningrad, Khud. lit. Publ., 1974, 360 p.

© Т. Б. Ильинская

Военная академия материально-технического
обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва
Санкт-Петербург, Россия

**Художественная тональность путевых заметок Н. С. Лескова
«Монашеские острова на Ладожском озере»:
от комического к религиозному**

В статье рассматривается поэтика комического в изображении околоцерковной среды у Н. С. Лескова. В центре внимания автора статьи — путевые заметки «Монашеские острова на Ладожском озере» (1873). Связанные с жанром благочестивого хождения, записки сосредоточивают разнообразные виды комического, что делает произведение контрастным по отношению к существующей литературной традиции. Проведенное сопоставление первоначального газетного варианта «Монашеских островов» с окончательным текстом позволяет сделать вывод о том, что Лесков при переработке для книжной публикации целенаправленно усиливал комическую тональность очерка. Рассмотрение «Монашеских островов» в контексте упоминаемой в них апологетической литературы, посвященной Валааму, дает материал для реального комментария к путевым заметкам, раскрывая намеки автора, полемизирующего с либеральной публицистикой. Анализ «Монашеских островов» в избранном ракурсе позволяет выстроить типологию смехового и комического: глумливый смех атеиста, «пошлый хохот» толпы, комическое снижение святошества, суеверного мифотворчества, жеманного дамского благочестия, а также языковой комизм, возникающий при использовании просторечия, церковнославянизмов и библеизмов.

Ключевые слова: Лесков, комизм, смех, ирония, юмор, карикатура, «Монашеские острова на Ладожском озере».

Информация об авторе: Ильинская Татьяна Борисовна, ORCID 0000-0003-2690-7930, доктор филологических наук, профессор, Военная академия материально-технического обеспечения, наб. Макарова, д. 8, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: tb-il3@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 15.04.2020

Дата публикации статьи: 17.06.2020

Для цитирования: Ильинская Т. Б. Религиозное и комическое у Н. С. Лескова (Путевые заметки «Монашеские острова на Ладожском озере») // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 228–243. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-228-243

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© **Tatyana B. Ilyinskaya**

General of the Army A. V. Khrulev Military Logistics Academy
St. Petersburg, Russia

Religious and comic in Nikolai Leskov (Travel notes “Monastic Islands on Lake Ladoga”)

The article discusses the poetics of the comic in the artistic depiction of the near-church environment by Nikolai Leskov. The author of the article focuses on travel notes “Monastic Islands on Lake Ladoga” (1873). Associated with the genre of pious walking, notes concentrate various types of comic, which makes the work contrast with respect to the existing literary tradition. The comparison of the original newspaper version of “The Monastic Islands” with the final text allows one to conclude that Nikolai Leskov deliberately enhanced the comic tone of the essay when processing it for book publication. An examination of “The Monastic Islands” in the context of the apologetic literature on Isle of Valaam mentioned in them provides material for a real commentary on travel notes, revealing hints of the author who is polemicising with liberal journalism. An analysis of “The Monastic Islands” from a chosen perspective allows us to build a typology of humour and comic: a mocking laugh of an atheist, “vulgar laughter” of the crowd, comic decline of religious hypocrisy, superstitious myth-making, cutesy feminine piety, as well as linguistic comic arising from the use of colloquialism, church-slavicism and biblicism. On the basis of the complementarity of the voices of the main and secondary narrators, comic characters of the near-church environment are created including a “terrorising hypocrite”; an exalted lady of society, arbitrarily combining spiritualism with Christianity; “unwilling pilgrim”; a superstitious simple involved in the process of “religious” legend-making. The plot-chronotopic connections of the “Monastic Islands” and “The Enchanted Wanderer” printed after them explain the reasons for the decrease in the comic severity of the essay as the narrative moves to the ending.

Keywords: Nikolai Leskov, comic, laughter, irony, humour, caricature, “Monastic Islands on Lake Ladoga”.

Information about the author: Tatyana B. Ilyinskaya, ORCID 0000-0003-2690-7930, Doctor of Philology, Professor, General of the Army A. V. Khrulev Military Logistics Academy, Nab. Makarova st 8., St. Petersburg, Russia
E-mail: tb-il3@yandex.ru

Received: April 15, 2020

Published: June 17, 2020

For citation: Ilyinskaya T. B. Religious and comic in Nikolai Leskov (Travel notes “Monastic Islands on Lake Ladoga”) // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 2, pp. 228–243. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-228-243

Склонность Н. С. Лескова к комизму очевидна. Сам писатель, по свидетельству мемуаристов, имел весьма насмешливый ум, и эта черта его личности нашла отражение в творчестве: почти в каждом его произведении встречаются разнообразные виды комического — начиная от мягкого юмора и заканчивая едкой сатирой. Даже в сюжеты, возбуждающие скорбь, порой врываются анекдотические коллизии. Однако приходится констатировать недостаточную изученность проблемы комического, его видов и оттенков в наследии Лескова. Вопрос об особенностях лесковского смеха, о влиянии на Лескова других писателей-юмористов (прежде всего, любимого писателем Л. Стерна) — один из не проясненных в науке.

Не лишена комических тонов у Лескова и специфически, оригинально подаваемая им религиозная жизнь народа. Лесков нередко воспринимается как классик церковного юмора (то есть юмора, связанного с изображением церковной и околоцерковной среды), свидетельством чему являются признания его «продолжателей» (например, «Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни» Михаила Ардова, написанные вслед лесковским «Мелочам архиерейской жизни»).

В свете проблемы комического, связанного с религиозной сферой, в творчестве Лескова представляют интерес путевые заметки «Монашеские острова на Ладожском озере» (1873). В центре нашего внимания в данной статье — поэтика лесковского юмора, касающегося внешних проявлений религиозности. Специфика этой разновидности юмора особенно заметна в некоторых литературных жанрах. Лесковские «Монашеские острова», связанные с жанром благочестивого хождения, тем не менее, сосредоточивают в себе разнообразные виды комического, что делает произведение контрастным по отношению к существующей литературной традиции [Долгова: 298].

Цель предлагаемой статьи — выявить средства порождения комического эффекта в «Монашеских островах», а также проследить

соотношение комической и лирико-патетической линий произведения.

Несмотря на позднейшее отрицательное отношение писателя к своим путевым запискам («...я их терпеть не могу и всегда отрывал и бросал» [Лесков 1958: 371]), «Монашеские острова» — далеко не случайное и не проходное произведение в наследии писателя. В лесковедении неоднократно высказывалась мысль о том, что «Монашеские острова» составляют своего рода дилогию с таким лесковским шедевром, как «Очарованный странник». Е. А. Макарова назвала «Очарованного странника» «художественным переосмыслением» темы, заданной «Монашескими островами» [Макарова: 29]. В. А. Туниманов также обратил внимание на вводный, «предваряющий» характер «Монашеских островов», сформулировав связь рассматриваемых произведений: ««Очарованный странник» является художественным продолжением путевых очерков и исполнением обещания, данного в финале» [Туниманов: 341]. Н. Н. Старыгина писала о близости этих двух произведений, обращенных к «национальному преданию» [Старыгина: 120].

К аргументам Н. Н. Старыгиной, Е. А. Макаровой и В. А. Туниманова можно добавить соображения, касающиеся публикации и творческой истории рассматриваемых произведений. «Монашеские острова», написанные под впечатлением поездки на Валаам летом 1872 г., Лесков отдал вместе с «Очарованным странником» в «Русский вестник». Однако обе новые лесковские вещи, несколько месяцев «провалявшись» в редакции, так и не были напечатаны, несмотря на хлопоты доброжелателей писателя. Они были опубликованы уже во второй половине 1873 г. в газете «Русский мир»: в августе-сентябре там появляются «Монашеские острова», а в октябре-декабре — «Очарованный странник». Можно предположить, что для Лескова, сначала планировавшего в «Русском вестнике» издать документальную вещь перед художественной, а затем реализовавшего этот замысел в «Русском мире», было важно таким образом подготовить читательское восприятие для адекватного прочтения «Очарованного странника».

Кроме того, на фоне «Монашеских островов» резче проступает художественная специфика «Очарованного странника», поэтому, с одной стороны, можно говорить о единстве этих произведений, а с

другой — о противоположности. И хотя путевым запискам и повести присуща сюжетно-хронотопическая общность (пароход плывет по Ладожскому озеру к Валааму, и паломники ведут беседы, касающиеся вопросов веры), очевиден контраст их тональностей: если «Монашеские острова» насыщены комическими моментами, то в «Очарованном страннике» комизм практически сходит на нет.

Сопоставление первоначального газетного варианта «Монашеских островов» с переработанным, окончательным текстом позволяет сделать вывод о том, что Лесков целенаправленно усиливал комическую тональность очерка, в то время как лирико-патетические страницы произведения остались неприкосновенными. Готовя «Монашеские острова» для книжной публикации, Лесков вводит несколько смешных ситуаций. Например, в газетном варианте рассказ дьячка о том, как полицмейстер «отчитал» его сына от пьянства («с доброго ко мне расположения сто розог ему и закатил» [Лесков: 241]), заканчивается так: «...а как он, господин полковник, ныне при несчастьи, то не хочу быть неблагодарным им за сына, еду за них помолиться»¹. Комизм этой истории исцеления розгами в окончательном тексте усиливается тем, что полицмейстер, неоднократно исцелявший от пьянства, сам запил: «Господин полковник, ныне при несчастьи... *Такое положение, что, от чего моего сына пользовали, сами того не поостереглись и пришли в расстройство*, то я не хочу быть неблагодарным им за сына, еду за них помолиться» (курсивом выделена вставка — Т. И.) [Лесков: 241].

Помимо большего числа забавных эпизодов, в окончательный текст путевых заметок добавлены речевые краски юмористического свойства. Как отмечал Л. Е. Пинский в работе, посвященной юмору, «в русской литературе XIX в. юмором обычно отмечен патриархально-национальный колорит народных образов – нередко как параллель «интеллигентному» герою: от А. С. Пушкина (Савельич, капитанша в «Капитанской дочке») и М. Ю. Лермонтова (Максим Максимыч в «Герое нашего времени») до Н. С. Лескова и реже – у Л. Н. Толстого» [Пинский: 1017]. Перерабатывая свои записки для публикации 1874 г., Лесков дополняет их эпизодами, в которых звучит просторечная реакция на события, связанные с областью религиозного: «щелканул-с» [Лесков: 268] (реплика, заключающая рассказ о современных чуде-

¹ Русский мир. № 207. 9 авг. С. 1

сах — о том, как святой угодник наказал человека, который отказывался его почитать); «нечто это хорошо к Богу грестись да хлопотаться?» [Лесков: 237]. Сочетание рассмотренных выше видов юмора — лексического и ситуативного — можно проследить в обширной вставке, добавленной к спору пассажиров корабля о мнимом еретичестве православного иерарха. Ханжески настроенный паломник, со свойственным ему религиозным высокомерием, говорит о безверии одного из ученых епископов — Филарета (Филаретова). Слыша возражения своего богословски образованного собеседника, он открывает источник своих сведений:

- Так за что же его книгу запретили?
 - Ее не запрещали!
 - К...к...к...а...к...к! мне у Кораблева в лавке мальчик говорил.
 - Ну вот еще авторитет!
 - Он, стало быть, соврал.
 - Наверно.
 - Ишь каналья! А почему же об этом Филарете такие слухи ходят?
- [Лесков: 265].

Комизм этого диалога порождается еще и тем, что ханжа оставляет свой благодный тон, и с губ его срывается брань [Лесков: 265]. Таким образом, Лесков, перерабатывая свои путевые записки для последующих публикаций, расширяет сферу комического, которая захватывает и область религиозных представлений.

Смеховое и комическое начала проявляют себя уже в самом начале очерка, когда идет своеобразный обзор литературы, посвященной Валааму. Автор ссылается на эпизоды прочитанной им книги о Валааме (1864), которые могли вызвать смех атеиста. «В этих книгах, при их апологетическом направлении, всегда заметно, к сожалению, несоблюдение чувства меры», — с явным сожалением автор комментирует общий тон посвященной святым местам литературы, которую отличает, по его словам, «несдержанная восторженность» [Лесков: 231]. В доказательство своей позиции он приводит действительно забавные факты из апологетических книг, например, утверждение о том, что около монастыря «даже лесные птицы не вьют гнезд и не выводят детей» [Лесков: 232]. Признавая уязвимость

такой религиозной экзальтации, делающей эти книги смешными в глазах атеистов, автор признает: «В подобных сему неловкостях (я затрудняюсь назвать это иначе) нет недостатка и в одной из распространеннейших книг о Валааме» [Лесков: 232]. Здесь имеются в виду истории, подобные рассказу о том, как при строительстве наружного флигеля монастыря «лошадь, возившая материалы, оступилась и со всюю упряжью и кладью упала с утеса <...> вниз на 17 сажен» (т. е. с высоты в 36 м. — *Т. И.*). «Случившаяся тут братия, — продолжает свидетель этого чуда, — как бы невольно, воскликнула один голос: “Преподобные Сергий и Герман, спасите ее!” Глядят — лошадь упала на ноги невредима и упряжь цела! Сбежавший за нею под гору работник нашел ее спокойно щиплющую траву, привел наверх и продолжал на ней работать, как бы ничего не случилось» [Валаамский монастырь: 212].

В обширной «донарративной» части очерка последовательно выстраивается защита этих простодушных сочинений о Валааме от сомнительного остроумия обличительных книг; причем автор использует понятие «глумление». Безусловно, осведомленный о том, что в церковнославянском и русском языках это слово имеет разный смысл («В заповедех Твоих поглумлюся» — Пс. 118:15), Лесков, не прибегая в данном случае к «подстариненному» языку, использует это слово в современном значении — глумление как издевательская насмешка: «В этом роде, по преимуществу, написаны статьи присяжных и неприсяжных сочинителей, в разное время посещавших Валаам и считавших непременно своим долгом поглумиться над чернецами пустыни за их отшельнический привет и хлебосольство» [Лесков: 232]. Такая публицистически прямая, непосредственная оценка становится средством авторского дистанцирования от неприятного для него вида смеха.

Другого рода смех, данный в негативном освещении, — это «пошлый хохот» [Лесков: 239] толпы, в том числе «богомольцев поневоле» [Лесков: 259] — то есть тех, кто вынужденно, под давлением различных житейских обстоятельств, отправляется на Валаам. Дистанцирование в данном случае создается с помощью комментариев основного нарратора, отступающего от последовательного изложения наблюдаемых событий (например: «Это выходило довольно гадко и противно» [Лесков: 282] — по поводу шутовской песни пьяных,

пародирующей церковное пение); а также с помощью оценочных суждений вторичного нарратора, называющего подобные ситуации «соблазном» и «искушением», от которых «иночество так много страдает» [Лесков: 239].

От ситуаций изображения чужого смеха переходим к смеху, вызываемому автором. Крупным планом в «Монашеских островах» дано комическое изображение, практически карикатура, религиозного фанатика. Из четырнадцати главок очерка он появляется в пяти со своими неизменными притязаниями на доминирование в религиозной сфере. «Это просто ни на что не похоже: едут на богомолье, а едят апельсины» [Лесков: 275]; «...я про это не хочу знать, а я верую» [Лесков: 261]; «это в монастыре нельзя» [Лесков: 291], — такого рода высказываниями он пытается установить свой диктат в среде паломников. Принадлежность этого, по слову нарратора, «терроризирующего святоши» [Лесков: 283], комической линии произведения выстраивается, во-первых, благодаря тому, что нарратор перенимает прозвище «Додон», которое он слышит от земляков ханжи, простых людей. В их толковании это слово не соотносится с персонажем пушкинской сказки. Додон, в народном словоупотреблении, — неказистый, несуразный, малорослый человек, горбун или карлик. И действительно, неодобрительное отношение к святоше его земляка вкуче с ироническим описанием нарратора — «маленький карапуз, почти карлик, со сморщенным, как печеное яблоко, лицом и маленькими быстрыми карими глазками» [Лесков: 245] — согласуется с толкованием этого слова у В. И. Даля. В соответствии с этим говорящим прозвищем — карлик, несуразный и неказистый человек — в очерке имеются комические черты и во внешнем облике святоши («пожал плечами, сложил на брюшке ручки» [Лесков: 292], «семена ножками сбоку контрольного чиновника» [Лесков: 294]), и в окружающих его вещах («принялся за тощую желтенькую брошюру, подаренную ему кем-то в монастыре» [Лесков: 313]).

Подхватив это именование, нарратор в своем повествовании наполняет его новым, уже литературным, смыслом: в словосочетании «царь Додон» прозвище становится метафорическим и отсылает к пушкинскому персонажу. А. А. Ахматова, сопоставив «Сказку о золотом петушке...» и текст-прототип Ирвинга, пришла к выводу, что у Пушкина «очень усилен сатирический характер» событий и героев.

«Пушкин иронизирует только над царем», «образ которого совершенно гротескный», — так формулирует Ахматова художественное переосмысление исходного сюжета [Ахматова: 26]. У Лескова убедительным основанием для метафорического переноса в именовании «терроризирующего святоши» «царем Додоном» становится сходство с царем из сказки о золотом петушке. Связь лесковского персонажа с пушкинским прототипом проявляется в его «грозном», задиристом, воинственном нраве, который ведет к постоянным «богословским» спорам, к претензии на роль арбитра в религиозных вопросах. Особенно резкую карикатурность образ «царя Додона» получает у Лескова в почти водевильной сцене его падения с лестницы (ср. у Пушкина: «...с колесницы пал Дадон»), а также в эпизодах, где он публично изобличается в религиозном невежестве богословски образованным собеседником.

Эпизоды с «царем Додоном», образующие сквозной комический мотив святошества в «Монашеских островах», интересны еще и тем, что позволяют проследить развитие лесковского замысла о русском Тартюфе, который у писателя нашел впоследствии более полное и еще более комическое выражение в очерках «Мелочи архиерейской жизни». Осмеяние «царя Додона» идет главным образом через изображение околицеркового обскурантизма, подозревающего теологию в еретичестве и отказывающего в «боговдохновенности» ученым богословам.

Другим заметным источником комизма в «Монашеских островах» становится народное богословие. Простонародные религиозные представления и верования включаются в повествование самым естественным образом: нарратор, желающий «полюбоваться на здешнюю публику» [Лесков: 276], ходит по кораблю и слушает разговоры простолоудинов, где есть и поэзия глубокой веры, и темные смешные суеверия. Например:

— А позвольте, ваше степенство, как теперь при молитве насчет стекла?

— В каком это смысле?

— Да вот теперь на Волковом кладбище, где девицы служат, из стекол галдарейку забрали. Ничего это, сквозь стекло молиться?

— Ничего... если не о чем особенно, а так... о семейном, так ничего [Лесков: 276].

Поэтика комического в «Монашеских островах» включает в себя такой прием, как шутливый переход нарратора на точку зрения простецов-богомольцев, видящих на каждом шагу дьявольские козни и опасющихся «соблазна» и «искушения». Этот прием представлен в рассказе о забытых в Петербурге сигарах («бес начинает свои искушения: пробыть четыре дня без курения» [Лесков: 242]), в описании странного попутчика («Мой торговый сосед толкнул меня украдкой под бок и бросился бежать, а я остался один с искушителем» [Лесков: 252]).

Контрастно по отношению к простонародным религиозным суевериям изображены композиционно примыкающие к ним дамские беседы, в которых христианские и медиумические верования причудливо соединены. Заметным источником комизма в «Монашеских островах» становится женская экзальтированная вера, к которой Лесков, как свидетельствует его эпистолярный, относился неизменно иронически.

Дамские «беседы в богосмысленном духе» [Лесков: 279], в отличие от простонародных суеверных разговоров, предваряются ироническим комментарием нарратора: «Архангел был так прекрасно описан рассказчицею, что я не возьмусь повторять этого описания. Помню только, что он был в черной легкой блестящей мантии, которая слегка гремела, а по стигам, которые образовывались ее складками, как золотые блики сквозили какие-то огнистые нити <...> Далее я не помню этого описания и самого рассказа, но помню, что он был очень поэтичен и грациозен» [Лесков: 279].

Стилистика бесед «милосердных дам» созвучна лингвостилевым особенностям разговоров гоголевских дам из «Мертвых душ». То же обилие междометий («Ах; как это можно! Я верю в перевоплощение...»), эмоциональный синтаксис («Ах, ma chère! все одержимые; но уже не Сведенборгу ли больше верить?.. Боже сохрани! Кузен Илья получил сообщение, что Сведенборг был совсем одержим» [Лесков: 280]), неумеренное использование прямой речи («Я решительно не могла подойти под благословение и говорю своим: нет, как хотите, а я не могу. <...>

Они благословлялись, а я говорю: нет уже, я на Валааме, у отца Дамаскина благословения попрошу» [Лесков: 279]).

Другой случай речевого комизма в «Монашеских островах» — витиевато-выспренность речь, обильно оснащенная церковнославянизмами. В такой манере дьячок-паломник рассказывает историю своего сына, бывшего пьяницы: «...Сына моего, на которого вся моя радость и упования, привел из отчаянного небытия в радостнотворное благополучие» [Лесков: 240]. Представленная здесь ситуация не комична — комичен способ ее описания. Малообразованный дьячок, подобно фонвизинскому Кутейкину, использует профессионально привычную лексику и не может перейти в другой, более уместный здесь лексический регистр.

Языковой комизм встречается и в речи нарратора: иронический эффект возникает при употреблении библеизмов и церковнославянизмов по отношению к достаточно прозаическим реалиям. Так, о сигарах, купленных в провинциальном Кексгольме, он говорит, что «они смердят, яко тридневны» [Лесков: 242]. Как отмечал А. А. Потебня, «особого рода стилистическая ирония происходит при сознании самим говорящим <...> противоположности между высоким слогом словесной оболочки и пошлостью или низостью мысли» [Потебня: 389].

Отдельный случай юмора, затрагивающего церковно-религиозную тематику, — это не человек осмеиваемый («царь Додон»), это не смешной в своей религиозности человек (суеверы-простецы), а человек по-доброму шутящий. Таким в «Монашеских островах» предстает архимандрит Коневецкого монастыря Израиль, о котором один из «богомольцев поневоле», не раз скрывавшийся на Коневце от мирового судьбы, рассказывает: «Порядок держит, но все часто с шуточкою. Я раз тоже так приплыл и только схожу, а он на пристани стоит и, разумеется, видит уже, с каким я намерением притекаю. Я говорю: “Благословите, отец архимандрит!” А он этак весело смотрит и поднимает свой костыль: “Вот дай-ка, говорит, я тебя перво-наперво этим благословлю”. Очень доброй души человек» [Лесков: 257]. В изображении архимандрита Израиля подчеркивается такое свойство, как веселость души и склонность к доброй шутке: «Он достиг доброго века, но очень бодр, и в его ласковых, веселых глазах действительно светится много особенной монашеской доброты, которую, как известно, к сожалению, очень

немногие умеют уберечь до старости, а уберігают ее лишь люди добрые и “чистые сердцем”» [Лесков: 286].

Лесков впоследствии даст более подробные изображения религиозности, проявляющейся в том, что неизменно любовное расположение к людям внешне выражается через добродушную усмешку и ласковую шутливость. Таков епископ Неофит в «Мелочах архиерейской жизни», таков церковный живописец Ларий в «Маленькой ошибке». Этот лесковский ряд персонажей, которые в общении с ближним вносят тон радостной приподнятости и доброй шутливости, заставляет усомниться в безоговорочности утверждения С. С. Аверинцева, писавшего, что «в народном языковом обиходе глагол “пошутить” систематически обозначает деятельность бесов», что «сам язык связывает “беса” и “шутку”, “грех” и “смех»» [Аверинцев: 341]. Можно сослаться и на авторитет Пушкина, писавшего, что отличительная черта русских – это «какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться» [Пушкин: 23]. Слова «шут» и «лукавый» часто используют как синонимы, однако у Пушкина здесь отсутствуют какие-либо демонологические коннотации. Это смех примиряющий, утешающий и объединяющий.

Подводя итоги, можно выстроить общую картину форм, средств и приемов комического (а также смехового) в «Монашеских островах».

В «донарративной», обзорной части очерка, в изображении неприемлемого для него смеха, связанного с религиозной сферой (глумливые насмешки атеистов-обличителей), повествователь по-публицистически прямо и открыто выражает свою позицию. Изображая начальные события паломничества, нарратор с помощью многочисленных шутливо-иронических отступлений от основной линии повествования создает картины комических проявлений религиозности (кариатура воинствующего пустосвята, иронически прокомментированные религиозные восторги «дам-мироносиц»). Комическая сфера «Монашеских островов» включает в себя также забавные «анекдотики» [Лесков: 240] вторичных нарраторов. На основе взаимодополнения голосов основного и вторичных нарраторов создаются комические типы околоцерковной среды: «терроризирующий святоша»; экзальтированная светская дама, совмещающая христианство с модным в то время спиритизмом; «богомалец поневоле»; суе-

вер-простец, участвующий в процессе «религиозного» легендотворчества.

Композиционно-эмоциональный строй путевых заметок определяет взаимодействие комической и лирико-патетической линий. Если в начальных и срединных главах очерка внимание нарратора обращено в сторону чудачеств «валаамских оригиналов», то далее следует резкий перелом интонаций. Собранные в единый фокус, эти смешные, нелепые ситуации и люди вызывают уже не смех, а скорбные размышления: «Боже мой! Боже мой! <...> Куда стремишься, куда плывешь ты, о Святая Родина, на своем углу корабле со своими пьяными матросами?» [Лесков: 283].

После этого лирико-патетического всплеска тон путевых заметок меняется: комических положений становится значительно меньше, лирическое начало заметно усиливается. По-прежнему комическую ноту вносит в повествование «царь Додон» с его притязаниями на особую роль в монастыре. Смешные положения, в которые он попадает, порождают эффект комического снижения, и с помощью смеха выделяются контуры негативного в обыденно-религиозной сфере.

Снижение комической остроты очерка по мере продвижения повествования к финалу позволяет понять, почему настолько по-разному изображены паломники, плывущие к Валааму, с одной стороны, в «Монашеских островах» и, с другой, — в «Очарованном страннике». Комические эффекты, вызываемые святошеством, жеманным благочестием, забавными суевериями, были бы неуместны в эпосе об очарованном страннике. Спад комизма в последних частях «Монашеских островов» становится одним из приемов, которые придают произведению «эпический характер» [Старыгина: 123] и готовят почву для патетического финала о русской вере. Таким образом, нравоописательный комический очерк, отчасти травестирующий жанр путешествия ко святым местам, заканчивается как эпическая поэма, центральным событием которой становится характерная для творчества Лескова сцена религиозного катарсиса. Поэтому «Монашеские острова» можно рассматривать в ряду тех лесковских произведений («Соборяне», «Запечатленный ангел», «Очарованный странник» и др.), в которых изображается религиозное преображение человека [Столярова: 4, 246-260]. По мере приближения к Валааму и погружения в его атмосферу комическая раз-

ноголосица уступает место «целомудренному молчанию» [Лесков: 301], что позволяет прозвучать в полный голос двум поэтическим видениям, в одном из которых, где появляется богатырь, можно увидеть предчувствие сюжета об Иване Флягине («Он был в полном смысле слова богатырь» [Лесков: 67]).

Смена художественной тональности становится тем средством, которое дает возможность переключить внимание с внешнего на внутреннее и создать ощущение причастности высшему, горнему миру.

Список литературы

Аверинцев С. С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1993. С. 341–345.

Ахматова А. А. Последняя сказка Пушкина // Анна Ахматова о Пушкине. Статьи и заметки. М.: Книга, 1989. 368 с.

Валаамский монастырь. Описание Валаамского монастыря и подвижников его. СПб., 1864. 289 с.

Долгова Е. В. Два взгляда на «Северный Афон» (А. Н. Муравьев и Н. С. Лесков) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2002. Т. 4. С. 292–299.

Лесков Н. С. Полное собрание сочинений. Т. 12. М.: Терра, 2014. 541 с.

Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 11. М.: Гослитиздат, 1958. 861 с.

Макарова Е. А. Творческое «паломничество» Н. С. Лескова // Православные духовно-нравственные идеалы и традиции – опора российского общества и государственности. Томск, Изд-во Томского ЦНТИ, 2015. С. 28–33.

Пинский Л. Е. Юмор // Краткая литературная энциклопедия, М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 8. Стб. 1012–1018.

Потебня А. А. Из записок по теории словесности. М.: Директ-Медиа, 2011. 100 с.

Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова //

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 6. С. 11–15.

Старыгина Н. Н. «Монашеские острова на Ладожском озере» Н. С. Лескова (жанр и композиция) // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск: Петрозаводск. гос. ун-т, 1986. С. 116–124.

Столярова И. В. На пути к преображению: Человек в прозе Н. С. Лескова. СПб.: С.-Петербургск. гос. ун-т, 2012. 325 с.

Туниманов В. А. Валаам в творчестве Н. С. Лескова // Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 330–347.

References

Averincev S. S. *Bahtin i russkoe otnoshenie k smehu* [Bakhtin and the Russian attitude to laughter]. *Ot mifa k literature: Sbornik v chest' 75-letija E. M. Meletinskogo* [From myth to literature: A collection in honor of the 75-th anniversary of E. M. Meletinsky]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1993, pp. 341–345. (In Russ.)

Ahmatova A. A. *Poslednjaja skazka Pushkina* [The Last Tale of Pushkin]. *Anna Ahmatova o Pushkine. Stat'i i zametki* [Anna Akhmatova about Pushkin. Articles and notes]. Moscow, Kniga Publ., 1989, 368 p. (In Russ.)

Valaamskij monastyr'. Opisanie Valaamskogo monastyrja i podvizhnikov ego [Valaam Monastery. Description of the Valaam Monastery and its ascetics]. St. Petersburg, 1864, 289 p. (In Russ.)

Dolgova E. V. *Dva vzgljada na "Severnyj Afon"* (A. N. Murav'ev i N. S. Leskov) [Two views on "North Athos" (A. N. Muravyov and N. S. Leskov)]. *Hristianstvo i russkaja literatura* [Christianity and Russian literature]. St. Petersburg, Science Publ., 2002, vol. 4, pp. 292–299. (In Russ.)

Leskov N. S. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete set of works]. Vol. 12. Moscow, Terra Publ, 2014, 541 p. (In Russ.)

Leskov N.S. *Sobranie sochinenij* [Collected works]: in 11 vols. Vol. 11, Moscow, GIHL Publ., 1958, 861 p. (In Russ.)

Makarova E. A. *Tvorcheskoe "palomnichestvo" N. S. Leskova* [Creative "pilgrimage" of N. S. Leskov]. *Pravoslavnye duhovno-nravstvennye idealy i tradicii — opora rossijskogo obshchestva i gosudarstvennosti* [Orthodox spiritual and moral ideals and traditions are the pillar of Russian society and statehood]. Tomsk, Tomsk Center for Scientific and Technical Information Publ., 2015, pp. 28–33. (In Russ.)

Pinskij L. E. *Jumor* [Humor]. *Kratkaja literaturnaja jenciklopedija* [Brief Literary Encyclopedia]. Moscow, Sov. encikl. Publ., Vol. 8, 1975, col. 1012–1018. (In Russ.)

Potebnja A. A. *Iz zapisok po teorii slovesnosti* [From notes on the theory of literature]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2011, 100 p. (In Russ.)

Pushkin A. S. *O predislovii g-na Lemonte k perevodu basen I. A. Krylova* [About the preface by Mr. Lemonte to the translation of fables I. A. Krylov]. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works] in 10 vols, vol. 6, Moscow, GIHL Publ., 1959–1962, pp. 11–15. (In Russ.)

Starygina N. N. *"Monasheskie ostrova na Ladozhskom ozere" N. S. Leskova (zhanr i kompozicija)* [Monastic Islands on Lake Ladoga" by N. S. Leskov (genre and composition)]. *Zhanr i kompozicija literaturnogo proizvedenija* [Genre and composition of a literary work]. Petrozavodsk, Petrozavodsk. state univ. Publ., 1986, pp. 11–15. (In Russ.)

Stolyarova I.V. *Na puti k preobrazheniyu: Chelovek v proze N.S.Leskova* [On the way to transformation: The man in the prose of N.S. Leskov]. St. Petersburg, state univ. Publ., 2012, 325 p. (In Russ.)

Tunimanov V. A. *Valaam v tvorchestve N. S. Leskova* [Valaam in the work of N. S. Leskov]. *Tunimanov V. A. Labirint sčepenij* [Labyrinth of couplings]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2013, pp. 330–347. (In Russ.)

© 2020. М. И. Щербакова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

**О коллективном труде Отдела русской
классической литературы ИМЛИ РАН
«Святитель Феофан, Затворник Вышенский.
Исследования и материалы»**

В статье представлен анонс готовящегося в Отделе русской классической литературы ИМЛИ РАН коллективного труда, посвященного изучению наследия святителя Феофана (Говорова), который включит новейшие материалы, относящиеся к событиям жизни и литературному, духовному наследию святителя Феофана, творческой истории его творений. В качестве примера в статье приводится фрагмент исследования маргиналий на страницах восьмого выпуска афонского издания «Собрания писем Святителя Феофана» (1902). Этот экземпляр принадлежал корреспонденту преосвященного — схимонахине Феофании (Александре Ивановне Кутушевой, Беличке), ныне он хранится в семейном архиве ее внучатого племянника А. Д. Кутушева. Пометы в книге сделаны самой владелицей, ее братом И. И. Кутушевым и племянницей О. И. Кутушевой. Это авторитетный и богатый источник для составления реально-исторического комментария к письмам свт. Феофана и для атрибуции смежных документов. Маргиналии Кутушевых вносят ясность в безнадежные для комментирования случаи, когда невозможно понять, о ком или о чем идет речь. Письма к Кутушевым — пятая часть опубликованного эпистолярного наследия преосвященного. На свои житейские вопросы корреспонденты получали ответы, выходявшие далеко за рамки единичной бытовой ситуации и обладавшие свойством универсальных правил духовной жизни.

Ключевые слова: Святитель Феофан (Говоров), духовное наследие, Кутушевы, эпистолярный, маргиналии, реальный комментарий.

Информация об авторе: Щербакова Марина Ивановна, ORCID 0000-0001-6705-8707, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия

E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

Дата поступления: 02.04.2020

Дата публикации: 17.06.2020

Для цитирования: Щербакова М. И. О коллективном труде Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН «Святитель Феофан, Затворник Вышенский. Исследования и материалы» // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 244–269. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-244-269

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2020. Marina I. Shcherbakova

A. M. Gorky institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

On the collective work of the Russian Department classical literature of Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences “Saint Theophanes the Recluse of Vysha. Research and materials”

The article presents the announcement of a collective work being prepared at the Department of Russian Classical Literature of Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences dedicated to the study of the heritage of Saint Theophanes the Recluse (Georgy Govorov), which will include the latest materials related to life events and the literary, spiritual heritage of St. Theophanes, the creative history of his creations. As an example, the article provides a fragment of the study of marks made in the margins of the eighth issue of Athonian edition of “The Collection of Letters from St. Theophanes” (1902). This copy belonged to the correspondent of the Right Reverend — nun Theophania (Aleksandra Kugusheva, Belichka) who had taken strict vows; now it is stored in the family archive of her great-nephew Aleksandr Kugushev. Marks in the margins were made by the owner, her brother Il'ya Kugushev and her niece Ol'ga Kugusheva. This is an authoritative and rich source for compiling a real historical commentary on the letters of St. Theophanes and for the attribution of related documents. The marginalia of the Kugushevs clarify hopeless cases for commenting when it is impossible to understand about whom or what the Saint had written. Letters to the Kugushevs are one fifth of the published epistolary heritage of the Right Reverend. The correspondents received answers to their everyday questions that went far beyond the scope of a single everyday situation and possessed the property of universal rules of spiritual life.

Keywords: Saint Theophanes the Recluse (Georgy Govorov), spiritual heritage, Kugushevs noble family, epistolary, marginalia, real commentary.

Information about the author: Marina I. Shcherbakova, ORCID 0000-0001-6705-8707, DSc in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069 Moscow, Russia

E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

Received: April 2, 2020

Published: June 17, 2020

For citation: Shcherbakova M. I. On the collective work of the Russian Department classical literature of Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences “Saint Theophanes the Recluse of Vysha. Research and materials” // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 2, pp. 244–269. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-244-269

В Отделе русской классической литературы ИМЛИ РАН готовится к изданию коллективный труд «Святитель Феофан, Затворник Вышенский. Исследования и материалы». Работа проводится в рамках одного из научных направлений Отдела — изучения русской духовной литературы и патристики XVIII–XIX вв., жизни и творческого наследия русских духовных писателей.

XIX в. в истории Русской Православной Церкви относится к Синодальному периоду и прославлен многими именами: Оптинские старцы Макарий и Амвросий, святители Игнатий (Брянчанинов), Филарет (Дроздов), Феофан (Говоров), митрополит Макарий (Булгаков), архиепископ Иннокентий (Борисов), св. прав. Иоанн Кронштадтский, архимандрит Леонид (Кавелин) и др. Их духовное наследие, представленное в богословских трудах, духовно-нравственных и гомилетических сочинениях, публицистике, дневниках и письмах, по прошествии двух веков не только не потеряло своей актуальности, но обрело очевидную для современного человека ценность — и как подлинное руководство в духовной жизни, и как ключ к пониманию глобальных общественно-исторических процессов.

Полноправно заявив о себе как о явлении отечественной словесности, русская патристика XIX в. не оказалась предметом столь же тщательного научного изучения, как литература светская. Между тем отечественной филологией накоплен богатейший опыт источниковедческих, текстологических, историко-литературных исследований, применение которого не только уместно, но, как показывают отдельные начинания в этом направлении, чрезвычайно результативно.

Исследования и материалы — особый и распространенный в наше время тип научного издания; это свод новейших материалов, относящихся к событиям жизни и литературному, духовному наследию писателя, творческой истории его творений. Такие издания, состоящие, как правило, из регулярно выходящих выпусков, призваны снабжать

научное сообщество результатами последних открытий, связанных с обследованием государственных и частных архивохранилищ, редких книжных фондов, обзорением периодики. Материалом исследований преимущественно становятся письма, дневники и записные книжки, воспоминания и свидетельства современников, а также другие документы эпохи.

Готовящийся труд Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН посвящен выдающемуся русскому духовному писателю — святителю Феофану (Говорову), Затворнику Вышенскому (1815–1894). Наследие свт. Феофана позволительно сравнить с айсбергом, который более века определяет движение на магистральных направлениях изучения духовной жизни России. Хотя сравнение не новое, важна его точность. Среди русских духовных писателей святитель Феофан обладает самым обширным наследием. Изучение этого уникального пласта отечественной словесности в связи с 200-летием свт. Феофана позволило выявить множество нерешенных вопросов и перспективных направлений исследования. Каждый узел биографии святителя представляет самостоятельную тему. В разные годы его жизнь была связана с Киевской Духовной Академией и Киево-Печерской Лаврой, Петербургской Духовной Академией, с Русской духовной миссией в Иерусалиме, русским посольством в Константинополе, Тамбовской и Владимирской епархиями — наиболее обширными на территории России XIX в. Великолепно богословски образованный, имеющий богатый опыт церковно-дипломатической, учебной и административной работы, свт. Феофан в конце 1860-х гг. принял на себя подвиг затвора, в котором провел почти 30 последних лет жизни и создал большую часть своих произведений.

Фигура выдающегося архипастыря встает в полный рост даже при простом перечислении сфер деятельности, в которых он проявил себя. Как духовный писатель свт. Феофан был автором множества трудов: в XIX в. их изданием занимались Афонский Русский Пантелеимонов монастырь, столичные и региональные отечественные типографии, периодические издания — духовные и светские. Как пастырь и педагог свт. Феофан оставил целую плеяду воспитанников в Петербурге, Киеве, Петрозаводске, Новгороде; под его началом выросли многие выдающиеся архиереи Русской Православной Церкви, богословы, педагоги, духовные писатели, государственные деятели; со всем основа-

нием можно утверждать, что в их заслугах перед Отечеством есть доля святителя Феофана.

Эпистолярное наследие преосвященного является важным документальным свидетельством его деятельности в затворе. Известно, что корреспондентами свт. Феофана были как видные деятели эпохи (свт. Игнатий Брянчанинов, свт. Филарет Дроздов, св. прав. Иоанн Кронштадтский, еп. Порфирий Успенский, обер-прокурор А. П. Толстой, духовный писатель А. Н. Муравьев), так и широкий круг современников, принадлежавших к разным сословиям русского общества. Целью представляемого в данной статье труда является не только поиск новых писем, но и комплексная научная обработка опубликованной ранее эпистолярной коллекции: выявление адресатов и определение упоминаемых персон, датировка, реально-исторический комментарий. На основе заново проанализированных писем преосвященного, а также архивных документов возможна реконструкция творческой истории главных книг свт. Феофана (едва ли не с момента зарождения замысла).

Письма к членам семьи Кугушевых составляют пятую часть всего опубликованного эпистолярного наследия святителя Феофана. В поле зрения исследователей оказался уникальный экземпляр: восьмой выпуск афонского издания «Собрания писем Святителя Феофана» (1902). Он принадлежал корреспонденту святителя Феофана — Александре Ивановне Кугушевой; ныне сохраняется в домашнем архиве ее внучатого племянника Александра Дмитриевича Кугушева. На страницах издания много карандашных и чернильных помет: заметки, уточнения, исправления, отчеркивания, подчеркивания и проч. Их анализ дал возможность, во-первых, атрибутировать сами пометы, принадлежавшие разным людям, состоявшим в переписке с Вышенским Затворником; во-вторых, воссоздать широкую панораму жизни семьи, которую окормлял святитель Феофан; наконец, существенно расширить реальный комментарий к письмам преосвященного и оснастить фактографическую базу исследования места и роли духовного наследия святителя Феофана в судьбах России.

Маргиналиям в восьмом выпуске афонского издания «Собрания писем Святителя Феофана» посвящено исследование, включенное в состав готовящегося коллективного труда «Святитель Феофан, Затворник Вышенский. Исследования и материалы». Текст дается в сокращении.

* * *

Начало переписки святителя Феофана с семьей Кугушевых относится к апрелю 1874 г. [Щербакова: 15–16], когда из Вышенского затвора святитель Феофан ответил на письмо помещицы села Берестенки Елатомского уезда Тамбовской губернии княгини Надежды Ильиничны Кугушевой. С годами в число корреспондентов преосвященного вошли дочери Кугушевой — Александра, Анастасия — и младший сын Илья, а также племянницы С. Н. Слепцова и Е. Т. Обухова — к тому времени монахиня Леонида и казначея Аносина монастыря.

Род Кугушевых происходил от татарских князей и был внесен в VI часть родословных книг Пензенской и Тамбовской губерний Российской Империи. Для овдовевшего князя Ивана Васильевича Кугушева (1819–1885) его брак с Надеждой Ильиничной (1828–1900) был вторым. Семья Кугушевых состояла в родстве с такими известными фамилиями, как Барышниковы, Батюшковы, Боде, Боратынские, Геркены, Дельвиги, Нелидовы, Обуховы, Оболенские, Панчулидзевы, Рачинские, Толстые, Черепановы, Энгельгардты, Абамелеки, Шиповы, Жемчужниковы, Чичерины. Отцом Н. И. Кугушевой был вице-адмирал И. А. Боратынский, а мать происходила из Дорогобужской ветви рода Барышниковых — щедрых благотворителей. Двоюродный брат Н. И. Кугушевой — один из самых значительных русских поэтов XIX в. Евгений Абрамович Боратынский. Иракий Абрамович Боратынский — генерал-лейтенант, губернатор Ярославля и Казани, сенатор. Ее родная сестра, Варвара Ильинична, была замужем за Николаем Павловичем Батюшковым, двоюродным братом еще одного выдающегося русского поэта, К. Н. Батюшкова.

О повседневной жизни семьи Кугушевых написала в своих «Воспоминаниях» их внучка, Ольга Ильинична Кугушева: «Женившись, дедушка с бабушкой уехали из Москвы жить в село Берестенки Елатомского уезда Тамбовской губернии. Дедушка сразу же занялся перестройкой дома — маленького, одноэтажного. По просьбе жены Иван Васильевич начал строить большую церковь в честь Успения Божией Матери — строительство заканчивал уже мой отец. Жизнь захватила бабушку и понесла стремительным потоком. А утешение в скорбях она находила в Боге. Любила странников. У нее часто бывали духовные лица. Любящая жена и мать, бесконечно преданная своим близким, она стремилась создать уютный и мирный дом. Надежда Ильинична нахо-

дит себе духовного отца. В сорок восемь лет она открывает всю свою жизнь в письмах к затворнику епископу Феофану (Говорову). Бабушка вообще вела строгую христианскую жизнь. Посещала Саровскую пустынь, была в Арзамасе, в Аносинской пустыни, Шамордине и других святых местах. И в Вышенской пустыни для нее бывать всегда было радостью. Духовная жизнь ее возрастала, особенно, конечно, благодаря письмам епископа Феофана. Когда выросли дети, святитель и их наставлял — особенно девочек. Бабушка в пятьдесят семь лет осталась вдовой. Она продолжала заботиться о детях <...>, всех бабушка воспитала православными, преданными России людьми, родину любившими беззаветно»¹.

После блаженной кончины святителя Феофана в январе 1894 г. редакции журналов «Душеполезное чтение», «Христианин», «Душеполезный собеседник» специально обратились к читателям с просьбой присылать сохранившиеся у адресатов письма преосвященного. «Из прошлых и настоящей книжек “Душеполезного чтения” читатели уже имеют некоторое понятие о жизни в Бозе почившего преосвященного Феофана “на покое” и “в затворе”. Чтобы представить эту жизнь со всевозможной обстоятельностью, Редакция обращается с покорнейшею просьбою ко всем, имеющим письма от почившего Святителя, сообщить ей с них копии, если нельзя прислать самых писем» [Душеполезное чтение: 296].

В результате почти две тысячи писем святителя Феофана было опубликовано на страницах церковных периодических изданий. Письма к Кугушевым публиковались в журнале «Душеполезное чтение» не все сразу, а частями, блоками. Имена адресатов были скрыты за инициалами. Нетрудно расшифровывались такие, как «К княгине Н. И. К-вой» — 53 письма к Надежде Ильиничне Кугушевой, «К князю Илье И. К-ву» — 33 письма к Илье Ивановичу Кугушеву. По аналогии расшифровывается: «К Н. И. К.» — 193 письма к Надежде Ильиничне Кугушевой. К ней же 69 писем, объединенных в блок «Н. И. К.», и 5 писем в публикации «Еще письма к Н. И. К.». По содержанию 24 писем «К г-же Н. Н.» определяется их адресат — также Н. И. Кугушева. Шутливые прозвища дочерей Н. И. Кугушевой Александры (Беличка) и Анастасии (Черничка) ясно указывают на адресатов 18 «Особых писем к Беличке» и «Двух писем к Черничке». Сложнее оказалось установить,

¹ Из архива семьи Кугушевых.

кому написаны 103 письма «К Е. С. В.» и одно к «В. С. Д.». Основываясь на содержании писем, уверенно можно сказать, что их адресатами были Анастасия Ивановна Кугушева (Черничка) и София Николаевна Слепцова (Московская Премудрость) [Щербакова: 73–75].

В 1898–1901 гг. Афонский Русский Пантелеимонов монастырь принял первое книжное издание писем святителя Феофана. В восьми выпусках были объединены избранные журнальные публикации. Письма к Кугушевым заняли в афонском издании особое место.

В семье правнука Н. И. Кугушевой — Александра Дмитриевича Кугушева — сохраняется экземпляр восьмого афонского выпуска «Собрания писем Святителя Феофана». На обложке год издания — 1902; на титуле — 1901. В правом верхнем углу титульного листа владельческая отметка чернильным карандашом: «С. М. Феоф.»; ниже расшифровка рукой Ильи Ивановича Кугушева: «схимонахини Феофании (“белички”)».

О схимонахине Феофании Ольга Ильинична Кугушева писала в своих «Воспоминаниях»: «Это моя родная тетя (сестра моего отца)... Воспитывалась и росла в тихой патриархальной мелкопоместной дворянской семье. Была красивая, веселая»¹. Овдовев, в декабре 1901 г. А. И. Кугушева поступила на испытание в Леснинский Богородицкий женский монастырь Холмской епархии. Здесь и проходила свое десятилетнее испытание Беличка. Монашеский постриг инокиня Александра приняла в 1912 г. 14 сентября, на Воздвижение Креста Господня — сугубо почитавшийся в Леснинском монастыре праздник, когда произошло обретение чудотворной Леснинской иконы Божией Матери в 1683 г. Вскоре, 7 мая 1914 г., в самое преддверье Первой мировой войны, монахиню Феофанию перевели в Московскую Покровскую общину сестер милосердия; к 1916 г. — в подмосковный Серафимо-Знаменский скит близ села Битягово.

Воспоминания о своей тетушке Александре Ивановне Кугушевой — Беличке, монахине Феофании — О. И. Кугушева закончила так: «Великая Отечественная война отдала тетю Сашу от нас; и ее молитвы и слова все же остались. Скит был разрушен... Она проживала в г. Ногинске (Богородске) под Москвой. Отец и мать и я навещали ее и снабжали чем могли. Жила она у Моториных, ходила в собор, и я, когда приезжала, ходила с ней на богослужение. Она мне твердила: “Жизнь

¹ Из семейного архива Кугушевых.

тяжелая, но ты, Оля, больше смотри на небо и будь счастлива». Умерла она в 1943 г., когда цвела сирень, и отец мой привез веточку сирени от ее могилы. Оставила мне икону преподобного Серафима и свои записи, книги, четки (они до сих пор благоухают ладаном — деревянные, переплетены проволокой — и этот аромат до сих пор сохранился). Она была рукодельница, вышивала, стегала одеяла, вязала кофты, ее руки все время трудились. Вечный покой моей милой тете Саше — схимонахине Феофании¹.

Афонское издание с пометами схимонахини Феофании перешло к ее брату Илье Ивановичу Кугушеву. В свою очередь и он, перечитывая письма святителя Феофана, добавил пометы и пояснения. Хранительницей и собирательницей семейного архива стала со временем Ольга Ильинична Кугушева. Ее пометы на страницах книги основаны на рассказах старшего поколения.

Маргиналии схимонахини Феофании, ее брата Ильи Ивановича Кугушева и племянницы Ольги Ильиничны составляют особую ценность этого экземпляра «Собрания писем Святителя Феофана». Подчеркивания и отчеркивания на полях, внесенные в текст исправления, замечания и пометы между строк, внизу страниц, на полях и др. проясняют смысл многих реалий, раскрывают имена, играют роль комментария и являют собой тот редкий случай, когда комментарий получен «из первых рук».

Атрибуцию писем «К Н. И. К.» (193 письма) как писем святителя Феофана к Надежде Ильиничне Кугушевой подтверждают, во-первых, пометы Белички в Оглавлении восьмого выпуска: «К моей матери. М<онахиня> Ф<еофания>». На начальной странице блока «К Н. И. К.» [Собрание: 3], в левом верхнем углу: «К моей матери» и тщательно стертая, но с читаемыми первыми буквами: «Над», т. е. «Надежде Ильиничне Кугушевой». В Оглавлении к письму № 1303 «Посетительнице Выши. Ответ о поездке в гости к Беличке» пояснение И. И. Кугушева: «Дочь Н. И. К.».

Блок «Еще письма к Н. И. К.» (5 писем) также отмечен пояснением владелицы книги: «К моей матери. С. м. Ф.». Поскольку в корпусе издания разделы не поименованы, то над пометой схимонахини Феофании сделана еще одна надпись черными чернилами, предположительно И. И. Кугушевым: «К Н. И. К.».

¹ Из архива семьи Кугушевых.

Кугушевский экземпляр афонского издания писем святителя Феофана пережил все испытания XX в. На нем остались рубцы тяжелых лет репрессий, когда княжеский титул семьи, во избежание суровых преследований, надо было скрывать. Тщательно, до дыр схимонахиня Феофания вымарала опасные места. Такие обмолвки, как «Кн. Н. И. К.» [Собрание: 74], «Княгинюшка!» [Собрание: 108], «Княгиня» [Собрание: 153], «у княгини» [Собрание: 161], подверглись беспощадному уничтожению. Рядом рукой И. И. Кугушева позднее были восстановлены инициалы «Н. И. К.».

Обширный блок опубликованных писем святителя Феофана к членам семьи Кугушевых включает и «Два письма к Черничке» [Собрание: №№ 1413 и 14143]. На полях первого — помета схимонахини Феофании: «Сестра моя Анастасия»; здесь же пояснение И. И. Кугушева: «Беличка писала» [Собрание: 152].

Также в восьмой выпуск «Собрания писем Святителя Феофана» вошли «Особые письма к Беличке» [Собрание: №№ 1415–1432]. В Оглавлении их границы помечены на полях рукой схимонахини Феофании: «С. М. Ф.» и И. И. Кугушева: «Конец писем к Беличке». А в корпусе рядом с первым письмом блока схимонахиня Феофания написала: «Начало писем»; чуть выше уточнение И. И. Кугушева черными чернилами: «К Беличке» [Собрание: 153].

О дочерях Н. И. Кугушевой Александре и Анастасии святитель Феофан впервые упоминает в письме от 20 ноября 1874 г.: «Благослови, Господи, причаститься вам св. Христовых Таин в обновление вашего духа. Умницы и красавицы ваши, что вместе с вами готовятся к сему преспасительному делу. Да утвердит Господь сей обычай в них навсегда» [Собрание: № 1221, 5]. Против этих строк на полях пояснение И. И. Кугушева: «Беличка и Черничка».

Святителем Феофаном нередко писались двойные письма: в одном письме он поочередно обращался к разным адресатам. Такое письмо, отправленное в Берестенки Кугушевым, вошло в афонское издание и включено в блок «Особые письма к Беличке». И. И. Кугушев, обнаружив неточность, пометил письмо № 1421: «Н. И. К.». Ошибочная атрибуция объясняется первой фразой письма, которую издатели приняли за обращение. На самом деле святитель Феофан пишет Н. И. Кугушевой о дочери Александре и зяте: «Беличке Божие благословение! Если они находят, что около вам им покойнее будет жить, даруй им Господи

устроиться, по желанию своему. Сорадуюсь счастью их... Да продлит Господь его до конца жизни. Что деток нет, конечно скучно... Но надо это предать в волю Божию и Ему поклониться... Может быть придет срок, — и дети будут. Благослови Господи всех вас. Ваш богомolec Е. Феофан» [Собрание: 159].

Обстоятельства жизни Белички в силу ее живой и деятельной натуры быстро и неожиданно менялись. По этой причине практически невозможно прокомментировать строчки из не датированного письма святителя Феофана к Н. И. Кугушевой: «Беличку вашу благослови Господи на новый путь. Прекрасное решение! Там она найдет сладкий покой. Трудно бывает иногда, но самый труд имеет в себе источник утешений» [Собрание: № 1240, 19]. Подсказка — на полях письма рукой схимонахини Феофании: «В сестры милосердия». Еще письмо — из блока «Особые письма к Беличке»: «Обеими руками благословляю вас на избранный путь. Ничего нет лучше. Увидите, как страдания больных сжимают сердце, — и тотчас какое утешение приходит в сердце, когда успеете как-нибудь успокоить кого-либо из них» [Собрание: № 1417, 155–156]. К слову *путь* И. И. Кугушев сделал сноску: «сестры милосердия». Объяснен младшим братом и другой поворот судьбы Белички, о котором в письме к ней писал святитель Феофан: «Благослови вас Господи на образ жизни, который всегда и воображался вами как лучший» [Собрание: № 1418, 156]. Между строк вписано: «Замужество» [Собрание: № 1418, 156].

О замужестве Белички в «Воспоминаниях» ее племянницы, Ольги Ильиничны, краткая запись: «Вышла замуж за Рогожина, детей у них не было. В разгар жизни он внезапно скончался»¹. Решение о замужестве оказалось для святителя Феофана новостью: «Свадьба! Благослови Господи! — написал он 7 сентября 1881 г. Н. И. Кугушевой. Но как же это, не распознавши, что за жених, отдавать красавицу Беличку, особенно когда верные есть вести, что охоч покутить. Хоть слово “при случае» не означает кутилу. Но кто знает, может быть, свидетельство о сем дошло до вас в смягченном виде? — Мне думается, что вы лучше сделаете, если не поспешите, и окончательно решитесь, когда наверное узнаете, что выдать — безопасно. Вам, конечно, это дело лучше знать. Я говорю только по общему порядку. От всей души желаю счастья умнице Беличке. Иконка стоит на престоле, и завтра

¹ Из семейного архива Кугушевых.

литургию простоит. Буди она осенением ей от всех житейских бурь» [Собрание: № 1295, 58].

Но житейские бури не прошли мимо Белички. При чтении писем святителя Феофана в их опубликованном виде в памяти участников и очевидцев событий воскресали подробности пережитого, и на страницах книги появлялись разного рода заметки. «Что зять ваш бросил пить и положил не пить, это хорошее решение. Не пивши ничего, будет всегда свеж и долее проживет. Питье и малое жизнь подъедает, и есть дело немного похожее на медленное *самоубийство*» [Собрание: № 1263, 34]. Последнее слово подчеркнуто. Есть еще одна помета, относящаяся к этой теме: чернильный карандаш схимонахини Феофании как бы скользнул по тексту письма, адресованного Н. И. Кугушевой, подчеркнув всего три слова, за которыми встает горький опыт не только личной жизни, но и судеб страны. «Что пишете о детях, жалости достойно. Но зло разливается... и *зальет бедную Русь*» [Собрание: № 1283, 49].

Предвидя монашескую стезю Александры Кугушевой, святитель Феофан писал ее матери: «А может быть, и она соблазнится, и увлечется черничеством». [Собрание: № 1416, 154]. И. И. Кугушев внизу страницы подтвердил предположение преосвященного карандашной записью: «Беличка после смерти еп. Феофана поступила в монастырь и умерла схимницей с именем Феофании. И. К.». В не датированном письме к Н. И. Кугушевой есть и такие строки, также отмеченные на полях рукой схимонахини Феофании: «Умница Беличка — чего ради себе не вздумает, все оставивши, поискать покоя в Господе Иисусе Христе, в Коем все сокровища, душу удовлетворяющие, сокрыты» [Собрание: № 1341, 96]. На поля вынесены уже знакомые инициалы: «С. М. Ф.». В тексте еще одного письма к Н. И. Кугушевой святитель Феофан так объясняет происходящее с Александрой: «Беличка сама не знает, чего хочет. Душа ее ищет лучшего, Богом будучи возбуждаема; а она ищет худшего: ибо думает найти его вне Бога, где не лучше, а хуже. Бога надо ей взискать, к Богу прилепиться, и душа успокоится, насытись всеобъемлющим благом. А она не знает куда очи свои обращает. У ней есть смысл большой и сила воли немалая. Почему не рассудить и не найти сего должным, — а потом топнуть ногой, — и конец всем расчетам» [Собрание: № 1285, 50–51]. Время обнаружило всю глубину слов преосвященного. Оглядываясь на свою жизнь, схимонахиня Феофания отметила их в книге чернильными крестиками.

Маргиналии раскрывают упоминания и о других членах семьи, имена которых важны при комментировании писем.

Имя третьей дочери Н. И. Кугушевой — Марии Ивановны — не названо ни в одном из опубликованных писем святителя Феофана. При этом с ее смертью связаны шесть писем¹, отправленных с Выши в феврале и марте 1879 г. На полях одного из них, не датированного, схимонахиня Феофания написала: «14 л. дочь Мария умерла в институте от тифа». Помета относится к утешающим словам святителя Феофана и дает ключ к пониманию их реального контекста: «Плачьте, плачьте! В этом ничего нет неестественного и укорного. Диво было бы, если б мать не плакала о смерти дочери. Но при этом надо знать меру: не убиваться и не забывать тех понятий о смерти и умерших, которые даются нам христианством. Умерла! Не она умерла, умерло тело: а она жива, и так же живет, как и мы, только в другом образе бытия. Она и к вам приходит и смотрит на вас. И, надо полагать, дивится, что вы плачете и убиваетесь, ибо ей лучше. Тот образ бытия выше нашего. Если б она явилась и вы попросили ее войти опять в тело, она ни за что не согласилась бы. Зачем же вам вступать с нею в такое разногласие? Желать того, что ей противно? Какая тут будет любовь. Нельзя не пожалеть, что не пришлось вам в последний раз взглянуть в очи ее; последнее услышать слово от нее, последнее дать ей объятие материнской любви... Ну вот и поплачьте. Только все немножко. Телесные ее очи закрылись, а душевными она смотрит: смотрите и вы на нее душою своею. Не воображайте ее в могиле. Там ее нет, там тело ее; а она вне, и теперь, может быть, при вас стоит. Язык ее замолк, но она не лишена возможности говорить вам в сердце. Внимайте и услышите: “Мамочка, не тужи и не убивайся. Я с тобою, и мне очень хорошо!” Отвечайте же и вы ей: “ну, слава Богу, что тебе лучше”. Объятия ее застыли, не прострутся более. Но она собою, как душа, может объять душу вашу и так же тепло, как теплы обычные объятия. Отвечайте же и вы спокойною, не мятущеюся, теплою памятью о ней...» [Собрание: № 1274, 43].

Тяжело переживала смерть Маши и Александра Кугушева. В утешение ей святитель Феофан писал: «Сестра умерла. Слава Богу! — Прав-

¹ Письма, связанные со смертью М. И. Кугушевой публиковались в составе разных коллекций: «Письма к г-же N. N.» (вып. II), «Письма к княгине Н. И. К-вой» (вып. V) и «Письма к Н. И. К.» (вып. VIII).

да-правда, что ей там лучше» [Собрание: № 1419, 157]. Между строк И. И. Кугушев оставил пояснение: «Девушка 14-ти лет».

Младший сын Н. И. Кугушевой Илья Иванович, помимо того что сам был корреспондентом святителя Феофана, много раз упоминается в письмах с Выши в годы своего детства и отрочества. Все эти места И. И. Кугушев отметил в восьмом выпуске «Собрания писем Святителя Феофана», вписав везде свое имя — Илья: «Мальцу вашему желаю успеха. Но если ему наука не идет в голову, не мучьте его» [Собрание: № 1287, 52], «Что вы хотите отдать младшего сына в известное семейство в Москве, сие не худо. Бог благословит» [Собрание: № 1290, 55], «Спешу вам ответить о сыне. Если он молод, то везите его назад. Пусть еще подрастет. Вы мне не означили тогда года, а сказали только — младший сын» [Собрание: № 1292, 56], «Время ли определить вашего младшего сына? Думается, чем скорее — тем лучше» [Собрание: № 1299, 62], «Мальцу, когда приедет, скажите потихоньку: не слушай брата; он стал немного заговариваться...» [Собрание: № 1383, 128]. Благословляя Илью отправиться на обучение в Муромское реальное училище, святитель Феофан писал: «Святые Муромские повлияют на него своим молитвенным Муромом осенением» [Собрание: № 1470, 227]. Эти слова И. И. Кугушев подчеркнул и отметил на полях: «Верно. И. К-в.».

О главе семьи — позднейшая запись, предположительно его внучки, Ольги Ильиничны Кугушевой. «Да упокоит Господь душу новопреставльшегося раба своего Иоанна!» — написал 15 мая 1885 г. святитель Феофан [Собрание: № 1348, 102]. В книге между строк чернилами вписано: «Иван Васильевич Кугушев». Также в издание вложен листок из ученической линованной тетради с записью тем же почерком и теми же чернилами: «15 мая 1885 умер Иван Вас.». Можно предположить, что черновые заметки делались О. И. Кугушевой для ее «Воспоминаний».

На последней странице восьмого выпуска «Собрания писем Святителя Феофана» И. И. Кугушев записал несколько строк: «Это — “Московская премудрость”, ее считали тогда. Софья Николаевна, урожденная Батюшкова, ее муж Слепцов. Она писала стихи в журнале “Душеполезное чтение” под псевдонимом “Сирофиникиянка”» [Собрание: 228].

Племянница Н. И. Кугушевой София Николаевна Слепцова была единственной дочерью Варвары Ильиничны Головиной (родной сестры Н. И. Кугушевой) от первого брака с Николаем Павловичем Ба-

тюшковым. В 1868 г., выйдя замуж за председателя строительной конторы Министерства Императорского двора П. Н. Слепцова, София переселилась в северную столицу. Но Петербург не стал родным для нее; здесь умерла ее новорожденная дочь. Поэтому, овдовев в 1882 г., С. Н. Слепцова вернулась в Москву. Родная тетушка оставалась самым близким человеком, к которому могла прислониться душа 34-летней женщины, успевшей потерять родителей, ребенка и мужа. Н. И. Кугушева обратилась к святителю Феофану с просьбой духовно поддержать племянницу. Когда преосвященный подробнее узнал о жизни Слепцовой, полушутливо-полусерьезно заметил: «Так вот какая племянница-то?! А я было зашвырнул ее не зная куда. Так она — профессорша премудрая! Пусть же готовится в строгий монастырь, где бы ее игуменья вышколила хорошенько, чтобы она потом могла сделаться и сама игуменьей» [Собрание: № 1300, 62]. «Ваша племянница — сирота кругом, — писал он в другом письме. — Пусть сделается черничкою. И будет покойна» [Собрание: № 858, 135]. Еще одно не датированное письмо святителя Феофана отмечено пояснением схимонахини Феофании. Святитель Феофан писал: «Московская премудрость немного солгала. Писал я ей всего дважды; а в таких случаях нельзя говорить: несколько писем. И если еще напишу, — все же нельзя так говорить. — К ней писать крайне необходимо. Есть надежда наладить ее на игуменство. Не захочет?! Пусть кружится. Ее воля» [Собрание: № 1262, 33]. На полях афонского издания рукой схимонахини Феофании дано разъяснение: «Двоюродная сестра Слепцова».

Здесь же, на последней странице издания, еще одна запись И. И. Кугушева: «Мать Леонида — это Елизавета Трофимовна Обухова, а Лиза — сестра Марии Аркадьевна Муратовой, Елизавета Аркадьевна».

Елизавета Обухова — племянница Н. И. Кугушевой, одна из дочерей ее сестры Елизаветы Ильиничны Обуховой. 21 июня 1883 г. в Аносинском женском монастыре Елизавета приняла постриг с именем Леонида. Не случайно в одном из писем к Н. И. Кугушевой святитель Феофан рекомендует: «И у сестры погостить да устроит вам Господь. В Аносин будете ездить. Мне приходило на ум, — не лучше ли вам вместо Москвы поселиться при Аносине?!» В издании И. И. Кугушев в скобках пояснил: «Монастырь женский». В тексте не датированного письма № 1396 святитель Феофан прямо называет племянницу Н. И. Кугушевой: «Писала ко мне мать Леонида — Аносинская казна».

чея. Поминает, что я когда-то писал ей. И когда писал, и что писал, не помню. Спаси ее, Господи! Она имеет сильную ревность о спасении. Да исполнится над нею обетование — изреченное Господом для ищущих! И все ищущие — да обрящут искомое» [Собрание: № 1396, 138]. Здесь, как и на последней странице книги, повторно раскрыто имя монахини Леониды (предположительно О. И. Кугушевой): между строк вписано «Елизавета Трофимовна Обухова».

Лиза и Мария Муратовы, также упомянутые на последней странице книги, — внучки Ивана Васильевича Кугушева, дети Любови Ивановны Муратовой, его дочери от первого брака. Младшая Мария, родами которой умерла мать, с первых дней жизни воспитывалась Н. И. Кугушевой. О ней святитель Феофан писал как о малютке, сиротке; а при публикации писем был оставлен лишь инициал — М. Загадку этой персоны невозможно было бы решить без помощи семейных воспоминаний и свидетельств, в частности, без маргиналий в восьмом выпуске «Собрания писем Святителя Феофана». Одна из них относится к письму, адресованному Анастасии Кугушевой, Черничке. «Благослови вас Господи! — писал святитель Феофан. — Всеусердно желаю вам спокойствия душевного при всех хлопотах. Малютка — утешение вам! Спасайтесь!» [Собрание: № 1420, 158]. На полях схимонахиня Феофания уточнила: «Сиротка племянница». Одно время старшая сестра Лиза жила в доме Александры Кугушевой, но два темперамента так и не смогли поладить. «Лиза-сиротка вас беспокоит и тяготит... Идите к Надежде Ильинишне, падайте в ноги... и упрсите ее — сжалиться над вами и над сироткою, — и взять ее от вас» [Собрание: № 1424, 160], — писал святитель Феофан. К этим строчкам письма два пояснения. «Елизавета Аркадьевна Муратова», — стрелкой указала О. И. Кугушева на Лизу-сиротку; «матери» — сделал И. И. Кугушев карандашную сноску к имени Надежды Ильиничны.

Одно из не датированных писем к Н. И. Кугушевой, приехавшей на Вышу помолиться и причаститься, было передано ей в руки келейником святителя Феофана. Поэтому дата и не была поставлена. Возникшая при этом ситуация раскрыта в самом письме. «Евламий напутал вам. Я хотел перестать принимать записочки и вопросы... от поклонниц приходящих сюда, а мне совсем неизвестных. Не зная их, затрудняешься, что им ответить, — и пишешь большею частью общие мысли... Пишут же они иногда дело, а иногда пустошь. — Но я тут же

и раздумал; потому что какой ни есть, все же ответ дается. Отказ же всегда оскорбителен. Эта моя загадка — ни вас и никого из знаемых не касалась. Извольте на Евлампия епетимию наложить... потому что он против вас погрешил» [Собрание: № 1384, 129]. Карандашная помета над именем дает справку: *келейник*.

Особо отмечены в книге — четкими крестами, уверенно поставленными чернильным карандашом, что было характерно для помет схимонахини Феофании, — рекомендации и советы преосвященного относительно духовной жизни. Одно из таких мест: «Будущее счастье, коим стараетесь утешить себя, какое это? — Здешнее или загробное? — Коли здешнее, то, конечно, от этого нечего ожидать. А если будущее, то не понимаю, как оно может быть неутешительно? — Страждущие и с покорностью пред Богом переносящие свое скорбное житье, то же, что мученики, для коих уготованы такие блага, в сравнении с коими настоящие скорбности и *ноля* не стоят. Напротив, вы лучше сделаете, если чаще будете переноситься туда мыслью и сердцем, в чаянии быть там, наконец, утешенною. Ибо это несомненно вас ожидает, если не станете допускать ропотливости и всегда питать смиренную покорность воле Божией, присуждающей вам то и то...» [Собрание: № 1297, 60]. Пометы такого рода дают возможность представить духовные потребности самой схимонахини Феофании, отражают глубину ее собственного духовного опыта как результата пройденного пути: «Благодумствуйте! И всегда у Господа испрашивайте себе сего дара. С ним не будет никакого горя. Все будет принимаемо как радостное и благоприятное. Тут сила Божия на мирное течение пути в жизни сей, всегда почти стропотном» [Собрание: № 1317, 75]; «Не надо никогда насилловать течения событий; а смотреть внимательно, как они текут, и пользоваться тем во спасение свое» [Собрание: № 1343, 98].

Восьмой выпуск «Собрания писем Святителю Феофана» по составу смело можно назвать кугушевским, ибо из включенных в него 252 писем только 34 адресованы иным корреспондентам преосвященного. Схимонахиня Феофания, читая и эти, «чужие» письма, отмечала важные для себя места. В письме к П. А. Б.: «Но есть способ, как дойти до того, чтоб сомнения совсем не рождались. Мне рассказывал *один*, как его кто-то научил, как до сего достигнуть. Вообрази, говорит, истину, и молись о ней, или ее во время молитвы вращай в уме, и молитвы составляй из ней же. Придет момент, когда истина сия войдет в сердце и обымет все существо души, питая ее и обвеселяя. Это есть сроднение души с истиною; и

после сего сомнения уже не могут колебать ее. Они могут в памяти проходить, но бывают далеки от души, как говор или шепот за стеною. — Так творить меня научил некто. Я стал так делать, и по милости Божией, хоть и грешен есмь, но ум мой плавает в области истины спокойно и утешается ею» [Собрание: № 1462, 209]. Подчеркнув в тексте письма слово *один*, схимонахиня Феофания написала на полях: «О себе говор<ит>». В этом же письме ею отмечена мысль о жизни в Боге как истинной жизни духа, которым обладает человек: «Там только он находит покой, там его рай и обетованная земля» [Собрание: № 1462, 213].

Отмечала схимонахиня Феофания важные для себя мысли преосвященного не только крестами. Ее пометы были и в виде уверенных отчеркиваний на полях тем же чернильным карандашом: «Пока человек держит еще здравые понятия, на него можно еще действовать; а когда он потеряет их и примет превратные, на них нечем действовать, потому что против здравых понятий у них есть не здравые, которые однако ж нравятся им лучше, потому что потворствуют их чувственным страстям» [Собрание: № 1411, 11].

На полях книги схимонахини Феофании много однотипных помет иного характера. Это осторожные, едва заметные прикосновения карандаша — вертикальные черточки длиной не более 3 мм. Их происхождение и назначение определить трудно. Однако отмеченные таким образом отдельные реплики в письмах святителя Феофана складываются в мозаичную картину жизни большой семьи, всех ее членов.

Об Александре Кугушевой: «Беличке даруй Господи полно восстановить силы свои, и начать обычное течение жизни... к Богу — почаще посматривать на конец, который может застать очень неожиданно» [Собрание: № 1345, 100].

О младшей дочери Н. И. Кугушевой Анастасии, Черничке, «утехе вашей» [Собрание: № 1292, 56], очень кратко: «И Черничка заболела. Желаю и ей благодушия. Потому что зубная боль самая чувствительная» [Собрание: № 1307, 68], «Беличке масленица ничего, а Черничке она не очень благоприятна» [Собрание: № 1320, 78]; «Черничку спаси Господи. Время ее молодое, потребности души и тела в живом движении. Сколько ей нужно внимания! Но Господь близ, и Ангел Хранитель, и Покров Матери Божией. Да молится убо с воздыханиями, и будет как овечка в прочной ограде. — А материнская молитва да будет как покров, или осенение согревающее» [Собрание: № 1336, 91]; «Болит

по ней душа моя, в желании, чтоб она покрепче утвердилась во внутреннем человеке... Ибо тогда уже никакие волны не могут колебать ее, как твердый утес» [Собрание: № 1338, 94]; «Благодушие Чернички да укрепляет Господь паче и паче! Пусть навькает быть в памяти Божией и памяти смертной. Это два остна, которые сильны возбуждать и самого ленивого» [Собрание: № 1345, 100].

О сыне Павле, сдавшем экзамен и перешедшем в следующий класс: «Избави только его Господи переходить с Божией стороны на вражью» [Собрание: № 1318, 76]. И еще: «Павел ваш — чудо, что ходит в церковь. Нынешних учащихся не затянешь туда на аркане. Такое дурное направление приняло наше учение» [Собрание: № 1386, 130].

О младшем Илье «Благослови его Господи! Две вещи: внимательно слушать толкование в классе... и потом заучивать дома с пониманием. Что непонятно, пусть не стыдится спрашивать у товарищей... и у старших» [Собрание: № 1334, 90].

О племяннице Слепцовой: «Пусть же готовится в строгий монастырь, где бы ее игуменья вышколила хорошенько, чтобы она потом могла сделаться и сама игуменью» [Собрание: № 1300, 62]; «О Премудрости Московской я мимоходом спросил. Очень жаль, если она обьюродует» [Собрание: № 1334, 90]; «Очень рад, что успокоились насчет Московской Премудрости» [Собрание: № 1336, 91].

Известно, что святитель Феофан с энтузиазмом относился к гомеопатии и некоторым другим нетрадиционным способам лечения. Упоминания об этом в письмах также отмечены легкими отчеркиваниями на полях: «Поздравляю с приобретением гомеопатического доктора и с аптечкою. — Теперь всем болезням конец» [Собрание: № 1314, 73]; «Хотите прибегнуть к гомеопатии. Добре! — Слышу, что крупинки многим помогают» [Собрание: № 1328, 84]; «Я слышал, что полезнее, чем кому, гомеопатия для детей, — и для простого народа» [Собрание: № 1329, 85]; «Спрашиваете о молокопитании. Никакого нет греха употреблять в пост, когда того требует состояние здоровья. Даже и бульон можно употреблять» [Собрание: № 1302, 64]; «У меня никакой нет болезни; но я пью молоко и кроме молока даже и воды не беру в рот» [Собрание: № 1408, 147]; «Посмотрите, ныне все доктора за границей настаивают заводить для здоровья растительную пищу. А что с этою пищею долже прожить можно, это давно они толкуют» [Собрание: № 1228, 11]. И как общий итог всем врачебным экспериментам пометой на полях отме-

чены слова преосвященного: «И лекарь не мешает, и преданность Богу нужна» [Собрание: № 1344, 99].

На свои житейские вопросы корреспонденты святителя Феофана получали ответы, как с годами стало понятно, выходявшие далеко за рамки единичной бытовой ситуации и обладавшие свойством универсальных правил жизни на все времена — как подобает жить православным людям. В книге, принадлежавшей схимонахине Феофании, отмечено: «Вместо епитимии пусть идет нездоровье, — только не ропщите, а паче благодарите!» [Собрание: № 1307, 68]; «Пустой сон или не пустой, надо им воспользоваться, чтоб почаще заглядывать в дверь общего исхода. К тому уж идет» [Собрание: № 1309, 70]; «Но умудритесь наполнить все часы дня ваши делами, так чтоб вам все некогда было... и скучанья меньше будет» [Собрание: № 1310, 70]; «Общиться с единокдушными, для взаимного себе поддержания в действовании на пути спасения» [Собрание: № 1312, 72]; «От житейских людей нельзя требовать такой сосредоточенности, какая обязательна для оставивших житейские порядки» [Собрание: № 1310, 70]; «Если случится отшатнуться от тех, кои мало думают о Боге и спасении, жалеть об этом нечего. Общение с ними останется только в житейском порядке» [Собрание: № 1312, 72]; «У вас все прискорбности и прискорбности! Это спасительные Божии врачевства — и свидетельство Божия к вам внимания» [Собрание: № 1313, 72]; «Если хочешь себя Господу посвятить, то незначем тебе водиться с миром, в котором нет духа Христова» [Собрание: № 1316, 75]; «Уповайте на Господа и всегда просите Его заступления, и все у вас будет сходить с рук легко» [Собрание: № 1327, 83]; «Поелику враг лукав и злохитр, — то надо во всем уху держать остро...» [Собрание: № 1329, 85]; «Вопросцы — злая уловка нездравомыслящих! Это то же, что хульные помыслы, всеваемые врагом» [Собрание: № 1330, 86]; «Если захочешь, все сможешь. Ибо если захочешь, взыщешь; взыскав, взмолишься; взмолившись, помощь получишь, — а с сею помощью все возможно» [Собрание: № 1342, 97]. Здесь же афористично краткие формулировки: «Молитва — то, что ум и сердце имеют к Богу» [Собрание: № 1337, 92]; «Сирота — Божие дитя» [Собрание: № 1425, 161].

Своим духовным чадам святитель Феофан давал наставления, исходя из возможностей и условий их жизни: «Говейте и причащайтесь три раза: на первой, на крестопоклонной и на страстной — конечно, если не встретите препятствий» [Собрание: № 1306, 67]; «Хочешь быть ум-

ницею-разумницею?.. Никогда не допускай слабости, чтоб у тебя срывалось что с языка, или прорывалось движение, показывающее, что у тебя на душе есть некая неурядица... Это всегда унижает... и показывает, что ты не умеешь владеть собою» [Собрание: № 1331, 87]; «Тело надо держать постоянно в струнку, как солдат на параде, никак не позволяя себе распускать членов, не только при хождении и сидении, но и при стоянии и лежании» [Собрание: № 1458, 196–197]; «Не мешает, однако ж, иметь в руках четки погрубее, — и как только тело зажеляет себе блажи — или поесть, или поспать, или развалиться на креслах и диване, — угощайте его такими четками по плечам, пока отрезвится» [Собрание: № 1461, 203]. За каждым из этих советов при чтении воскрешались для членов семьи Кугушевых картины ушедшей жизни и появлялось карандашное отчеркивание на полях книги.

Молитве, ее творению, ее великому значению посвящены проповеди, отдельные издания и публикации святителя Феофана. Находясь в Вышенском затворе, преосвященный обращался к своим корреспондентам в письмах, утверждая их в вере и убеждая в силе молитвы, помогая наладить молитвенную жизнь, составить ежедневное молитвенное правило. Каждый такой совет святителя Феофана бесценен; отдавая себе в этом отчет, схимонахиня Феофания и ее родные оставляли маргинальные пометы на страницах восьмого выпуска «Собрания писем Святителя Феофана»: «Молитва никогда не пропадает даром, исполняет ли Господь прошение или нет. По неведению мы часто просим бесполезного и вредного. Не исполняя этого, Бог за труд молитвенный подаст другое что, незаметно для нас самих» [Собрание: № 1406, 146]; «Вечером надо душу вычищать от всего и упразднить, чтоб она осталась пустою с одним Господом. — И тако отходить ко сну. Без этого же не отходить, а потрудиться над собою» [Собрание: № 1456, 194]; «Когда я писал вам ночью больше молиться, то разумел молитву пред сном; а когда просыпаетесь и молитесь лежа, это не худое дело, а добрый замен пустых мечтаний, в промежутках сна. Хорошо знать на память несколько Псалмов, чтоб читать их в эту пору» [Собрание: № 1378, 124].

Также и о молитвенном состоянии: «Дух наш восстанавливается благодатию Божиею в силе противостоять влечениям к земле со стороны души и тела. Он и восстановлен уже в христианах. Но невнимание к нему и к делу его делает то, что земное успевает увлекать нас и как туманом заслонять небо. Лучший способ как подкреплять дух наш, в его борьбе с ду-

шою и телом при влечениях к земному, есть память об исходе и о последующем за ним суде и предрешении участи нашей. Потрудитесь поставить себя в состояние умирающей сейчас и сейчас имеющей предстать на суд и вместе с тем возбудить соответственные тому чувства и смотрите, что будет? Полагаю, что все нити земные этим будут порваны и в сердце останется одно вопияние: “о Господи! Спаси же!” Научите сему и Н... Ничто так не оживляет страха Божия, со всеми плодами его, как поставление себя в сие состояние и возчувствование того. Надо теребить свое сердце разными возбуждательными помышлениями. А так оставлять его, оно зарастет тернием и волчцами, нечувствием, нерадением и невниманием [Собрание: № 1341, 95–96]. И еще: «Враг всюду сеет свои плевелы... которые кружатся в воздухе и залетают в души тех, кои стоят разинувши рот, т. е. не внимают себе» [Собрание: № 1383, 128]. Этот фрагмент ограничен в тексте письма скобками и подчеркнуто: *разинувши*.

Близки к мыслям святителя Феофана о молитве и его рекомендации, как вообще следует жить, относиться к окружающим, воспринимать жизненные обстоятельства, реагировать на испытания и скорби. Каждое слово, отмеченное на полях опубликованных писем, прошло проверку временем: «В болезни учитесь смирению, терпению, благодушию и Богоблагодарению. Что приходит нетерпеливость, это дело человеческое. Придет — отгонять надо. На то и чувство тяготы положения, чтобы было что терпеть. Если не чувствуется тяготы положения, то и терпения нет. Но когда приходит чувство тяготы и сопровождается желанием ее сбросить, то тут ничего грешного нет. Это естественное чувство! Грех начнется, когда вследствие сего чувства — душа поддастся нетерпеливости и начнет склоняться к ропотливости. Пришло чувство, надо его прогнать. Бога же поблагодарить» [Собрание: № 1343, 97]; «Если верить Промышлению Божию, определяющему участь земную для всякого так, как ему удобнее спастись, то должны верить и тому, что вся ваша житейская обстановка есть самая пригожая вам для устройства вашего спасения» [Собрание: № 1344, 98]; «Что есть соль? Там приточное слово. Как Спаситель толкования не дал Сам, то всякому воля понимать это как рассудит, в назидание себя. Я думаю, что это любовь к Богу — горячая. Соль — гнилость прогоняет, а любовь к Богу — все грешное и Богу противное истребляет. Соль проникает осолненное; и любовь проникает все составы душевные, и духовные, и телесные, и всему сообщает прочность и неповрежденность» [Собрание:

№ 1344, 99]; «Что сын ваш ворочался к добрым намерениям, это утешительный признак. Его отступничество навеяно со вне, — бреднями, ходящими среди молодежи. Жизнь среди простых верующих образумит его. Вы же усугубьте молитвы» [Собрание: № 1387, 131]; «Это вам Бог послал, чтоб вы не забыли, что на земле нечего загадывать жить широко. Тесный путь — настоящий путь. Буди имя Господне благословенно во веки!» [Собрание: № 1392, 134].

В письмах святителя Феофана встречаются безнадежные для комментирования случаи, когда подлинным спасением становятся маргиналии Кугушевых. Так, в связи с обращением к Черничке в одном из писем святителя Феофана, адресованном Н. И. Кугушевой, схимонахиня Феофания оставила разъяснение, без которого смысл слов преосвященного так и остался бы неясным. Малопонятные строки не оставляют возможности комментатору понять, о чем идет речь: «Матушка Черничка! Видите теперь, в чем сила? Забыл вам сказать, что весь первый труд обратите на навык владеть черным снадобьем... Возьмите одну фигурку и все ее рисуйте. А то просто, что вздумаете... рисуйте... Отрядите на это клочок, подобный испачканному мною... Когда навыкните владеть черным снадобьем, тогда желтое ничего трудного не представляет». На полях рукой схимонахини Феофании написано: «Рисовать с молитвою по атласу золотом» [Собрание: 20]. Еще один пример. Святитель Феофан писал Н. И. Кугушевой: «Случай в семействе ваших знакомых точно поразителен. Но как тут нельзя не видеть перста Божия, то надо в сем признать особую милость Божию. — Это было самое лучшее для всех их... и так для них устроено». Приоткрыть завесу над таинственным происшествием, о котором сообщила на Вышу Н. И. Кугушева, помогает запись между строк, оставленная И. И. Кугушевым: «Муж и жена младожены умерли, и вслед за ними ребенок» [Собрание: № 1402, 143]. В конце этой записи начертана стрелка; такая же стрелка обнаруживается на следующей странице издания, против слов: «Алексея я поминаю. Буду поминать и Людмилу с Лидиею. Спаси их Господи!» [Собрание: № 1402, 144]. Таковы немногие сведения о случившейся трагедии. Дата письма не известна. В другом не датированном письме № 1405 святителя Феофана есть строчка: «Какая хорошая поговорка старца Амвросия... И — будем терпеть!» [Собрание: № 1405, 145]. Можно предположить, что это ответ на некое сообщение Н. И. Кугушевой. Действительно, И. И. Кугушев внизу страницы

карандашом написал популярные в их семье поговорки преподобного Амвросия Оптинского: «Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия — буду терпеть и я. Жить — не тужить, никого не обижать и никого не осуждать, и всем мое почтение».

Подлинным подарком для комментатора являются поправки, внесенные схимонахиней Феофанией в текст писем восьмого выпуска «Собрания писем Святителя Феофана». Вряд ли владелица экземпляра специально занималась сверкой опубликованного текста с источником. Хотя не исключено, что в тех случаях, когда смысл читаемого смущал, схимонахиня Феофания могла обратиться к оригиналу письма — при условии, что он у нее был: по прошествии времени об этом утвердительно судить невозможно. Однако очевидно, что живая память о ситуации или событии (чем не обладают посторонние читатели позднейших лет) улавливала внимание читавшей; и следовала вносимая поправка.

Публикаторами была искажена фамилия Тарбеевой — духовной дочери и предположительно корреспондента святителя Феофана. Древний русский дворянский род Тарбеевых внесен в Бархатную книгу и родословные книги нескольких губерний, в частности, Тамбовской, на карте которой до сего дня сохранились поселения Старое и Новое Тарбеево. Оставаясь на слуху в семье Кутушевых, фамилия была поправлена (Тарбьева/Тарбеева) в письме № 1245: «За поминание о Тарбеевой я совсем не оскорблялся, а написал вам, что написал, чтобы вы не разгорались несбыточными надеждами. Вы тут ни в чем не виноваты, а виновата Тарбеева, что разболтала, тогда как ей наказано было строго молчать. Бог простит» [Собрание: № 1245, 22]. На полях уточнение: «К Владыке пришла». Известно несколько случаев, когда святитель Феофан принимал или был намерен принять в своей келье посетителя в знак особой благодарности, как было, например, с Варварой Тимофеевной Свиридовой. Она самоотверженно ухаживала по просьбе святителя Феофана за умиравшей княгиней П. С. Лукомской — верным другом преосвященного. «Я бы и принял вас, — написал святитель Феофан Свиридовой 3 сентября 1878 г., — если б вы приехали, хотя никого не принимаю»¹.

В письме к Н. И. Кутушевой от 11 июня 1889 г. святитель Феофан нарисовал впечатляющую картину бедствия: «Так вот у вас как?! Дым ест глаза, — кровля течет, — в окна ветер беспокойный дует: бежать

¹ Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Оп 24. Д. 41. № 4011. Л. 7–8.

надо. — Уж если это неизбежно; надо убежать, коли есть возможность. Благослови Господи, и помоги вам! [Собрание: № 1409, 148]. Проясняет эти загадочные обстоятельства карандашная помета И. И. Кугушева: «Иносказательно, думается».

По смыслу исправлена опечатка, допущенная в письме к Н. И. Кугушевой от 1–2 февраля 1882 г. — продолжали / продолжают: «Испытали вы на Выше скороуслышность Божиею Материею молитвы вашей... и слава Богу! — Стало быть, очи Матери Божией на вас покоились. — Почему не думать, что они и *продолжают* покоиться, — и в сем черпать тепла успокоения под покровом Владычицы!» [Собрание: № 1306, 67].

Еще две смысловые поправки внесены в не датированные письма святителя Феофана. В письме № 1346 поправка делом / делал: «И молитвою не докучайте; можно надоесть. Советуйте ему хоть немного, да молиться утром и вечером, не читая никаких молитв, а так умно очи к Богу возводя. Вечером — Бога поблагодарить за день, утром попросить о дне, — своими словами, как знаешь, — только бы *делал*. И этого довольно» [Собрание: № 1346, 101]. В письме № 1420 поправка охали / ахали: «Не гонитесь за блеском и тем, чтоб другие, смотря на вас, *ахали!* — Тихо и тихо! Без шума и крика, без загадок и строения воздушных замков» [Собрание: № 1420, 159].

Более века эти смысловые ошибки, допущенные при публикации писем святителя Феофана, воспроизводились в последующих изданиях и не были замечены читателями, хотя искажали мысль преосвященного. Яркий пример такого искажения мы видим в письме святителя Феофана к Н. И. Кугушевой от 11 апреля 1882 г.: «Письма ваши получил. Благодарствую. Не отвечал потому, что мы заняты в эту пору были» [Собрание: № 1307, 67]. Только очень внимательный глаз и чуткое ухо могли бы уловить неверный тон: святитель Феофан объясняет задержку ответа на письмо духовной дочери своею занятостью; смущает и личное местоимение во множественном числе — *мы* заняты в эту пору были». Внесенная поправка в экземпляре схимонахини Феофании указывает на характерную ошибку прочтения, допущенную при наборе письма с рукописного источника: заняты / залиты; внизу страницы пояснение: *водой*. Весеннее половодье рек Цна и Выша в начале апреля 1882 г. лишило монастырь связи с Шацком и через его почтовое отделение с другими городами. Отсутствие автографа не помешало обнаружить однотипную ошибку и в письме святителя Феофана к Н. В. Елагину, написанном не-

делей позднее, 18 апреля 1882 г.: «Письмо и книга получены в конце Фоминой», — писал преосвященный. И далее в Афонском издании: «Мы бываем заняты в это время» [Собрание: № 1153, 160]. Ошибка очевидна: задержка в получении письма и книги из Петербурга никак не могла зависеть от напряженной жизни Вышенского монастыря, но произошла именно по причине разлива рек. Аналогичная поправка занята / залиты должна быть внесена и в письмо святителя Феофана от 19 апреля 1881 г., адресованное протоиерею В. П. Нечаеву: «Мы бываем залиты и вам три недели не шлем посылку» [Творения: 254].

Таким образом, принадлежавший схимонахине Феофании экземпляр восьмого выпуска афонского издания «Собрания писем Святителя Феофана», на страницах которого сохранились маргиналии его владелицы и других членов семьи Кугушевых, является авторитетным и богатым источником, дающим разнообразный материал для изучения духовного наследия святителя Феофана, Затворника Вышенского.

Список литературы

- Душеполезное чтение. 1894. Май–июнь.
Собрание писем Святителя Феофана. Вып. восьмой. М.: Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1901. 228 с.
Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Из неопубликованного. М.: Правило веры. 2001. 656 с.
Щербакова М. И. Письма с Выши. Святитель Феофан и его корреспонденты Кугушевы. М.: Российский писатель, 2018. 160 с.

References

- Dushpoleznoe chtenie* [Soulful reading]. 1894, Mai–iiun'. (In Russ.)
Sobranie pisem Sviatitelia Feofana. Vyp. vos'moi [Collection of letters of St. Theophanes. Vol. 8]. Moscow, Afonskii russkii Panteleimonov monastyr' Publ., 1901, 228 p. (In Russ.)
Tvoreniia izhe vo sviatykh ottsa nashego Feofana Zatvornika. Sobranie pisem. Iz neopublikovannogo [Creations of the saints of our father Theophan the Recluse. Collection of letters. From unpublished]. Moscow, Pravilo very Publ., 2001, 656 p. (In Russ.)
Shcherbakova M. I. *Pisma s Vyshi. Sviatitel' Feofan i ego korrespondenty Kugushevy* [Letters from Vyshy. Saint Theophanes and his correspondents Kugushev]. Moscow, Rossiiskii pisatel' Publ., 2018, 160 p. (In Russ.)

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

Научный журнал
Два века русской классики / Two centuries of the Russian classics

2020 — Т. 2 — № 2

Учредитель и издатель
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук

Главный редактор
Щербакова Марина Ивановна
доктор филологических наук, профессор,
заведующая отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН

Дизайн обложки и макет журнала **Компьютерная верстка**
Д. К. Бернштейн А. З. Бернштейн

Корректор
В. Г. Андреева

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № Эл 77-76366 от 02.08.2019 г.

Адрес учредителя, редакции и издателя:
121069, Москва, ул. Поварская, 25а

Тел.: (495)690-50-30

E-mail: journal_ork@mail.ru

Сайт журнала: www.rusklassika.ru

Дата размещения сетевого издания в сети Интернет
на официальном сайте <http://rusklassika.ru> 17.06.2020 г.

При перепечатке ссылка обязательна

Ученым
мировой репутации

и.
А. М. Топько
РА
Москва